ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Сомерсет

МОЭМ

Малый уголок

Малый уголок
Сомерсет Уильям Моэм

Аннотация
Уильям Сомерсет Моэм. МАЛЫЙ УГОЛОК
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая

Аннотация

«Малый уголок» — это классическая повесть о море, полная приключений, страстей и интриг, написанная одним из лучших писателей двадцатого века.

Путешествуя по островам южной части Тихого океана, уважаемый доктор Сондерс получает предложение капитана Николса и его спутника Фреда Блейка воспользоваться их суденышком. Сильный шторм вынуждает их искать убежища на отдаленном острове Канда. Там эти трое мужчин попадают под чары знойной и потрясающе красивой Луизы, и их история превращается в повествование о любви, убийстве, ревности и самоубийстве.

Уильям Сомерсет Моэм
МАЛЫЙ УГОЛОК

Сколь мала жизнь человека, и сколь мал уголок земли, где он живет.

Марк Аврелий

Глава первая

Все это случилось много–много лет назад.

Глава вторая

Доктор Сондерс зевнул. Было девять часов утра. Его ждал долгий день, а делать ему было нечего. Немногих пациентов он уже посмотрел. На острове не было врача, и, когда он приехал, все, кто чем–нибудь болел, воспользовались случаем показаться ему. Но климат здесь был здоровый, те недуги, с которыми к нему обращались, были или хроническими, и он мало чем мог помочь, или пустяковыми и быстро поддавались самым простым лекарствам Доктор Сондерс уже пятнадцать лет практиковал в Фучжоу и пользовался среди китайцев репутацией великого врачевателя всех болезней, поражающих глаза. Вот и сейчас он приехал в Такане, чтобы удалить катаракту богатому китайскому купцу. Такане — один из островов Малайского архипелага в самой южной его части — находится так далеко от Фучжоу, что сперва доктор отказался туда ехать. Но китаец по имени Цзинь Цин сам был родом и Фучжоу, и два его сына жили там. Он хорошо знал доктора Сондерса и, приезжая в Фучжоу, всякий раз обращался к нему по поводу своего

зрения, которое ухудшалось с каждым днем. Он слышал, будто доктор творит чудеса, заставляя прозревать слепых, и когда сам оказался в таком состоянии, что мог лишь сказать, день сейчас или ночь, доктор Сондерс был единственный, кому Цзинь Цин соглашался довериться, — только он мог вернуть ему зрение. Доктор Сондерс предлагал ему приехать в Фучжоу, когда появились определенные симптомы, но Цзинь Цин тянул, побаиваясь скальпеля, а когда дело дошло до того, что он больше не отличал предметы друг от друга, долгое путешествие тоже стало его страшить, и он попросил сыновей уговорить доктора приехать к нему в Такане.

В юности Цзинь Цин был кули, но благодаря тяжкому труду и мужеству, которым немало помогли удача, ловкость и неразборчивость в средствах, сколотил большое состояние. Теперь, в семьдесят лет, он владел крупными плантациями на нескольких островах и несколькими шхунами для ловли жемчуга и торговал всем, что только произрастало и производилось на архипелаге. Его сыновья, тоже уже немолодые люди, отправились к доктору Сондерсу. Они были его друзьями и пациентами. Два–три раза в год они приглашали его на парадный обед, где угощали супом

из ласточкиных гнезд, акульими плавниками, трепангом и прочими деликатесами; «певички», нанятые за большие деньги, услаждали гостей песнями, и все расходились изрядно под хмельком. Китайцам нравился доктор Сондерс. Он бегло говорил на местном диалекте. Жил не в сеттльменте[1], как другие белые, а в самом центре китайского города. Он жил там из года в год, и они привыкли к нему. Они знали, что он курит опиум, хотя и умеренно, знали и все прочее, что можно было о нем знать. Они считали его человеком разумным. Их не смущало, что европейцы, члены небольшой иностранной общины, относятся к нему крайне холодно. В клуб он ходил, только когда прибывала почта, — читать свежие газеты; в гости его никто не приглашал. У европейцев был свой врач, англичанин, и к доктору Сондерсу обращались, лишь когда тот уезжал в отпуск. Но если у них случалось что–нибудь с глазами, они забывали о своей неприязни и отправлялись в убогий домишко за рекой, где доктор Сондерс благополучно обитал среди сомнительных ароматов туземного города. Сидя в приемной, служившей одновременно гостиной, они брезгливо посмат-

[1] Примечания: 1
Европейский квартал. — Здесь и далее примеч. пер.

ривали кругом. Комната была меблирована в китайском стиле, если не считать шведского бюро и двух продавленных качалок. На выцветших стенах в странном соседстве висели подаренные благодарными пациентами китайские свитки и картонная таблица, где были отпечатаны буквы разной величины и в разных сочетаниях. Европейцам всегда казалось, что в доме попахивает опиумом.

Но сыновья Цзинь Цина не заметили этого, а если бы и заметили, это бы их не смутило. После того как они обменялись с доктором всеми приличествующими случаю любезностями и тог угостил их сигаретами из зеленой жестяной коробки, гости изложили свою просьбу. Отец велел им сказать, что он слишком стар и слеп и не может приехать в Фучжоу, поэтому он хотел бы, чтобы доктор Сондерс сам отправился в Такане и сделал операцию, о необходимости которой он говорил два года назад. Сколько доктор за это хочет? Сондерс покачал головой: у него большая практика в Фучжоу, даже речи не может быть о том, чтобы покинуть город на длительное время. Почему бы Цзинь Цину не воспользоваться одной из собственных шхун? В конце концов пусть обратится к хирургу в Макасаре, тот достаточ-

но квалифицированный специалист. Сыновья Цзинь Цина, не жалея слов, объяснили, что никто не способен на такое чудо, как доктор Сондерс, отец это знает и не позволит никому другому прикоснуться к себе. Он готов заплатить в два раза больше того, что доктор, по его расчетам, заработал бы в Фучжоу за время своего отсутствия. Доктор Сондерс продолжал качать головой. Тогда братья переглянулись, и старший вынул из внутреннего кармана большой потертый бумажник черной кожи, набитый банковскими билетами. Он разложил их веером перед доктором: тысяча долларов, две тысячи долларов. Доктор лишь улыбался, поблескивали острые ясные глаза. Китаец продолжал раскладывать на столе банкноты. Оба брата тоже улыбались с заискивающим видом, внимательно следя за выражением его лица; наконец им показалось, что оно неуловимо изменилось. Доктор не шевельнулся. Взгляд по–прежнему был снисходительно–ироничен, но они нутром почуяли, что в нем пробудился интерес. Старший сын Цзинь Цина вопросительно взглянул на него.

— Я не могу оставить своих пациентов на целых три месяца, — сказал доктор. — Пусть Цзинь Цин пригласит кого–нибудь из голландских док-

торов Макасара или Амбоины. В Амбоине вполне приличный врач.

Китаец не ответил. Он выложил на стол новые банкноты. Это были билеты по сто долларов, и он раскладывал их небольшими пачками, каждая — по десять штук. Бумажник перестал быть таким пухлым. Он клал пачки одну рядом с другой, и наконец их стало десять.

— Стоп, — сказал доктор. — Этого хватит.

Глава третья

Поездка была сложной. Из Фучжоу доктор отправился на китайском судне в Манилу на Филиппинских островах, а оттуда, прождав несколько дней, на грузовом корабле в Макасар. Там он купил билет на голландский пароход, который раз едва месяца делал рейс в Мерауке, в Новой Гвинее, заходя по пути в множество мест, и на нем наконец прибыл в Такане. Он взял с собой юношу–китайца, который прислуживал ему, давал наркоз во время операций и готовил трубки, когда доктор курил опиум. Доктор Сондерс удачно прооперировал Цзинь Цина, и теперь ему оставалось только сидеть и плевать в потолок, дожидаясь, когда голландский корабль заберет его на обратном пути из Мерауке. Такане — довольно большой остров, но стоит в стороне, и голландский Régisseur[2] посещал его эпизодически. Власти были представлены яванцем–полукровкой, который не говорил по–английски, и несколькими полисменами. Город состоял из одной–единственной улицы, где рас-

[2] Примечания: 2
Управляющий (фр.).

полагались лавки. В двух или трех хозяевами были арабы из Багдада, все остальные принадлежали китайцам. В десяти минутах пути от города была небольшая гостиница, где останавливался Régisseur во время своих периодических наездов; там–то и устроился доктор Сондерс. Тропинка, ведущая сюда, шла дальше через плантации еще мили три и терялась в девственном лесу.

Когда на остров заходил голландский корабль, здесь наступало некоторое оживление. Капитан, один или два офицера, главный механик и пассажиры, если они были, сходили на берег; они сидели в лавке Цзинь Цина и пили пиво. Но гости никогда не оставались больше чем на три часа, и когда они садились в шлюпку и уезжали на корабль, городок снова погружался в сон. На пороге этой самой лавки и отдыхал сейчас доктор Сондерс. Над входом висел тент из ротага[3], защищающий от солнца, но снаружи все было залито резким ослепительным светом. В отбросах, над которыми жужжали мухи, рылся шелудивый пес, выискивая что–нибудь съедобное. Несколько куриц скребли лапами землю, одна, присев и взъерошив перья, купалась в пыли. У лавки на-

[3] Примечания: 3
Сорт пальмы и волокно из ее ствола.

против голый китайчонок со вздутым животом пытался на дорожной пыли построить песочный замок. Вокруг него вились мухи, садились на тело и лицо, но он не обращал на них внимания, увлеченный игрой. Даже не пытался их смахнуть, Прошел туземец в одном вылинявшем саронге[4], на плече — шест, к обоим концам которого были подвешены корзины с сахарным тростником. Он шел волоча ноги, поднимая при каждом шаге облака пыли. Внутри лавки, сгорбившись нал столом, клерк деловито вырисовывал кисточкой иероглифы, составляя какой–то документ. На полу сидел кули; он свертывал сигареты и курил одну за другой. Покупателей не было. Доктор Сондерс попросил дать ему еще пива. Клерк, перестав писать, сходил в комнату за лавкой, вынул бутылку из ведра с водой и принес ее доктору вместе со стаканом. Пиво приятно холодило горло.

Время тянулось медленно, доктору нечем было его убить, но он не томился скукой. Он умел извлекать развлечения из мелочей, и шелудивый пес, и куры, и пузатый ребенок — все занимало и забавляло его. Он медленно пил пиво.

---

[4] Примечания: 4
Юбка из куска материи, обернутого вокруг бедер.

Глава четвертая

Доктор Сондерс поднял глаза. Удивленно вскрикнул. Серединой пыльной дороги, направляясь к нему, шагали двое белых. В гавани не было ни одного судна, и доктор не понимал. откуда они взялись. Они шли не торопясь, глядя то направо, то налево, видно, здесь, на острове, они были впервые. На них были поношенные штаны и тельняшки. Тропические шлемы почернели от грязи. Незнакомцы подошли к лавке, увидели на пороге доктора Сондерса и остановились. Один из них обратился к нему:

— Это лавка Цзинь Цина?

Да.

— А он здесь?

— Нет, он болен.

— Не полезло. Тут, верно, можно выпить?

— Конечно.

Говоривший обернулся к спутнику.

— Зайдем.

Они пошли внутрь.

— Что будете пить? — спросил доктор Сондерс.

— Мне пива.

— Мне тоже, — буркнул второй.

Доктор передал заказ кули. Тот принес для незнакомцев бутылки с пивом и стулья. Один из них был пожилой, с изжелта–бледным морщинистым лицом, седыми волосами и щеточкой седых усов, среднего роста, худощавый; когда он говорил, открывались чудовищно испорченные зубы. Хитрые глазки все время бегали по сторонам. Маленькие, выцветшие, они были посажены близко друг к другу, что придавало ему сходство с лисой. Манеры у него были заискивающие.

— Вы откуда? — спросил доктор.

— Только что пришли на люггере[5]. С острова Терсди.

— Немалый путь. Как погода?

— Лучше не бывает. Ровный бриз, море гладкое, что стекло. Меня зовут Николс. Капитан Николс. Может, слышали?

— Да вроде нет.

— Болтаюсь по здешним морям уже лет тридцать. На архипелаге не найдешь островка, куда бы я не приставал в том или другом году. Меня тут все знают. И Цзинь Цин знает меня. Лет двадцать знакомы.

---

[5] Примечания: 5
Небольшое парусное судно.

— Я здесь человек пришлый, — сказал доктор.

Капитан Николс посмотрел на него — лицо открытое, выражение сердечное, но взгляд настороженный.

— Сдается, мне ваша личность знакома, — сказал он. — Провалиться мне на этом месте, коли я вас не встречал.

Доктор Сондерс улыбнулся, но воздержался от дополнительных сведений. Капитан Николс прищурился, тщетно пытаясь вспомнить, где он сталкивался с этим человечком. Оглядел его с ног до головы. Доктор был низенький, чуть больше пяти футов шести дюймов, с заметным брюшком. Руки — мягкие и пухлые, небольшие, с длинными пальцами, и, возможно, если он был тщеславен, составляли некогда предмет немалой гордости. В них до сих пор чувствовалась порода. Он был очень дурен собой, с курносым носом и огромным ртом, и когда он смеялся, а смеялся он часто, обнажались крупные желтые неровные зубы. Под кустистыми седыми бровями поблескивали умные, язвительные зеленые глаза. Прыщеватая кожа была не очень чисто выбрита. Густой румянец переходил на скулах в багровый цвет, что говорило о застарелой болезни сердца. Волосы, вероятно, в свое время черные, густые и жесткие,

теперь побелели и еле прикрывали макушку. Однако уродливость доктора не отталкивала, а, напротив, привлекала к себе. Когда он смеялся, у глаз собирались морщинки, придавая удивительную живость лицу, насмешливому, но отнюдь не злому. В такие минуты он был бы похож на шута, если бы не проницательность, светившаяся в его ясном взоре. В уме его сомневаться не приходилось. Однако, хотя он всегда был весел и оживлен, любил шутку и потешался над собой не меньше, чем над другими, у собеседника создавалось впечатление, что даже в разгар необузданного веселья он себя не выдает. Он всегда, казалось, был начеку. Он был разговорчив и доброжелателен, но чувствовалось (если вы были наблюдательны и не позволяли себе обмануться его открытой манерой держаться), что эти веселые, смеющиеся глаза ничего не упускают, взвешивают, судят и выносят приговор. Он был не из тех, кто принимает что–либо на веру.

Доктор ничего не ответил, и капитан Николс указал пальцем на своего спутника:

— Это Фред Блейк.

Доктор Сондерс кивнул.

— Надолго сюда? — продолжал капитан.

— Жду голландский пакетбот.

— На север или на юг?

— На север.

— Как, вы сказали, вас зовут?

— Я этого не говорил. Сондерс.

— Я достаточно порыскал по свету, чтобы не задавать лишних вопросов, — сказал капитан с заискивающим смехом. — Не задавай вопросов и не услышишь лжи… Сондерс? Я знал немало парней, которые откликались на это имя, но их оно было или нет, никто не мог сказать, кроме них самих. Что там приключилось со старым Цзинь Цином? Старикан подходящий! А я думал, мы с ним языки почешем.

— Глаза подвели. Катаракта.

Капитан Николс выпрямился и протянул руку.

— Док Сондерс! Я знал, что уже видел вас. Фучжоу. Я был там семь лет назад.

Доктор пожал протянутую руку. Капитан Николс обратился к своему приятелю:

— Доктора Сондерса все знают. Лучший врач на Востоке. Глаза. Это по его части. У меня был друг, все говорили, что он ослепнет, ничем ему не помочь, такой пошел к доку Сондерсу и через месяц видел не хуже нас с тобой. Желтокожие просто молятся на него. Док Сондерс! Вот приятный сюрприз! Я думал, вы не уезжаете из Фучжоу

ни на день.

— Как видите, уехал.

— Мне крупно повезло. Вас–то мне и надо. — Капитан Николс наклонился вперед, и его хитрые глазки просверлили доктора пристальным взглядом, в котором чувствовалась чуть ли не угроза. — Меня одолела диспепсия.

— О Боже! — пробормотал Фред Блейк.

Это были первые слова, которые он произнес, и доктор Сондерс обернулся, чтобы на него посмотреть. Фред ссутулился на стуле в позе, которая говорила о скуке и дурном настроении, и грыз ногти.

Это был высокий юноша, худощавый, но гибкий и крепкий, с кудрявыми каштановыми волосами и большими глаза–ми яркой голубизны. На вид — лет двадцать. В грязной тельняшке и брюках из хлопчатобумажной саржи он выглядел немногим лучше бродяги. Молокосос, подумал доктор. Угрюмое выражение лица не делало его приятнее, но нос у него был прямой, рот красиво очерчен.

— Брось грызть ногти, Фред, — сказал капитан. — Мерзкая привычка.

— Осточертела мне эта ваша диспепсия, — со смешком отозвался юноша.

Когда он улыбался, приоткрывались редкой красоты зубы. Белые, мелкие, идеальной формы, они были так неожиданны на этом сумрачном лице, красота их была так ослепительна, что захваты вала врасплох. В его хмурой улыбке таилась большая прелесть.

— Тебе легко смеяться, ты не знаешь, что это такое, — сказал капитан Николс. — Уж как я намучился от нее. И не говори, что я неосторожен и ем что попало. Я все перепробовал. Мне все во вред. Возьми хоть это пиво. Думаешь, оно мне сойдет с рук? Да ни в жизнь, сам знаешь.

— Давайте, давайте. Выкладывайте доктору все как есть, — сказал Фред Блейк.

Капитану Николсу это только и надо было, и он принялся подробно излагать историю своей болезни. Он описывал симптомы с научной точностью. Не было такой неаппетитной детали, которую бы он опустил. Он перечислил всех врачей, к которым обращался, все патентованные средства, которые применял. Доктор Сондерс слушал молча, с сочувственным интересом и время от времени кивал.

— Если есть на свете человек, который может мне помочь, так это вы, док, — серьезно сказал капитан. — Мне не надо говорить, что вы в своем

деле собаку съели, я это и сам вижу.

— Я не чудотворец. За одну минуту много не сделаешь, да еще когда, как у вас, болезнь стала хронической.

— Я чудес и не прошу. Но ведь вы можете прописать лекарство, верно? Чего я только не глотал. Вот бы хорошо было, кабы вы меня осмотрели.

— Сколько вы тут пробудете?

— Да сколько душа захочет.

— Мы отчалим, как только запасемся всем необходимым, — сказал Блейк.

Мужчины обменялись быстрым взглядом, не ускользнувшим от доктора Сондерса. Он и сам не знал, почему у него создалось впечатление, что за всем этим что–то кроется.

— А что вам тут надо? — спросил он.

Лицо Фреда Блейка снова стало угрюмым, и когда доктор задал этот вопрос, он посмотрел на него и тут же отвел глаза. Доктор Сондерс прочел в них подозрение, а возможно, и страх. Странно, странно… Ответил ему капитан:

— Я знаю Цзинь Цина тысячу лет. Мы хотели купить у него кое–что из провианта, и нам не повредит, коли мы пополним запас пресной воды.

— Торгуете чем–нибудь? Продаете? Покупаете?

— В некотором роде. Коли попадется что–ни-

будь подходящее, мы своего не упустим. Как и всякий другой.

— А какой у вас груз?

— Да всего понемножку.

Капитан Николс добродушно улыбнулся, показав испорченные черные зубы. Продувная бестия, сразу видно. Доктору Сондерсу пришло в голову, уж не везут ли они контрабандой опиум.

— Вы, случайно, не зайдете в Макасар?

— Может статься.

— Что это за газета? — спросил вдруг Фред Блейк, тыча пальцем в прилавок.

— Эта? Трехнедельной давности. Ее привезли на том же корабле, на котором я сюда приехал.

— А австралийские газеты у них бывают?

— Нет.

Доктор Сондерс засмеялся при одной мысли об этом.

— А какие–нибудь корреспонденции из Австралии в этой газете есть?

— Газета голландская. Я голландского не знаю. Во всяком случае, на острове Терсди вы имели более свежие новости.

Блейк слегка нахмурился. Капитан плутовски улыбнулся.

— Тут тебе не пуп земли, Фред, — сказал он,

посмеиваясь.

— И никогда не бывает газет на английском языке? — спросил Фред.

— Почти. Порой попадет случайный номер гонконгской газеты или «Стрейт–таймс», да и тот старый.

— Что же, они здесь не знают никаких новостей?

— Только те, что привозит голландский корабль.

— А телеграфа у них тут нет?

— Нет.

— Если кто не хочет попасть на глаза полиции, лучше местечка не сыскать, — сказал капитан.

— Во всяком случае, на какой–то срок, — согласился доктор Сондерс.

— Хотите еще пива, док? — спросил Блейк.

— Спасибо, пожалуй, нет. Я иду обратно в гостиницу. Надеюсь, не возражаете сегодня там со мной пообедать?

Он обращался к Блейку, ему почему–то казалось, что тот откажется от его услуг, но ответил ему капитан:

— Прекрасно. Жратва на люггере уже не лезет в глотку.

— Излишнее беспокойство, — сказал Фред

Блейк.

— Пустяки. Жду вас здесь к шести часам. Пропустим по паре стаканов и пойдем.

Доктор поднялся, кивнул и ушел.

Глава пятая

Но он не сразу пошел в гостиницу. Его сердечное приглашение отнюдь не являлось следствием внезапной вспышки гостеприимства; оно было вызвано замыслом, который возник у него во время разговора. Оставив в кои–то веки Фучжоу и свою врачебную практику, доктор теперь вовсе не спешил вернуться и решил совершить поездку на Яву — первый отдых за столько лет, — прежде чем вновь браться за работу. Он подумал, что, может быть, незнакомцы подбросят его если не к Макасару, то хотя бы к одному из часто посещаемых островов, а там он найдет пароход, который отвезет его в нужном ему направлении. Доктор уже примирился с тем, что ему придется провести около трех недель на Такане, поскольку раньше уехать отсюда он не мог; но Цзинь Цин не нуждался больше в его услугах, и теперь, когда появилась возможность покинуть остров, доктора охватило страстное желание ею воспользоваться. Мысль о том, чтобы остаться на такое долгое время без всякого дела, показалась ему вдруг невыносимой. Доктор двинулся по широкой недлинной

улице — не больше полумили — и вскоре вышел к морю. Набережной не было. Кокосовые пальмы подходили к самой воде, под их кронами стояли хижины туземцев. Играли дети, тощие свиньи рылись среди свай. Серебряный берег уходил ровной линией вдаль. Лежали вытащенные из воды «пра»[6] и долбленые челноки. Коралловый песок сверкал под палящим солнцем и жег ноги даже через подошвы туфель. Разбегались во все стороны чудовищные крабы. Одна из «пра» была опрокинута килем вверх, и над ней трудились три малайца в саронгах. В нескольких сотнях футов от берега был риф, образующий лагуну с глубокой прозрачной водой. На мелководье шумно возилась ватага мальчишек. Шхуна Цзинь Цина стояла на якоре; неподалеку от нее был люггер незнакомцев. Он выглядел очень обшарпанным по сравнению с аккуратным судном Цзинь Цина. Трудно было представить, как такое маленькое суденышко бороздит безграничный океан, и на какой–то миг доктор заколебался. Он взглянул на небо. Оно было безоблачно. Даже легкое дуновение не шевелило листьев на кокосовых пальмах. На песке стояла вытащенная из

[6] Примечания: 6
Длинные лодки, парусные или весельные.

воды короткая и широкая корабельная шлюпка, и доктор предположил, что именно в ней приплыли двое незнакомцев. Матросов на люггере не было видно.

Как следует все осмотрев, доктор повернул и неторопливо зашагал к гостинице. Он переоделся в китайские штаны и свободную шелковую рубаху, в которых по многолетней привычке чувствовал себя удобнее, и, взяв книгу, вышел на веранду. Вокруг гостиницы росли фруктовые деревья, напротив, по ту сторону песчаной дорожки, начиналась живописная рощица кокосовых пальм. Они поднимались, высокие и стройные, шеренга за шеренгой; яркие солнечные лучи пронзали листья, испещряя землю фантастическим желтым узором. За спиной доктора в летней кухне бой готовил второй завтрак.

Доктор Сондерс не был особенным любителем чтения. Он редко брался за роман. Интересуясь человеческой природой, он предпочитал книги, раскрывающие особенности характера, и без конца перечитывал Пеписа[7] и босуэлловского

[7] Примечания: 7

Пепис, Сэмюэл (1633–1703) — чиновник английского адмиралтейства, автор зашифрованного дневника, который представляет собой летопись эпохи.

«Джонсона»[8], «Монтеня» Флорио[9] и эссе Хэзлита[10]. Он любил старые книги о путешествиях и мог с удовольствием от корки до корки читать Хаклюта[11], рисующего страны, где сам он никогда не бывал. Дома у него было порядочное собрание книг о Китае, написанных ранними миссионерами. Доктор не искал в книгах сведений или средства развить свой ум, они служили ему лишь толчком для размышлений. С присущим ему своеобразным чувством юмора он был способен увидеть в деяниях ранних миссионеров столько забавного, что это немало удивило бы набожных авторов. Он был человек спокойный, не любил спорить, не навязывал никому своего общества и прекрасно умел наслаждаться шуткой, не испытывая никакого желания поделиться ею с другими.

Сейчас он держал в руках том путешествий

---

[8] Примечания: 8

Босуэлл, Джеймс (1740–1795) — шотландский писатель, биограф, автор биографии Сэмюэла Джонсона, крупнейшего английского критика XVIII века, писателя и лексикографа.

[9] Примечания: 9

Флорио, Джон (1553–1625) — английский переводчик Монтеня (1533–1592), французского философа и эссеиста.

[10] Примечания: 10

Хэзлит, Уильям (1778–1830) — английский эссеист и критик.

[11] Примечания: 11

Хаклют, Ричард (1552–1616) — английский географ.

аббата Хука[12], но не мог сосредоточить на нем свое внимание. Мысли его были заняты двумя незнакомцами, так неожиданно появившимися на острове. За свою долгую жизнь на Востоке доктор Сондерс узнал тысячи людей, и ему ничего не стоило определить, что представляет собой капитан Николс. Типичный негодяй. По выговору — выходец из Англии, и если он столько лет проболтался в китайских морях, вполне возможно, что на родине у него были неприятности с полицией. На нем клейма негде ставить; физиономия жульническая, продувная. Он. видно, не очень–то преуспел, если был капитаном всего–навсего грязного маленького люггера, и доктор Сондерс испустил вздох — иронический вздох, — громко раздавшийся в неподвижном воздухе, подумав, как редко труды прощелыги увенчиваются успехом. Но конечно, не исключено, что капитан Николс просто предпочитает грязную работу чистой. Он явно из тех людей, которые ничем не гнушаются. Только зазевайся, тут же облапошит. Одно можно было сказать наверняка: дай ему случай, и он непременно подложит тебе свинью. Он сказал, будто знает Цзинь Цина. Вероятно, он

[12] Примечания: 12

Хук, Эварист Регис (1813–1860) — французский миссионер, побывавший в Центральной Азии, Китае и Тибете и описавший свое путешествие.

частенько сидит без работы и рад служить хотя бы у китайца. К услугам таких людей и обращаются со всякими темными делишками; вполне возможно, что он был когда–то капитаном одной из шхун Цзинь Цина. Доктор Сондерс пришел к заключению, что в общем–то капитан Николс нравится ему. Доктора подкупило его искреннее дружелюбие. Это придавало пикантный привкус его жуликоватости, а диспепсия, от которой тот так страдал, вносила комическую нотку, всегда привлекавшую доктора. Он был рад, что вечером снова увидит капитана.

Доктор Сондерс проявлял к своим ближним не только научный интерес. Он искал в них развлечения. Но рассматривал он их бесстрастно, и ему доставляло такое же удовольствие распутывать сложные узлы человеческого характера, какое испытывает математик при решении математической задачи. Доктор никак не использовал приобретенные при этом познания. Он получал лишь эстетическое удовлетворение, и если умение разбираться в людях и давало ему некое неуловимое чувство превосходства, сам он этого не сознавал. Предрассудков у него было меньше, чем у многих других. Он никогда никого не осуждал. Часто мы весьма снисходительны к недостаткам,

присущим нам самим, но не переносим чужих недостатков; люди с более широкими взглядами могут понять и допустить существование любых пороков, но их терпимость, однако, порой носит скорее теоретический, чем практический характер; и очень немногие без отвращения общаются с человеком, чьи манеры разнятся от его собственных. Нас редко возмущает мысль, что такой–то соблазнил чужую жену, и мы сохраняем спокойствие духа, узнав, что такой–то плутует в карты или подделал чек (хотя это не так легко, если жертвой являемся мы сами), но нам трудно сойтись покороче с человеком, который неграмотно говорит, и просто невозможно, если он ест с ножа. Доктор Сондерс не был столь щепетилен. Дурные манеры за столом действовали на него так же мало, как гнойная язва. Добро и зло были для него, что хорошая и дурная погода. Он принимал жизнь такой, как она есть. Он судил, но не осуждал. Он смеялся.

С ним было легко. Его все любили. Но друзей у него не было. Он был хороший товарищ, приятный собеседник, но он не стремился к близости с людьми. В глубине души он был к ним совершенно безразличен. Ему хватало собственного общества. Его счастье зависело не от других, а

только от него самого. Эгоист, да, но так как он был в то же время умен и бескорыстен, мало кто знал об этом, и это никому не причиняло вреда. Поскольку он ничего не желал, то и ни у кого не стоял на пути. Доктор не придавал большого значения деньгам, ему было не очень важно, заплатит ему пациент или нет. Его считали филантропом. Время значило для него так же мало, как звонкая монета, поэтому он охотно тратил его на врачевание. Было занятно видеть, как недуги отступают перед лечением, и никогда не надоедало развлекаться особенностями человеческой природы. Все люди были для него пациентами. Каждый из них являлся новой страницей в нескончаемой книге, а то, что они повторяли друг друга, как ни странно, делало их еще интересней. Ему было любопытно наблюдать, как все они — белые, желтые и коричневые — ведут себя в критических ситуациях, но это зрелище не трогало его сердце и не тревожило ум. В конце концов, смерть — величайшее событие в жизни каждого человека, и доктор всякий раз с интересом смотрел, как люди встречают ее. Бесспорно, пытаясь проникнуть в сознание умирающего, глядя в глаза, испуганные, непокорные, угрюмые или примиренные, — эти окна души, впервые по-

знавшей, что жизненный путь пройден до конца, — доктор испытывал некоторое волнение, но это было волнение любознательного ученого. Чувств его это не затрагивало. Он не испытывал ни печали, ни жалости. Ему только казалось немного странным, что событие, столь важное для одного человека, так несущественно для другого. Однако внешне он был полон сочувствия. Он знал, что именно надо сказать, чтобы облегчить страх или боль, и в свой последний час каждый находил у него поддержку и утешение. Доктор вел игру и получал удовлетворение от того, что ведет ее по всем правилам. От природы он был человек добрый, но доброта его была скорей инстинктивной, чем целенаправленной, он пришел бы вам на помощь, окажись вы в трудном положении, но если вызволить вас было никак нельзя, он и думать бы о вас забыл. Ему было неприятно убить живое существо, он не охотился и не удил. Он шел еще дальше: предпочитал смахнуть с себя москита или муху, чем прихлопнуть их, единственно по той причине, что каждое существо, полагал он, имеет право на жизнь. Возможно, он был даже чересчур логичен. Нельзя отрицать, что он вел добродетельную жизнь (конечно, если вы не считаете, что добродетелен лишь тот, кто поступает

согласно вашим собственным плотским наклонностям), ибо был милосерден и благожелателен и прилагал все усилия для облегчения чужих страданий, но если праведность определяется мотивами наших поступков, то доктор Сондерс не заслуживал похвалы, ибо его поступками руководили отнюдь не любовь, не жалость и не милосердие.

Глава шестая

Доктор Сондерс сел за второй завтрак и, покончив с этим, пошел в спальню и лег на кровать. Но уснуть он не мог, было слишком жарко. Интересно, что связывает капитана Николса и Фреда Блейка, подумал он. Несмотря на грязные рабочие брюки и тельняшку, юноша не был похож на моряка. Почему, доктор не мог бы объяснить и, не найдя лучшей причины, предположил, что дело в выражении его глаз. Трудно было определить, что он собой представляет. Говорил он с легким австралийским акцентом, но бродягой, судя по всему, не был, вероятно, даже получил кое–какое образование, манеры у него хорошие. Возможно, его семья занималась в Сиднее коммерцией, и он привык жить с комфортом, среди добропорядочных людей. Но почему он плавает в этих пустынных водах на люггере для ловли жемчуга в компании с таким отпетым негодяем, как капитан Николс, по–прежнему оставалось тайной. Разумеется, они могли быть партнерами, но чем именно они занимаются, еще предстояло выяснить. Доктор Сондерс был склонен полагать,

что занятие это не особенно почтенное и что в любом случае в выигрыше будет не Фред Блейк.

Хотя доктор Сондерс разделся догола, все тело его было покрыто потом. Между ног у него лежал валик под названием «голландка», которым в этих местах пользуются, чтобы было не так жарко; многие настолько привыкают к нему, что не могут спать без него даже в умеренном климате. Но доктору это было в новинку, и валик раздражал его. Он откинул его в сторону и перевернулся на спину. В саду гостиницы и в пальмовой роще напротив жужжали и звенели мириады насекомых, и этот неумолчный назойливый шум, к которому обычно мы остаемся глухи, действовал сейчас ему на нервы, пульсировал у него в ушах так громко, что. казалось, мог разбудить мертвеца. Нечего было даже пытаться уснуть, и, обмотавшись саронгом, доктор вышел на веранду. Здесь было так же жарко, как в комнате, и так же душно. Доктор устал, но его раздраженный ум упорно продолжал работать; мысли толчками проносились в мозгу, словно вспышки зажигания в неисправном карбюраторе. Он принял ванну, чтобы освежиться, но облегчения это не принесло. Доктору было не по себе. Он не мог больше оставаться на веранде и снова бросился

на кровать. Под москитную сетку не проникало ни малейшего дуновения. Он не мог читать, не мог думать, не мог отдыхать. Время ползло черепашьим шагом.

Наконец его поднял с постели чей–то голос. Выйдя из комнаты, он увидел посыльного от Цзинь Цина; китаец просил его навестить. Доктор утром уже осматривал своего пациента и вряд ли мог еще что–нибудь для него сделать, однако он оделся и пошел к нему. Цзинь Цин услышал о появлении люггера и хотел узнать, что тут надо пришельцам. Ему сказали, что доктор провёл с ними целый час. Цзинь Цину не очень–то нравилось, когда на его острове появлялись чужие люди. Капитан Николс прислал ему записку с просьбой его принять, но Цзинь Цин ответил, что слишком плохо себя чувствует и никого не может видеть. Капитан утверждал, что

они знакомы, но Цзинь Цин его не помнил. Ему уже подробно описали капитана, и рассказ доктора не прибавил ничего к тому, что он успел узнать. Как выяснилось, они намерены остаться здесь дня на два–три.

— Мне они сказали, что отплывают на рассвете, — заметил доктор Сондерс. С минуту он размышлял. — Возможно они изменили свои

планы, когда я сообщил, что на острове нет ни радиосвязи, ни телеграфа.

— У них в трюме один балласт, — сказал Цзинь Цин. — Только камни.

— Никакого груза?

— Ничего.

— Опиум?

Цзинь Цин покачал головой. Доктор улыбнулся.

— Возможно, это просто увеселительная прогулка. У шкипера какие–то неполадки с животом. Он хочет, чтобы я ему помог.

Цзинь Цин издал восклицание. Слова доктора послужили ему ключом к разгадке. Он вспомнил. Капитан Николс плавал шкипером на одной из его шхун лет восемь — десять назад, и он его выгнал. Между ними произошла размолвка, но Цзинь Цин не вдавался в подробности.

— Плохой человек, — сказал Цзинь Цин, — я бы мог посадить его за решетку.

Доктор Сондерс догадался, что сделка между ними, в чем бы она ни заключалась, была весьма сомнительного свойства, и, полагая, что Цзинь Цин не решится преследовать его по суду, капитан Николс взял себе больше, чем ему причиталось. На лице китайца было малосимпа-

тичное выражение. Он рассказал доктору все, что знал. У капитана были какие–то неприятности со страховой компанией, и он потерял свое шкиперское свидетельство, после чего предпочитал наниматься на суда, владельцы которых не были особо разборчивы. Он сильно пил, пока его нутро не взбунтовалось. Зарабатывал себе пропитание любыми средствами, но часто бывал на мели. Однако моряк он первоклассный, и работу ему давали. Долго он нигде не удерживался, потому что просто не мог не жульничать.

— Вы сказать ему лучше быстрее убираться отсюда, — закончил разговор Цзинь Цин, переходя на английский.

Глава седьмая

Уже стемнело, когда доктор Сондерс снова неторопливо направился к лавке Цзинь Цина. Николс и Блейк были там и пили пиво. Он отвел их в гостиницу. Моряк болтал без умолку, уснащая речь не всегда пристойными шутками, но Фред по–прежнему угрюмо молчал. Доктор Сондерс не сомневался, что он пришел против воли. Войдя в бунгало, он быстро и подозрительно обвел комнату глазами, словно ожидая сам не зная чего, и сильно вздрогнул, когда гекко внезапно издал свой резкий крик.

— Это всего лишь ящерица, — сказал доктор Сондерс.

— Она меня напугала.

Доктор Сондерс позвал А-Кая, своего боя, и велел принести виски и несколько стаканов.

— Боюсь пить виски, — сказал шкипер. — Это для меня яд. Как бы вам понравилось, если бы вы знали, что за каждый кусок и глоток вам придется потом расплачиваться?

— Посмотрим, что тут можно сделать, — сказал доктор Сондерс.

Он подошел к своей домашней аптечке и размешал что–то в стакане. Дал капитану и велел проглотить.

— Может быть, это поможет вам спокойно съесть обед.

Он налил виски себе и Фреду Блейку и завел граммофон. Юноша внимательно слушал пластинку, лицо его оживилось. Когда она кончилась, он сам поставил другую и стоял, уставившись на граммофон, покачиваясь в такт ритму. Раза два он украдкой взглянул на доктора, но доктор не подал виду, что замечает это. Капитан Николс, бегая хитрыми глазками по сторонам, вел разговор. Состоял он в основном из расспросов о том или ином жителе Фучжоу, Шанхая и Гонконга и описания попоек, в которых он участвовал, когда бывал в этих портах. А-Кай принес обед, и они сели за стол.

— Люблю вкусно поесть, — сказал капитан. — не думайте, мне разносолов не надо. Хорошая простая пища. Я не обжора. Сроду не был. Кусочек холодного мяса да чуть овощей, ну, там ломтик сыра на закуску — с меня и хватит. Проще не придумаешь, правда? А через двадцать минут — хоть часы проверяй — адские муки. Когда так маешься, тебе и свет не мил. Вы знали старого

Джорджа Богана? Один из лучших шкиперов. Плавал на кораблях Джардина, ходил в Амой. Он так страдал от диспепсии, что руки на себя наложил. Боюсь, как бы в один прекрасный день мне тоже не удавиться.

А-Кай был неплохой повар, и Фред отдал должное обеду.

— Настоящее пиршество после всего того, что мы ели на люггере.

— В основном здесь консервы, но мой бой приправляет их специями. Китайцы — прирожденные повара.

— Лучший обед за последние пять недель.

Доктор Сондерс вспомнил, что они говорили, будто пришли с острова Терсди. При хорошей погоде на переход оттуда не требовалось больше недели.

— Что это за место — остров Терсди? — спросил он.

Ответил капитан:

— Мерзкая дыра. Хуже не сыщешь. Одни козы. Ветер дует полгода в одну сторону, полгода — в другую. Действует на нервы.

В глазах капитана поблескивал насмешливый огонек, словно он разгадал, что таится за простым вопросом доктора, и его забавляет, с какой

легкостью он сумел отпарировать его.

Вы постоянно там живете? — спросил доктор юношу с простодушной улыбкой.

— Нет, в Брисбене, — коротко ответил тот.

— У Фреда есть небольшой капиталец. — сказал капитан Николс, — и он решил оглядеться в этих местах, не подвернется ли вдруг какое дельце, куда стоит вложить деньги. Моя идея. Я знаю эти острова как свои пять пальцев, знаю вдоль и поперек и всегда говорил: для молодого парня с капиталом здесь куча шансов. Вот что я сам бы сделал, будь у меня капиталец, — купил бы плантацию на одном из островов.

— Можно еще заняться ловлей жемчуга, — сказал Блейк.

— Рабочих рук тут хоть отбавляй. Туземцы, что может быть лучше? Плюешь себе в потолок, а другие на тебя работают. Роскошная жизнь! Чего еще надо молодому парню?!

Бегающие глазки шкипера остановились на миг на лице вежливо внимающего ему доктора Сондерса; нетрудно было понять, что он хочет посмотреть, как будут приняты его слова. Доктор не сомневался, что они состряпали эту историю перед тем, как идти сюда. Увидев, что доктор ей не поверил, шкипер весело улыбнулся. Казалось,

ему доставляет такое удовольствие лгать, что прими вы его слова за правду, это бы ему все испортило.

— Потому мы и зашли сюда, — продолжал он. — Нет такого, чего бы старый Цзинь Цин не знал об этих островах, и мне вдруг пришла в голову мыслишка, не сварганим ли мы с ним какое-нибудь дельце. Я велел бою в лавке передать старику, что я здесь.

— Я знаю. Цзинь Цин мне говорил.

— А, так вы его видели? Он не вспоминал обо мне?

— Вспоминал. Сказал — чем скорее вы уберетесь отсюда, тем лучше.

— Да? Что он против меня имеет?

— Этого он мне не сообщил.

— Мы с ним немного повздорили, верно, но когда это было? При царе Горохе. Что толку иметь зуб на человека столько лет? Выбрось из головы, самому полегчает, я так считаю.

Капитан Николс обладал редким свойством, он мог сыграть с человеком злую шутку и не таить потом на него зла и искренне не понимал, почему его жертва продолжает сердиться. Со стороны забавно, подумал доктор Сондерс.

— У меня создалось впечатление, — заметил

он, — что у Цзинь Цина хорошая память.

Разговор перешел на другие темы.

— Знаете, — вдруг сказал капитан, — кажись, сегодня ночью я отдохну от своей диспепсии. Что это за снадобье вы мне дали?

— Да так, лекарство, которое помогает в случае хронического заболевания, как у вас.

— Вы не дадите его мне с собой?..

— В следующий раз оно может совсем на вас не подействовать. Вам нужно пройти курс лечения.

— Думаете, вам удалось бы вылечить меня?

Доктор решил не упускать благоприятного случая.

— Не знаю. Если бы я мог понаблюдать за вами несколько дней, попробовать одно, другое, вероятно, я сумел бы что–нибудь для вас придумать.

— Я не прочь задержаться ради этого на пару дней. Нам гнать некуда. Времени у нас хоть отбавляй. Мы не торопимся.

— А как насчет Цзинь Цина?

— Что он может сделать?

— И думать забудьте об этом, — сказал Фред Блейк. — Еще не хватает встрянуть здесь в неприятности. Мы отплываем завтра.

— Тебе хорошо говорить. Побывал бы ты в моей шкуре Послушайте, вот что я решил: пойду завтра

к старому чёрту и спрошу, чем я ему не угодил.

— Завтра мы отплываем, — повторил Фред.

— Мы отплывем тогда, когда я скажу.

Они обменялись коротким взглядом. Шкипер улыбался с обычным плутовским добродушием, на нахмуренном лице Фреда Блейка была глухая ярость. Доктор Сондерс прервал ссору, уже повисшую в воздухе:

— Я не думаю, чтобы вы знали китайцев так же хорошо, как я. капитан, но хоть немного вы их знаете Уж если они точат против кого–нибудь зуб. проси не проси — не помилуют.

Шкипер ударил кулаком по столу

— И весь шум–то был из–за несчастных двухсот монет. У старика Цзиня денег куры не клюют Ну что ему за разница — больше–меньше! Старый мошенник!

— Ничто так не задевает чувства мошенника, как свинья, подложенная ему другим мошенником. Вы разве этого не замечали?

У капитана Николса был угрюмый вид. посаженные близко зеленоватые глазки с горечью глядели в пространство, казалось. сходясь где–то далеко в одной точке. Форменный негодяй. с таким лучше не связываться. Но. услышав последние слова доктора, он откинул назад голову

и рассмеялся

— Неплохо сказано Вы мне нравитесь. док. — за словом в карман не лезете. Что ж. на свете нужны самые разные люди Всяк за себя, и к черту отставших — вот мой девиз. А коли есть шанс зашибить деньгу, только дурак пройдет мимо. Натурально, порой дашь маху Кто наперед знает, как все обернется.

— Если доктор пропишет вам лекарство и скажет, когда его принимать, больше ничего и не надо, — сказал Блейк. Он уже овладел собой.

— Нет, этого я не могу, — возразил доктор Сондерс. — но я вот что вам скажу: я по горло сыт этим забытым Богом островом и хочу отсюда выбраться. Если вы подбросите меня к Такане. или к Макасару или к Сурабае, буду всю дорогу вас лечить.

— Неплохая мысль. — сказал капитан Николс.

— Глупее не придумаешь! — вскричал Блейк.

— Почему?

— Мы не можем брать пассажиров.

— Зато можем записать его матросом.

— У нас нет никаких удобств.

— Полагаю, доктор не привередлив, ему не так уж трудно угодить.

— Совсем нетрудно. Я захвачу для себя еду и

выпивку. У Цзинь Цина полно в лавке консервов и пива вдосталь.

— Номер не пройдет, — сказал Блейк.

— Послушай–ка, парень, кто на этом судне хозяин, ты или я?

— Ну, если говорить начистоту, так я.

— Выбрось это из головы, детка. Я — шкипер и что сказал, то и будет.

— Чья это шхуна?

— Сам прекрасно знаешь, чья.

Доктор Сондерс с любопытством наблюдал за ними. Его живые блестящие глаза ничего не упускали. Капитан потерял все свое добродушие, лицо пошло красными пятнами. У юноши был разъяренный вид. Он сжал кулаки и набычился.

— Я не желаю брать его на борт, и весь сказ! — вскричал он.

— Ну, полно, — вмешался доктор. — Чем я вам помешаю? Речь идет о пяти–шести днях. Будьте человеком. Если вы меня не возьмете, один Бог знает, сколько я еще здесь проторчу.

— Это меня не касается.

— Что вы имеете против меня?

— А это мое дело.

Доктор Сондерс бросил на него вопросительный взгляд. Блейк не просто сердился, он нервничал.

Его красивое хмурое лицо побледнело. Любопытно, почему мальчишка так не хочет пустить его на люггер. В здешних водах всегда шли навстречу такой просьбе. Цзинь Цин говорил, что в трюме у них пусто, вероятно, груз не занимает много места и его легко спрятать. Ни морфию, ни кокаину трюм не нужен, а денег на них заработаешь много, если отвезешь куда надо.

— Вы окажете мне большую услугу, — мягко сказал он. — Мне очень жаль, я не хочу, чтобы вы считали меня скотиной, но мы с Николсом здесь по делу и не можем менять свой маршрут, чтобы высадить пассажира там, куда мы не собирались заходить.

— Я знаю доктора двадцать лет, — сказал Николс. — Он не подведет.

— Вы его и в глаза не видели до сегодняшнего утра.

— Зато много слышал о нем. — Капитан ухмыльнулся, показав серые пеньки зубов, и доктор подумал, что их необходимо удалить. — И коли то, что я слышал, — правда, он с нами одного поля ягода.

Капитан кинул на доктора проницательный взгляд. За его добродушной улыбкой скрывалась жесткость, даже жестокость. Доктор выдержал

его взгляд не моргнув. Кто мог сказать, попала ли стрела в цель, или он просто не понял, о чем говорит шкипер.

— Я не лезу, куда не просят, — с улыбкой проговорил он.

— Сам живи и другим не мешай, — сказал капитан с благожелательной терпимостью мошенника.

— Когда я говорю «нет», это значит «нет», — упрямо проворчал юноша.

— Ты уже у меня в печенке сидишь, — сказал Николс. — Чего ты боишься?

— Кто сказал, что я боюсь?

— Я.

— Мне бояться нечего.

Они быстро швыряли друг другу в лицо эти короткие фразы. Их раздражение все росло. Что за тайну они скрывают? Судя по всему, дело больше касается Фреда Блейка, чем Николса. Редкий случай, но тут совесть этого негодяя чиста. Доктор подумал, что капитан — последний человек, кому стоило бы доверять свою тайну. Доктор не мог бы сказать почему, но у него создалось впечатление, что, какова бы она ни была, капитан Николс ее не знал и лишь строил догадки. Однако доктору очень хотелось попасть на люггер, и он

не намеревался раньше времени отказываться от своего плана. Придется пуститься на хитрость, чтобы достичь цели. Что ж, это даже забавно.

— Послушайте, я не хочу быть причиной ссоры. Если Блейк не желает меня брать, не будем больше говорить об этом.

— Зато я желаю, — возразил шкипер, — когда еще мне выпадет такой шанс? Коли есть на свете человек, который может наладить мое нутро, так это вы, док. Неужто я упущу такую возможность? Как бы не так!

— Вы слишком много думаете о своем пищеварении, — сказал Блейк, — Можете мне поверить. Если бы вы ели все что попало, но не тревожились бы об этом, все было бы в порядке.

— Неужто? Ты, верно, больше моего обо мне знаешь? Ты знаешь, каково это, когда ломтик поджаренного хлеба давит на желудок, как тонна свинца? Ты скоро скажешь, что это все — мое воображение.

— Ну, говоря по правде, воображения тут больше, чем чего другого.

— Ах ты, сукин сын!

— Это кого вы назвали сукиным сыном?

— Тебя, тебя.

— Хватит, — прервал их доктор.

Капитан Николс громко рыгнул.

— Ну вот, этот ублюдок своего добился. Первый раз за три месяца спокойно проглотил кусок, и — нате, пожалуйста — все снова–здорово. Всякая перепалка — для меня смерть. Сразу на живот кидается. Я — комок нервов. Сроду такой. Думал в кои–то веки хорошо провести вечерок, а он все мне испортил. Чертова диспепсия разыгралась вовсю.

— Мне очень жаль это слышать, — сказал доктор.

— Все мне говорят одно и то же: капитан, вы — комок нервов. И в чем только душа держится. У вас здоровье, как у малого ребенка.

Доктор Сондерс был полон сочувствия.

— Да, это я и предполагал. За вами надо наблюдать, ваш желудок нуждается в воспитании. Если бы я был с вами на люггере, я бы занялся вами и приучил ваш желудочный сок функционировать как надо.

— Кто сказал, что вы не едете с нами?

— Блейк. И, как я понимаю, он тут хозяин.

— Хозяин? Так вы ошибаетесь. Я капитан, и как я скажу, так и будет. Собирайте свои вещички и приходите завтра утром на люггер. Я запишу вас в команду.

— И не надейтесь! — вскричал Блейк, вскакивая на ноги. — Мое слово не меньше вашего значит, а я говорю: он с нами не едет. Я не желаю никого видеть на люггере — и дело с концом.

— Ах, вот как? А что ты запоешь, если я приведу люггер прямо к Северному Борнео? Британская территория, мой мальчик.

— Поостерегитесь, как бы с вами чего–нибудь не случилось!

— Ой, как страшно! Думаешь, я столько лет болтаюсь по свету, приехал сюда еще тогда, когда тебя не было и в помине, и так легко дам себя в обиду? Сунешь мне в спину нож, да? А кто поведет судно? Ты и эти четверо черномазых? Не смеши меня. Ты носа от кормы не отличишь.

Блейк снова сжал кулаки. Двое мужчин свирепо уставились друг на друга. В глазах капитана светилась издевка. Он знал: если карты будут раскрыты, козыри окажутся в его руках. Его противник незаметно вздохнул.

— Куда вы хотите попасть? — спросил он доктора.

— На любой голландский остров, где я смогу пересесть на корабль, который пойдет в нужном мне направлении.

— Ладно, приходите… Все лучше, чем сидеть

взаперти с этим вот…

И он кинул на шкипера взгляд, полный бессильной ярости. Капитан Николс добродушно рассмеялся.

— Верно, у тебя будет компания, мой мальчик. Мы отплываем завтра часов в десять утра. Подходит?

— Вполне, — ответил доктор.

Глава восьмая

Гости ушли рано, и доктор Сондерс, взяв книгу, лег в длинное плетеное кресло. Взглянул на часы. Половина десятого. У него вошло в привычку выкуривать перед сном несколько трубок. Начинал он в десять. Он ждал этого момента без нетерпения, напротив, с легкой дрожью удовольствия предвкушая то, что его ждет, и не намерен был сокращать столь приятное ему ожидание, приближая минуту, когда он даст себе волю.

Доктор позвал А-Кая и сказал, что они утром отплывают на люггере незнакомцев. Бой кивнул. Он тоже был рад выбраться отсюда. Доктор Сондерс нанял его, когда тому минуло тринадцать, а сейчас ему было около двадцати. Это был стройный миловидный юноша с большими черными глазами и нежной, как у девушки, кожей. Волосы, угольно–черные и очень коротко подстриженные, облегали голову, как шлем. Его удлиненное лицо было цвета старой слоновой кости. Он часто улыбался, показывая два ряда удивительно красивых зубов, мелких, белых и ровных. В широких штанах из белой хлопчатобумажной ткани и

узкой кофте без воротника он поражал каким–то изысканно–томным изяществом, странно трогающим сердце. Двигался он бесшумно, жесты его были полны неторопливой кошачьей грации. Иногда доктор Сондерс льстил себе мыслью, что А-Кай привязан к нему.

В десять часов доктор закрыл книгу и позвал:

— А-Кай!

Бой вошел в комнату. Доктор Сондерс умиротворенно смотрел, как он берет со стола небольшой поднос, на котором были масляная лампа, игла, трубка и круглая жестянка с опиумом. Бой поставил поднос возле доктора на пол и, присев на корточки, зажег лампу. Подержал иглу над пламенем и теплым ее концом извлек из жестянки необходимое количество опиума, ловко скатал его в шарик и чуть–чуть подогрел на желтом язычке огня. На глазах у доктора шарик зашипел и разбух. Бой помял катышек пальцем и вновь подогрел; сунул его в трубку и подал ее хозяину. Одной сильной затяжкой опытного курильщика доктор вдохнул сладковатый дым. Минуту держал его в легких, затем выпустил. Протянул трубку бою. А-Кай вычистил ее и положил на поднос. Снова согрел иглу и принялся готовить следующую порцию. Доктор выкурил вторую

трубку, затем третью. Бой поднялся с пола и пошел на кухню. Вернулся он оттуда с чайником жасминового чая и налил его в китайскую пиалу. На мгновение аромат жасмина заглушил резкий запах наркотика. Доктор лежал в кресле, откинув голову на подушку, и смотрел в потолок. Они не разговаривали. В доме и вокруг царила тишина, время от времени нарушаемая резким криком гекко. Доктор наблюдал, как она неподвижно сидит на потолке — маленькая желтая тварь, похожая на миниатюрное доисторическое чудовище, — изредка срываясь молнией с места, когда ее внимание привлекала бабочка или муха. А-Кай закурил сигарету и, взяв необычной формы струнный инструмент вроде банджо, стал тихонько на нем наигрывать. Высокие звуки вразброд блуждали в воздухе, казалось, меж ними нет никакой связи, и если порой чудилось, что слышится начало мелодии, она никак не завершалась, ухо оказывалось обманутым. Это была медленная грустная музыка, столь же бессвязная, как запахи цветов, она предлагала лишь условный знак, намек, эхо ритма, которые помогут создать в собственной душе музыку более утонченную, нежели та, что способно услышать ухо. Порой резкий диссонанс, словно скрип мела

по грифельной доске, неожиданно дергал нервы. Он вызывал в душе ту же сладостную дрожь, что взбадривает тело, когда в жару вы окунетесь в ледяную воду Юноша сидел на полу в позе, исполненной естественной грации, и задумчиво перебирал струны лютни. Интересно, какие смутные чувства владеют им, подумал доктор Сондерс. Его печальное лицо было бесстрастно. Казалось, он извлекает из памяти мелодии, слышанные им в далекой прошлой жизни.

Но вот А-Кай поднял глаза, лицо его осветилось быстрой прелестной улыбкой, и он спросил хозяина, готов ли тот.

Доктор кивнул. А-Кай положил лютню и вновь зажег масляную лампу. Приготовил еще одну трубку. Доктор выкурил ее и еще две. Это было его пределом. Он курил регулярно, но умеренно. Затем вновь откинулся на спинку и предался размышлениям. А-Кай приготовил две трубки для себя и, выкурив их, погасил лампу. Он подложил под голову деревянную скамеечку и вскоре уснул.

А доктор, ощущая несказанное умиротворение, задумался над загадкой бытия. Телу его, полулежащему в кресле, было так покойно, что он совсем его не ощущал, разве что неотчетливое

чувство физического довольства еще усиливало духовную нирвану. В этом состоянии полной свободы его душа могла смотреть на его тело с той же нежной терпимостью, с какой мы относимся к другу, который нам прискучил, но чья любовь нам приятна. Мысли стремительно проносились у него в мозгу, но в этой стремительности не было спешки, не было тревоги, его ум работал с уверенностью в собственной мощи, — так великий математик оперирует математическими символами. Ясность мышления доставляла такое же наслаждение, какое доставляет нам чистая красота. Ради этого только и стоило мыслить. Самоцель. Он был повелителем пространства и времени. *Не* существовало такой задачи, какую он не мог бы разрешить, если бы захотел; все было понятно, все было необычайно просто, *но* казалось глупым распутывать сложности бытия, если сознание, что ты можешь сделать это, когда захочешь, доставляет такое тонкое наслаждение.

Глава девятая

Доктор Сондерс вставал рано. Рассвет только начал заниматься, когда он вышел на веранду и позвал А- Кая. Бой принес ему завтрак; маленькие нежные бананы, известные под названием «дамские пальчики», неизбежную яичницу–глазунью, тосты и чай. Доктор съел все это с аппетитом. Укладываться им было недолго. Весь скудный гардероб А-Кая уместился в пакете из оберточной бумаги, а пожитки самого доктора — в китайском чемодане из светлой свиной кожи. Лекарства и хирургические инструменты он держал в небольшой жестяной коробке. У ступеней, которые вели на веранду, дожидалось трое или четверо туземцев — пациенты, желавшие показаться доктору; он принял их одного за другим, пока завтракал, и сказал, что уезжает сегодня утром. Затем пошел к дому Цзинь Цина, стоящему посредине плантации кокосовых пальм. Это было импозантное бунгало, самое большое на острове, с отдельными архитектурными деталями, которые должны были придать ему стиль, но его претенциозность была в странном контрасте с убогим окружени-

ем. Сада вокруг не было, на неухоженной земле валялись пустые жестянки из–под консервов и ломаные упаковочные ящики. Бродили куры, утки, собаки и свиньи, роясь в отбросах. Обставлен дом был «по–европейски»: буфетами из мореного дуба, американскими качалками вроде тех, что обычно видишь в отелях Среднего Запада, и столами, обтянутыми плюшем. На стенах висели в массивных золоченых рамах увеличенные фотографии Цзинь Цина и многочисленных членов его семейства.

Цзинь Цин был высокий полный мужчина внушительной наружности, из кармашка его белых парусиновых брюк свисала тяжелая золотая цепочка от часов. Он остался очень доволен результатами операции, даже не ожидал, что будет так хорошо видеть, но все равно предпочел бы задержать доктора на острове еще немного.

— Вы глупо делать ехать на эта люггер, — сказал он, когда док гор сообщил ему о своем намерении. — Вам здесь удобно. Почему вы не подождать? Что вам не терпится? Живите в своя удовольствия. Подождите голландский корабль. Николс плохая человек.

— Вы сами тоже не очень хорошая человек, Цзинь Цин.

Торговец встретил это шутливое замечание медленной жирной улыбкой, показав ряд дорогих золотых зубов; в ней не было лаже намека на несогласие. Цзинь Цин любил доктора и был ему благодарен. Когда он увидел, что не может его переубедить, он перестал настаивать. Доктор Сондерс дал ему последние наставления и распрощался. Цзинь Цин проводил его до двери, и они расстались. Доктор пошел в деревню и купил провизию на дорогу: мешок риса, большую гроздь бананов, консервы, виски и пиво. Он приказал кули отнести все это на берег и ждать его там, а сам вернулся в гостиницу. А-Кай был уже готов, а один из утренних пациентов, надеясь подзаработать, дожидался, чтобы взять багаж. Когда они подошли к берегу, старший сын Цзинь Цина был уже там; он пришел его проводить и по просьбе отца принес прощальный подарок — рулон китайского шелка и небольшой квадратный пакет, завернутый в белую бумагу с начертанными на ней иероглифами, содержимое которого доктор Сондерс сразу угадал.

— Чанду[13]?

— Отец говорит, очень хороший травка. Может

---

[13] Примечания: 13
Экстракт опиума (кит.)

быть, у вас ее мало для поездки.

На люггере не было никаких признаков жизни, корабельной шлюпки на берегу они не увидели. Доктор Сондерс крикнул, но его тонкий и хриплый голос не долетел до судна. А-Кай и сын Цзинь Цина тоже попытались докричаться до кого- нибудь, но тоже тщетно. Тогда они положили багаж и съестные припасы в челн, и туземец повез доктора и А-Кая к люггеру. Когда они приблизились к судну, доктор Сондерс опять позвал:

— Капитан Николс!

Появился Фред Блейк.

— А, это вы. Николс уехал на берег за водой.

— Я его не видел.

Блейк ничего не ответил. Доктор поднялся на борт, за ним А-Кай. Туземец передал им их багаж и провизию.

— Куда мне поставить вещи?

— Каюта вон там, — указал Блейк.

Доктор спустился по трапу. Каюта находилась на корме. Она была тесная и такая низкая, что в ней нельзя было разогнуться; посредине через нее проходила грот–мачта. Над висячей лампой потолок почернел от копоти. Небольшие иллюминаторы закрывались деревянными ставнями. Матрасы Николса и Фреда Блейка лежали вдоль

стенок, так что доктору оставалось занять место у подножия трапа. Он снова вышел на палубу и велел А-Каю снести вниз спальную циновку и чемодан.

— Провизию, видимо, лучше спрятать в трюм, — сказал он Фреду.

— Можете с ней тогда распрощаться. Мы ее держим в каюте. Скажите своему бою, пусть поищет свободное место под половицами, они не прибиты.

Доктор осмотрелся. Он ничего не знал о море. За исключением одной поездки по реке Мин, он плавал только на пароходах. Люггер показался ему очень маленьким для такого долгого путешествия. В длину он едва превышал пятьдесят футов. Доктор хотел бы кое о чем спросить Блейка, но тот ушел на нос. Было очевидно, что хотя он согласился взять доктора на борт, сделал он это против своей воли. На палубе стояло несколько старых парусиновых кресел, и доктор сел в одно из них.

Через некоторое время на палубу поднялся чернокожий матрос в выцветшем парео. Он был крепкого сложения, курчавые «барашком» волосы совсем седые.

— Капитан едет, — сказал он.

Доктор Сондерс посмотрел в указанном направлении и увидел, что к люггеру приближается шлюпка. Капитан Николс сидел на руле, два чернокожих матроса гребли. Они подошли к борту, и шкипер закричал:

— Ютан, Том, помогите–ка поднять бочонки.

Из трюма вышел еще один чернокожий матрос. Из них четверых и состояла команда. Островитяне с Торресова пролива, все они были высокие, крепкие, прекрасно сложенные.

Капитан Николс поднялся на борт и поздоровался с доктором.

— Хорошо устроились, док? Спору нет, на быстроходный океанский лайнер наш «Фентон» не похож, но по мне лучшего суденышка и желать нельзя. Ему все нипочем.

Шкипер скользнул по своему грязному, неубранному паруснику *взглядом,* в котором читалось удовлетворение мастера, когда тот глядит на инструменты, послушные его руке.

— Что ж, пора и в путь.

Капитан громко отдал команду. Они снялись с якоря, подняли грот и фок, *и* люггер выскользнул из лагуны. Небо было безоблачно, море ослепительно сверкало под лучами солнца. Дул муссон, хотя и не очень сильный, заряби-

ла небольшая зыбь. Две–три чайки летали над люггером, описывая большие *круги.* Время от времени поверхность воды разрезала летучая рыба, стремительно проносилась по воздуху и вновь скрывалась с тихим плеском. Доктор Сондерс читал, курил, а когда ему это надоедало, смотрел на зеленые острова, мимо которых они проплывали. Через некоторое время шкипер передал штурвал одному из матросов, подошел к доктору и сел рядом.

— Вечером кинем якорь в Баду, — сказал он. — Миль сорок пять отсюда. Коли лоции не врут, подходящее местечко. Есть якорная стоянка.

— Что это за место?

— А, просто необитаемый остров. Мы обычно стоим ночью на якоре.

— Блейк не в восторге от того, что я здесь, — сказал доктор.

— Мы вчера вечером немного повздорили.

— В чем дело?

— Щенок он еще.

Доктор Сондерс знал, что должен отработать свой проезд, знал он и то, что когда человек перечислит все симптомы своей болезни, он проникнется к вам доверием и расскажет в придачу многое другое. Он принялся расспрашивать

шкипера о его желудке. Тот был готов бесконечно говорить на эту тему. Доктор позвал его в каюту, велел лечь на койку и тщательно осмотрел. Когда они снова поднялись на палубу, седой матрос по имени Том Обу, который был у них коком и стюардом, уже нес на корму обед.

— Фред, иди сюда, — позвал шкипер.

Они сели за стол.

— Неплохо пахнет, — сказал Николс, когда Том Обу снял крышку с кастрюли. — Что–нибудь новенькое, Том?

— Вероятно, мой бой приложил к этому руку, — заметил доктор.

— Я, пожалуй, отведаю, — сказал шкипер, глотая рис с мясом, которые он положил себе на тарелку. — Что скажешь, Фред? Похоже, мы не прогадали, что взяли с собой доктора.

— Да уж лучше, чем стряпня Тома, не спорю.

Они пообедали с большим аппетитом. Капитан разжег трубку.

— Коли после этого у меня не разболится живот, я скажу, что вы — чудо, док.

— Не разболится.

— Хоть убей, не могу понять, как это человек вроде вас решил поселиться в таком месте, как Фучжоу. Вы могли бы нажить целое состояние

в Сиднее.

— Мне и в Фучжоу неплохо. Я люблю Китай.

— Ха! Учились в Англии, да?

— Да.

— Я слышал, в Лондоне вы были классным специалистом, куча пациентов и все, что душе угодно.

— Не надо верить всему, что слышишь.

— А все же странно — бросить все вот так и поселиться в грязном китайском городишке. Вы, верно, в Лондоне загребали деньги лопатой.

Шкипер глядел на доктора Сондерса маленькими бегающими зелеными глазками, лицо искривила злорадная ухмылка. Но доктор спокойно выдержал его испытующий взгляд.

Он улыбнулся, показав крупные пожелтевшие зубы, и хотя его острые глаза смотрели настороженно, он не выказал никаких признаков замешательства.

— Ездите в Англию?

— Зачем? Мой дом в Фучжоу.

— Вы правы. Коли вы спросите меня, Англия кончена. Слишком много правил и предписаний, на мой вкус. Почему они не могут оставить человека в покос? Вы, случайно, не на учете в полиции?

Он так неожиданно задал этот вопрос, словно хотел поймать доктора врасплох. Но капитан встретил достойного противника.

— Неужели вы не доверяете мне, капитан? Вы должны верить в своего доктора, иначе он не сможет вам помочь.

— Верить в вас? Да если бы я в вас не верил, вы не были бы здесь! — Капитан Николс говорил абсолютно серьезно, речь зашла о том, что касалось его самого. — Я не знаю никого от Бомбея до Сиднея, кто бы вам в подметки годился; коли уж на то пошло, и в Лондоне, верно, хорошенько придется поискать, чтобы найти кого–нибудь, кто может тягаться с вами. Я слышал, у вас есть все степени, какие существуют на свете. Говорят, останься вы в Лондоне, вы уже были бы баронетом.

— Могу вам признаться, у меня действительно куча степеней, да что толку? — засмеялся доктор.

— Странно, что вас нет *в* указателе. Как он называется? «Медицинский справочник»?

— Почему вы думаете, что нет? — негромко проговорил доктор, улыбаясь несколько настороженно.

— Один знакомый в Сиднее искал вас там. Рассказывал о вас другому доктору, своему приятелю, говорил, какое вы чудо, ну и все прочее, вот

они и пролистали справочник из любопытства.

— Возможно, ваш приятель искал не в том издании.

Капитан Николс хихикнул.

— Возможно. Я об этом не подумал.

— Но так или иначе, капитан, за решеткой я не сидел.

Шкипер еле заметно вздрогнул. Он сразу взял себя в руки, но лицо его залила бледность. Доктор Сондерс послал стрелу наугад, и теперь в глазах его зажегся насмешливый огонек. Шкипер расхохотался.

— В самую точку, док. Я тоже, но не забывайте, найдется немало людей, которые попали за решетку не по своей вине, и еще больше таких, которые попали бы туда, если б не решили сменить климат.

Они, посмеиваясь, взглянули друг на друга.

— Что тут смешного? — спросил Фред Блейк.

Глава десятая

Под вечер они увидели остров, у которого капитан Николс намеревался остановиться на ночь. До самой вершины покрытый деревьями, конус походил на гору с картин Пьеро делла Франческа[14]. Обогнув его, они подошли к якорной стоянке, которая указывалась в лоции. Это была хорошо укрытая бухта с такой прозрачной водой, что, глядя за борт, вы видели на дне причудливые коралловые «цветники» и рыб, этих обитателей морских глубин, пробирающихся знакомыми им путями через подводные джунгли. К своему немалому изумлению, они обнаружили у берега стоящую на якоре шхуну.

— Это что такое?! — воскликнул Фред Блейк.

Глаза у него были встревоженные, и действительно странно было тихим прохладным вечером войти в безмолвную бухту, защищенную зеленым холмом, и найти там судно. Оно стояло со свернутыми парусами, и в этом уединённом месте в нем было что–то зловещее. Капитан Николс

---

[14] Примечания: 14

Пьеро делла Франческа (1416–1492) — итальянский живописен эпохи раннего Возрождения.

посмотрел на шхуну в бинокль.

— Шхуна для ловли жемчуга. Из Порт–Дарвина. Не знаю, чего ей тут надо. Их всегда куча у островов Ару.

Команда судна, среди нее один белый, тоже смотрела на них. Но вот со шхуны спустили шлюпку.

— Плывут к нам, — сказал шкипер.

К тому времени как на «Фентоне» кинули якорь, шлюпка подошла и капитан Николс обменялся приветствиями с австралийцем, капитаном шхуны. Тот поднялся на борт и рассказал им, что у него заболел ловец жемчуга, японец, и сейчас они направляются на один из голландских островов, где он надеется найти врача.

— У нас на борту есть врач, — сказал капитан Николс. — Едет с нами до ближайшего порта.

Австралиец спросил доктора Сондерса, не согласится ли он осмотреть больного, и после того, как капитана угостили чаем, от более крепких напитков он отказался, — доктор спустился в его шлюпку.

У вас есть какие–нибудь австралийские газеты? — спросил Фред Блейк.

— Один номер «Бюллетеня». Месячной давности.

— Не важно. Для нас все новости будут свежими.

— Газета к вашим услугам. Я пришлю ее с доктором.

Доктор Сондерс сразу же обнаружил, что у японца жестокий приступ дизентерии. Он был очень плох. Доктор сделал ему укол и сказал капитану, что ничем больше помочь не может, надо только обеспечить больному покой.

— Черт подери этих япошек! Дохляки какие–то. Значит, от него не скоро будет польза?

— Если вообще будет, — ответил доктор.

Они пожали друг другу руки, и доктор спустился в шлюпку. Матрос поднял весла.

— Эй, погодите минутку! Я забыл дать вам газету.

Австралиец нырнул в каюту и через минуту вернулся с номером «Сиднейского бюллетеня». Кинул его в шлюпку.

Капитан Николс и Фред играли в крибидж[15], когда доктор снова поднялся на борт «Фентона». Солнце садилось, и гладкое море переливалось всеми цветами радуги: голубым, зеленым, оранжево–красным и молочно–пурпурным; казалось,

---

[15] Примечания: 15
Крибидж — карточная игра.

что это нежные и неуловимые краски самой тишины

— Ну, все в порядке? — равнодушно спросил капитан.

— Он в очень плохом состоянии, — сказал доктор

— Это та газета? — поинтересовался Фред Он взял ее из рук доктора и пошел на нос.

— Играете в крибидж? — спросил Николс.

— Нет.

— Мы с Фредом играем каждый вечер. Ему чертовски везет! Не могу даже сказать вам, на сколько он меня обставил. Ничего, будет и на моей улице праздник. — Он позвал: — Фред, иди.

— Сейчас.

Шкипер пожал плечами.

— Ну и манеры. Так ему невтерпеж прочитать газету.

— При этом — месячной давности, — добавил доктор. — Когда вы ушли от острова Терсди?

— Мы там и близко не были.

— А-а!

— Не пропустить ли нам глоточек? Как вы думаете, это мне повредит?

— Вряд ли.

Шкипер кликнул Тома Обу, и тот подал им воду

и два стакана. Николс сходил за виски. Солнце уже село, незаметно подкралась ночь. Море было спокойно. Тишину нарушал лишь плеск играющей рыбы. Том Обу принес фонарь «молния», поставил его на крышу рубки, затем спустился вниз и зажег коптящую масляную лампу в каюте.

— Интересно, что наш юный друг читает все это время?

— В темноте?

— А может быть, он обдумывает то, что прочел.

Но когда Фред наконец присоединился к ним и сел кончать прерванную партию, доктору Сондерсу показалось в неверном свете фонаря, что он очень бледен. Газеты *у* него с собой не было, и доктор пошел на нос, чтобы взять ее, но нигде не нашел. Он позвал А-Кая и велел ему поискать газету. Стоя во мраке, он издали наблюдал за играющими.

— Пятнадцать — два. Пятнадцать — четыре. Пятнадцать — шесть. Пятнадцать — восемь и шесть и четырнадцать. И один за козырного валета — семнадцать.

— Черт, ну и везет же тебе!

Шкипер опять проигрывал. На его лице застыла

жестокая гримаса. Бегающие глазки подозрительно всматривались в каждую переворачиваемую им карту. А его партнер играл с улыбкой на губах. Свет «молнии» очертил во мраке его профиль, и неожиданно доктор увидел, как он тонок. Длинные ресницы бросали на щеки тень. Фред был сейчас не просто смазливый мальчишка, в нем появилась какая–то трагическая красота, от которой щемило сердце. Подошел А-Кай и сказал, что газеты нигде нет.

— Где вы оставили «Бюллетень», Фред? — спросил доктор. — Мой бой не может его найти.

— Разве его там нет?

— Нет, мы оба смотрели.

— Откуда мне, черт подери, знать, где он? Беру два.

— Кинул за борт, когда прочитал? — спросил капитан.

— С какой стати мне кидать его за борт?

— Ну, так должен же он где–нибудь быть, — сказал доктор.

— Снова продулся, — проворчал шкипер. — В жизни не видел, чтобы кому–нибудь так шла карта.

Глава одиннадцатая

Было около двух часов ночи. Доктор Сондерс сидел в шезлонге на палубе. Шкипер спал в каюте, Фред перенес свой матрас на нос. Звезды сверкали так ярко, что силуэт острова четко вырисовывался на фоне ночной тьмы. Расстояние скорее вопрос времени, чем пространства, и хотя они прошли всего сорок пять миль, доктору казалось, что Такане остался где–то очень далеко. Лондон был вообще на другом краю света. В памяти доктора мелькнула Пиккадилли–серкес, ярко освещенная, забитая автобусами, автомобилями и такси, с толпами людей в часы, когда театры изрыгали после спектаклей зрителей. Было одно место, которое в его времена называли «Променад» — улица в северной части города, которая шла от Шафтсбери–авеню до Чаринг–Кросс–Роуд; от одиннадцати до двенадцати часов люди прогуливались по ней взад–вперед сомкнутыми рядами. Это было перед войной. В воздухе носился дух приключений. Глаза встречались, и тогда… Доктор улыбнулся. Он не сожалел о прошлом; он ни о чем не сожалел. Его блуждающие мысли

привели его в Фучжоу, остановились у моста через реку Мин. откуда были видны рыбаки, ловившие с барок рыбу при помощи бакланов. По мосту бежали рикши, кули несли свою тяжелую поклажу, переходили с одной стороны на другую бесчисленные пешеходы. На правом берегу, если смотреть вниз по реке, был китайский город с перенаселенными домами и храмами…

На шхуне не светилось ни одного огонька, и доктор видел ее только потому, что знал, где она стоит. На борту было тихо. А в трюме, где были свалены грудой жемчужные раковины, на одной из деревянных коек у стены лежал умирающий ловец жемчуга. Доктор не считал человеческую жизнь большой ценностью. Кто, прожив столько лет среди многолюдного китайского города, где жизнь так дешева, может испытывать по этому поводу сильные чувства? Ловец был японец, возможно, буддист. Переселение душ? Взгляните на море: волна идет за волной, каждая следующая — это уже новая волна, однако одна вызывает другую и передает дальше свою форму и движение. Так и живые существа, проходящие по этому миру, не одинаковы сегодня и завтра, в одной жизни одни, в другой — другие, и все же именно устремленность и форма всех предыду-

щих жизней определяют характер последующих. Логично, но невероятно. А разве более вероятно, что столько усилий, такое множество самых разнообразных случайностей. столько чудесных совпадений соединились, чтобы за неисчислимые эры первозданная слизь превратилась в конечном итоге в этого человека, который из–за бацилл Флекснера сейчас так бесцельно умрет? Доктор Сондерс считал это странным, но естественным, хотя, конечно, бессмысленным, но он уже давно привык к тщете жизни. Конечно, с духом вопрос сложней. Перестает он существовать или нет, когда материя, бывшая его орудием, подвергается распаду? В эту чудесную ночь, когда мысли его праздно перепархивали с предмета на предмет, как птицы, как парящие над морем чайки, доктор не мог не смотреть широко на вещи.

На трапе послышалось знакомое шарканье ног, показался шкипер. Резкие полосы на его пижаме выделялись даже в темноте.

— Капитан?

— Он самый. Решил подняться, глотнуть воздуха. — Он опустился в кресло рядом с доктором. — Уже покурили?

— Да.

— Никогда этим не увлекался. Хотя знал многих,

кто курил. Некоторым это сходит с рук. Говорят, даже налаживает пищеварение. А вот один знакомый парень вконец подорвал здоровье. Был одно время шкипером на Янцзы. Хорошее положение и прочее. Его очень высоко ставили. Отправил и домой лечиться, но не успел он вернуться, принялся за старое. Кончил зазывалой в игорном доме. Вечно околачивался в доках в Шанхае, клянчил полдоллара.

Некоторое время оба сидели молча. Капитан Николс посасывал вересковую трубку.

— Фреда видели?

— Спит на палубе.

— Странная история с этой газетой. Не хотел, чтобы ее прочли.

— Куда, вы думаете, он ее задевал?

— Бросил за борт.

— В чем тут вообще дело?

Шкипер негромко засмеялся.

— Хотите — верьте, хотите — нет, я знаю не больше вашего.

— *Я* достаточно долго прожил на Востоке, чтобы не вмешиваться куда не просят.

Но шкипера потянуло на откровенность. Живот не беспокоил его, и после трех–четырех часов крепкого сна он чувствовал себя очень бодро.

— Что–то во всем этом есть подозрительное, нюхом чую, но я, как и вы, док, в чужие дела не лезу. Не задавай вопросов, не услышишь врак, вот что я всегда говорю, а коли тебе выпал случай зашибить монету — не зевай. — Шкипер энергично затянулся трубкой. — Я надеюсь, все останется между нами?

— Разумеется.

— Ну, значит, было это так. Я болтался в Сиднее. Добрых два года почти без работы. И не потому, что не искал, не думайте. Просто не фартило. Я первоклассный моряк и опыт имею немалый. Пароход или парусник — мне все едино. Казалось бы, должен быть нарасхват. Черта с два. А я человек женатый. Обстоятельства приняли такой оборот, что моей благоверной пришлось пойти в услужение. Признаюсь, мне это было сильно не по нутру, но что я мог поделать? Пришлось проглотить. У меня была крыша над головой и харчи три раза в день, ничего не скажу, это она мне давала, но стоило попросить у нее полдоллара на кино или на пару стаканчиков — дудки! А уж пилила она меня… Вы никогда не были женаты?

— Никогда.

— Что ж, и правильно сделали. Женщины за копейку удавятся; они просто не могут расстаться

со своими денежками. Я женат уже двадцать лет, и все это время она меня поедом ест, точит, шпыняет. Очень уж она гордая, благоверная моя, с этого все и пошло: считает, что унизила себя, раз вышла за меня замуж. Ее отец торговал мануфактурой в Ливерпуле, и она не дает мне об этом забыть. Попрекала меня, что я не мог найти работу. Говорила, что мне нравится сидеть у нес на шее. Обзывала лодырем, лентяем, говорила, что ей надоело работать не покладая рук, чтобы дать мне стол и кров, и коли я не найду себе места, могу отправляться на все четыре стороны. Даю вам слово, порой я еле удерживался, чтобы не вздуть ее, хотя она и леди, и кому это знать, как не мне. Вы бывали в Сиднее?

— Нет, никогда.

— Так вот, как–то вечером зашел я в бар у пристани, куда порой заглядывал. Я за весь день и глотка не пропустил, аж горло пересохло, диспепсия моя разгулялась, как никогда, и чувствовал я себя премерзко. В кармане у меня гроша ломаного не было, а ведь я водил больше кораблей, чем у вас пальцев на обеих руках. Домой я тоже идти не мог. Знал, что моя благоверная сразу за меня примется; на ужин даст кусочек холодной баранины, хоть это для меня смерть, а сама

станет пилить меня без передышки, и все так чинно и благородно — коли вы понимаете, что я хочу сказать, — не повышая голоса, да зато так ядовито, злобно, спесиво, без передышки, пока всю душу не вымотает. А ежели я выйду из себя и скажу ей, чтобы она убиралась к черту, она только выпрямится во весь рост и скажет: будьте так любезны, капитан, не сквернословьте. Хоть я и вышла за простого моряка, я требую, чтобы со мной обходились как с леди.

Капитан Николс понизил голос и нагнулся к доктору с самой доверительной миной.

— Так вот, только infra dig[16] — коли вы разумеете, что я хочу сказать, то есть только между нами, — пойди пойми этих женщин, их сам черт не разберет… Поверите ли, я четыре раза от нее убегал. Казалось бы, должна она после этого взять в толк, что у меня на уме?

— Казалось бы.

— Как бы не так! Каждый раз она отправлялась за мной следом. Ну, в первый–то раз ей было известно, куда я уехал, это было нетрудно, но все остальные разы она знала об этом не больше, чем человек на луне. Я бы прозакладывал

---

[16] Примечания: 16
Сокращенное «infra dignitatem» — ниже своего достоинства (лат.).

последний пенни, что она меня не найдет. Все равно что искать иголку в стоге сена. А затем в один прекрасный день она тут как тут, подойдет совершен но спокойно, словно мы виделись с ней только вчера, и без «здрасьте» или «какими судьбами» и еще чего–нибудь в этом роде скажет: «Вам пора побриться, капитан, если хотите знать мое мнение» — или: «Эти ваши штаны, капитан, форменный срам»... От этого у кого хочешь душа в пятки уйдет.

Капитан Николс замолчал, скользнул взглядом по пустынному морю. Ночь была такой светлой, что ясно различалась линия горизонта.

— Ну, уж на этот раз я ее оставил с носом, удрал наконец. Она не знает, где я, и узнать ей неоткуда, но, провалиться мне на этом месте, я бы не удивился, кабы она вдруг подошла к нам на шлюпке, при полном параде, — на нее посмотришь, сразу видишь, что она леди, этого у нее не отнимешь, — поднялась бы на борт и сказала: «Что это за вонючий, мерзкий табак вы курите, капитан? Вы же знаете, что я не переношу ничего, кроме «кэпстона»... Это все нервы. Вот где собака зарыта. Отсюда и моя диспепсия, коли говорить начистоту. Я помню, как–то в Сингапуре пошел я к врачу, которого мне очень рекомендовали, и он записал

кучу всяких вещей в своей книге, знаете, как это делается, а потом поставил внизу крест. Ну, мне это не очень понравилось, я и говорю ему: «Послушайте, доктор, — говорю, — что значит этот крест?» — «А, — говорит он, — я всегда ставлю крест, когда у меня есть основания предполагать семейные неурядицы». — «Понимаю, — говорю я, — вы попали в самую точку, доктор, я, и верно, несу тяжкий крест». Умный был тип, этот доктор, только диспепсию мою он не вылечил.

— Сократ нес тот же крест, капитан, но я не слышал, чтобы это отразилось на его пищеварении.

— Это кто такой?

— Честный человек.

— Много ему с того было проку?

— По правде сказать, никакого.

— Я всегда говорю, надо легче относиться к вещам, брать жизнь такой, какая она есть, а коли будешь слишком большим чистоплюем, останешься на бобах.

Доктор Сондерс засмеялся про себя. Забавно было думать, что этот неразборчивый в средствах негодяй пребывает в паническом страхе перед своей женой. Поистине триумф духа над материей! Интересно, как она выглядит?

— Я рассказывал вам о Фреде Блейке, — про-

должал шкипер после паузы, во время которой он раскуривал погасшую трубку. — Ну, как я вам уже говорил, я был в баре. Поздоровался с одним или двумя парнями, сердечно так, знаете, ну и они поздоровались со мной да и отвернулись в сторону. Прямо видно было, как они говорят сами себе: «Опять этот бродяга притащился клянчить выпивку, ну, от меня он ее не получит». Нечего удивляться, что у меня было паршиво на душе. Унизительно для человека, который занимал раньше такое положение, как я. Ужас, до чего люди трясутся над своими деньгами, когда знают, что у тебя нет ни гроша. Хозяин посмотрел на меня зверем, я уж подумал, сейчас он спросит, чего мне налить, а когда я скажу, что кого–нибудь жду, велит мне убираться и подождать по ту сторону дверей. Я заговаривал то с одним, то с другим парнем, но они не очень- то охотно отзывались; я отпустил несколько шуток, но никто не засмеялся, и мне дали понять, что я лезу куда меня не просят. И тут вошел один тип, которого я знал. Такой огромный парень, задира и забияка. В Австралии их называют петухами. По имени Райян. С ним ухо держи востро. Связан с политикой. Одолжил мне как–то пять шиллингов. Ну, я подумал, он и глядеть на меня не захочет, сделал

вид, будто его не узнал, но сам все время следил за ним уголком глаза. Он огляделся, а лотом подходит прямо ко мне. «Добрый вечер, капитан, — говорит он этак дружески. — Как житуха?» — «Надо бы хуже, да некуда». — «Все еще ищешь работу?» — «Да». — «Что будешь пить?» — спрашивает он. Я попросил пива, и он попросил пива. Это меня спасло. Да только я не из тех, кто верит в чудеса. Я до смерти хотел выпить, но мне–то известно, что Райян даром выпивки не поставит. Он, знаете, этакий рубаха–парень, и по плечу хлопнет, и шуткам твоим засмеется, до упаду хохочет, и как встретит, скажет: «Привет, куда это ты пропал?» и «Моя хозяйка — баба первый сорт, и ты бы только видел моих ребятишек!» и все такое прочее, а сам не сводит с тебя глаз, прямо насквозь пронзает. Ну, простачки клюют на эту удочку. «Райян — свой в доску, — говорят он и, — мужик что надо». А я не вчера родился, док, старого воробья на мякине не проведешь. Вот я и пью пиво, а сам говорю себе: «Ну, старина, держи ухо востро. Ему от тебя чего–то надо». Но, понятное дело, я и вида не подаю. Рассказал ему пару баек, и он чуть не помер со смеху. «С тобой не соскучишься, — говорит он, — ты, капитан, парень–жох! Кончай свое пиво, возьмем еще по

одной. Я готов тебя хоть целый вечер слушать». Ну, я допил кружку и вижу, он еще заказывает. «Послушай, Билл», — говорит; ну, меня–то Томом зовут, но я ему ничего не сказал. Вижу, хочет со мной в корешах быть. «Послушай, Билл, — говорит, — больно тут народу много, сам себя не услышишь, да и не знаешь, чьи тут кругом уши. Мы вот что сделаем, — и зовет хозяина: — Эй, Джордж, можно тебя на минутку?» Тот к нам чуть не бегом. «Послушай, Джордж, нам с приятелем охота поболтать о старых временах. Как насчет той комнаты?» — «Моей конторы? Конечно, конечно, проходите, будьте как дома». — «Вот и хорошо, подходящее местечко. Да принеси нам пару кружек пива».

Ну, пошли мы из зала в контору, и Джордж сам пиво принес, собственноручно, да еще и мне кивнул. Ну, вышел он, Райян дверь за ним закрыл и на окно поглядел, закрыто ли. Говорит, боится сквозняков. Я не знал, к чему он клонит, и решил идти напрямки. «Послушай, Райян, — говорю я, — мне очень совестно за те пять монет, что ты мне одолжил. Я о них помню, да только, сказать по правде, я все это время на мели». — «О чем разговор, — говорит он. — Подумаешь, пять монет! Что я — тебя не знаю? Ты славный парень. Зачем

и деньги, коли не можешь выручить дружка, когда ему изменит счастье». — «Ну, я бы для тебя то же сделал, Райян», — говорю я, дудя в его дудку. Послушать нас, так прямо родные братья после долгой разлуки, да и только.

Капитан Николс тихонько рассмеялся, вспомнив, какую они разыграли комедию. Он наслаждался любым обманом, как настоящий художник.

— «Твое здоровье», — говорю. Мы оба отхлебнули пива. «Послушай, Билл, — говорит он, вытирая рот рукой. — Я тут наводил о тебе справки. Хороший моряк и все такое, не так ли?» — «Лучше не бывает», — говорю я. «И коли ты сидишь без работы, так не по своей вине, просто не везет». — «Точно», — говорю. «Ну, так я тебя сейчас удивлю, Билл, — говорит он. — У меня есть для тебя работенка». — «Беру, — говорю, — все равно какая». — «Молодец, — говорит он. — Я знал, что могу на тебя рассчитывать». — «А что за работа?» — спрашиваю. Он поглядел на меня, и, хоть он улыбался мне как родному брату, словно души во мне не чаял, поглядел он на меня куда как серьезно. Тут было не до шуток, я это сразу понял. «Ты умеешь держать язык за зубами?» — спрашивает он. «Могила», — говорю. «Вот это хорошо, — гово-

рит он. — Ну, так как ты смотришь на то, чтобы взять небольшой люггер для ловли жемчуга — не люггер, а игрушка, из тех парусников, что стоят на острове Терсди и в Порт–Дарвине, и поплавать между островами месяц–другой?» — «Звучит неплохо», — говорю я. «Ну так это и есть твоя работа», — говорит он. «Торговать чем–нибудь, — говорю я, — или скупать?» — «Нет, просто для удовольствия».

Капитан Николс подавил смешок.

— Я чуть в лицо ему не рассмеялся, когда он это сказал, но приходится быть осмотрительным, многие люди юмора не понимают, так что я уставился на него с самым серьезным видом. Он опять на меня взглянул, и я понял, что с ним шутки плохи, если его разозлить. «Я тебе сейчас объясню, в чем тут дело, — говорит он. — Один мой знакомый, молодой еще парнишка, перетрудился. Его отец — мой старый друг, и я делаю все это ради него, ясно? Он очень большая шишка. Пользуется влиянием в разных кругах». Райян снова отхлебнул пива. Я не сводил с него глаз, но рта не разевал. «Отец очень расстроен. Единственный сын, чего удивляться. Я его понимаю, у меня тоже дети. Если у кого из них хоть палец заболит, я весь день сам не свой».

— «Можешь мне не рассказывать, — говорю я, — у самого дочь». — «Единственный ребенок?» — спрашивает. Я кивнул. «Дети, что может быть лучше? — говорит он. — Ничто не приносит нам столько радости». — «Точно», — говорю я. «Всегда был болезненный, парнишка этот, — говорит он и качает головой. — Легкие слабые. Доктора говорят, для него самое полезное — поплавать на паруснике. Ну, а его папаше не очень–то по вкусу, чтобы он брал билет на пароход, вот он и купил этот люггер. Ничем не связан, можешь плыть куда захочешь. Легкая, приятная жизнь, вот как он это мыслит; я хочу сказать, вам некуда спешить. Выбирайте себе подходящий ветер, а как попадете на остров, который вам приглянется, там и выходите. Говорят, между Австралией и Китаем десятки островов». — «Тысячи», — говорю я. «Надо, чтобы мальчик успокоился. Это самое главное. Отец хочет, чтобы вы держались подальше от людных мест». — «Правильно, — говорю я и гляжу на него, как невинный младенец. — И сколько времени нам плавать?» — «Я точно не знаю, — говорит он. — Зависит от его здоровья. Два или три месяца, может быть. А может быть, и год». — «Понятно, — говорю я. — И что я за это буду иметь?» — «Двести соверенов, когда твой

пассажир взойдет на борт, и двести соверенов, когда вы вернетесь». — «Скажем, пять сотен, для круглого счета, и ударим по рукам», — говорю я. Он ни слова в ответ, только взглянул этак исподлобья да челюсть выставил. Вы бы поглядели на эту рожу! Ну, коли есть у меня хорошая черта, так это такт. Райян мне мог сильно насолить, кабы захотел. Я это знал и тут сразу почувствовал — он и захочет, коли я не остерегусь. Ну, я пожал так это небрежно плечами и засмеялся. «Да не важно, — говорю, — я за деньгами не гонюсь, деньги ничего для меня не значат. Кабы не так, я был бы уже одним из самых богатых людей Австралии. Сколько даете, столько и ладно. Для друга я на все готов». — «Вот и молодец, Билл», — говорит он. «А где сейчас парусник? — говорю я. — Я бы хотел взглянуть на него». — «Да с ним все нормально. Один мой приятель совсем недавно пришел на нем с острова Терсди, чтобы продать. Он в полном порядке. Только стоит не здесь, в Сиднее, а в нескольких милях отсюда, на побережье». — «А как с командой?» — «Черномазые с Торресова пролива. Они его сюда и привели. Тебе надо только одно — подняться на борт и отплыть». — «А когда отплывать?» — спрашиваю. «Сейчас». — «Сейчас? — удивился я. — Сегодня вечером?»

— «Да, сегодня вечером. В том конце улицы меня ждет машина. Я отвезу тебя на люггер». — «Куда нам торопиться?» — говорю я и улыбаюсь, но сам гляжу на него, словно хочу сказать, что вижу — он темнит. «Отец парнишки — воротила. Не любит ничего откладывать в долгий ящик». — «Политика?» — говорю я. Я уже начал смекать, что к чему. «Тебе–то что?!» — говорит Райян. «Но я человек женатый, — говорю я. — Коли я так вот пропаду, никому не сказав, моя благоверная начнет разыскивать меня по всему Сиднею. Захочет узнать, куда я подевался, и когда никто ей ничего не скажет, она пойдет в полицию». Тут он посмотрел на меня во все глаза. Я был уверен, что это ему придется сильно не по нутру. «Покажется странным, что капитан, шкипер, исчез, как в воду канул. Я хочу сказать, я же не черномазый, не канак. Я, конечно, не знаю, кому это может быть интересно, но всегда найдутся люди, которые любят совать нос куда не надо, особенно сейчас, перед выборами». Я чувствовал, что попал в точку насчет выборов, но он и глазом не моргнул. Его широкая рожа была что глухая стена. «Я сам зайду к ней», — говорит. Ну, у меня тут был свой интерес, я не собирался упускать такой случай. «Скажи ей, что первый помощник капитана

на пароходе сломал себе шею, когда пароход выходил из порта, и меня взяли на его место. У меня, мол, не было времени забежать домой, и я напишу ей из Кейптауна». — «Вот это по–моему!» — говорит он. «А коли она поднимет шум, дай ей билет на пароход до Кейптауна и пять фунтов. Без запроса». Тут уж он от души расхохотался и сказал, что я могу на него положиться.

Райян кончил свое пиво, и я кончил свое. «Ну, — говорит он, — коли ты готов, так пойдем, — он посмотрел на часы. — Встречай меня на углу Маркит–стрит через полчаса. Я проеду в машине и захвачу тебя. Выходи первый. Через бар идти не нужно. В конце коридора дверь. Толкни ее и будешь на улице». — «О'кей», — говорю я и беру шляпу. «Еще одна вещь, которую я хочу тебе сказать, — говорит он, когда я пошел к двери. — И запомни это на сейчас и на потом. Коли не хочешь получить нож в спину или пулю в живот, не устраивай никаких фокусов». Он сказал это вроде бы в шутку, но я не дурак, я знал, что это серьезно. «Не бойся, — говорю я. — Когда ко мне относятся по–джентльменски, я тоже веду себя как джентльмен. — А затем так небрежно спрашиваю: — Молодой человек, верно, уже на борту?» — «Нет, он сядет позднее».

Я прошел по коридору и вышел на улицу. Дошел до того места, которое он указал. Шагов двести, не больше. Я подумал, раз он велел ждать полчаса, значит, ему надо повидать кого–то и доложить о нашем разговоре. Мне нет–нет да и приходила мысль: интересно, что сказали бы в полиции, кабы я намекнул, что тут дело нечисто и они не прогадают, коли поедут за нами да поглядят на этот парусник. Но я подумал, что, пожалуй, я-то на этом прогадаю. Оно, конечно, выполнить свой общественный долг не худо, и я, как и всякий другой, хочу ладить с полицией; да что толку, коли я за все свои труды заработаю нож в живот. Да и четыре сотенных с них не получишь. И хорошо, что я не вздумал оставить Райяна с носом, потому как увидел на другой стороне улицы какого–то типа. который стоял в тенечке, словно не хотел, чтобы его кто–нибудь видел, и похоже было, следил за мной. Я подошел поближе, чтобы посмотреть на него, он отошел подальше, я пошел обратно, он вернулся и стал на прежнее место. Подозрительно. Чертовски подозрительно. Что меня задело? Что Райян нисколько мне не доверял. Уж если ты положился на человека, так полагайся на него до конца, я так считаю. А что дело это темное, меня не смущало, я на своем веку всего нагляделся.

Доктор Сондерс улыбнулся. Он начал понимать капитана Николса. Капитан был из тех людей, для которых повседневная честная жизнь кажется немного однообразной. Ему необходима была приправа из толики обмана, чтобы вывести его из угнетенного состояния, в которое его приводила диспепсия. Когда он мог сплутовать, кровь его текла быстрее по жилам, он лучше себя чувствовал, становился предприимчивее, энергичнее. Бдительность, которую ему тогда приходилось проявлять, чтобы уберечься от беды, отвлекала его мысли от злосчастного пищеварительного процесса. Если доктору Сондерсу и не хватало сочувствия к людям, он с лихвой компенсировал это редкой терпимостью. Он не собирался никого ни хвалить, ни осуждать. Он прекрасно видел разницу между святым и негодяем, но и на того и на другого смотрел равно невозмутимо и беспристрастно.

— Меня так смех и разбирал, — продолжал шкипер, — когда я думал, что вот стою я там и собираюсь отправиться в плавание, даже не взяв смены белья, зубной щетки и бритвы. Не много найдется людей, которые на это пойдут, а мне хоть бы что.

— Это верно, — сказал доктор.

— А потом я представил, какую рожу скорчит моя благоверная, когда Райян скажет ей, что я ушел в море. Я так и видел, как она катит со следующим пароходом в Кейптаун. Теперь уж ей меня не найти. Уж на этот раз я от нее унес ноги! И кто бы мог подумать, что все так выйдет, когда я сказал сам себе: еще один такой день, и хоть головой в воду. Уж если это не провидение Божье, так что тогда еще?

— Говорят, пути Господни неисповедимы.

— Уж кому это знать, как не мне! Я из баптистов. «И ни одна из них не упадет на землю…» — сами помните, как дальше. Я тысячу раз убеждался, что так оно и есть… Ну, жду я там полчаса, а то и больше, подъезжает машина и останавливается возле меня. «Прыгай», — говорит Райян и сразу берет с места. Дороги вокруг Сиднея хуже некуда, и нас швыряло из стороны в сторону, как пробку на волнах. Ну и гнал же он! «А как насчет запасов и всякого такого?» — спрашиваю. «Все на борту, — говорит он. — На три месяца хватит с лихвой». Где проезжали, я не знал. Темень, хоть глаз выколи, время шло к полуночи. «Приехали, — говорит он и останавливает машину. — Выходи». Я вышел, и он за мной. Фары он потушил. Я знал, что морс рядом, но и на шаг впереди себя не видел. У

него был электрический фонарик. «Иди за мной, — говорит он, — да смотри не споткнись». Мы двинулись вперед. Там было что–то вроде тропинки. Я вообще–то на ногу легкий, но тут раза три чуть вверх тормашками не полетел. «Не хватает мне тут шею сломать», — говорю сам себе. Уж как я был рад, когда мы наконец спустились и я почувствовал под ногами песок. Мы были у воды, это я видел, но больше ничего. Райян свистнул. Кто–то закричал в ответ, но тихонько — вы понимаете, что я хочу сказать? — и Райян помахал фонариком, показал, где мы. Скоро я услышал, как шлепают весла, и через несколько минут к нам подошла шлюпка с двумя черномазыми. Мы с Райяном сели, и они оттолкнулись от берега. Я подумал: кабы у меня были при себе двадцать фунтов, провались я на этом месте, Австралии бы мне больше не видать. Австралия felix[17]. Минут так через десять мы подошли к паруснику. «Ну, как он тебе?» — спрашивает Райян, когда мы поднялись на борт. «Сейчас много не увидишь, — говорю я. — Утром скажу». — «Утром вы уже должны быть в море», — говорит Райян. «Когда придет этот бедный больной мальчик?» — спра-

[17] Примечания: 17

Счастливая Австралия (лат.). По аналогии с выражением «счастливая Аркадия».

шиваю я. «Теперь уже скоро, — говорит Райян. — Спускайся в каюту, зажги лампу да осмотрись. Выпьем бутылочку пива. На спички». — «Ладно», — говорю я и иду вниз. Там тоже было темно, но на судне я нутром чую, куда идти. И не так уж я спешил спуститься, успел и назад посмотреть. Я скумекал, что он недаром хотел сплавить меня вниз. И точно: я увидел, как он три или четыре раза махнул фонарем. «Ага, — сказал я себе, — кто–то за нами следит», но откуда — с моря или суши — я не знал. Тут Райян тоже спустился в каюту, и я огляделся вокруг. Он вытащил бутылку пива для себя и бутылку для меня. «Скоро луна взойдет, — говорит он, — и ветерок попутный». — «Сейчас прямо и снимемся?» — спрашиваю я. «Чем раньше, тем лучше», — говорит он. «Послушай, Райян, — говорю я, — у меня с собой даже бритвы нет». — «Ну, так отращивай бороду, Билл, — говорит он. — Приказ никуда не заходить, пока не дойдете до Новой Гвинеи. Если захотите сойти в Мерауке — сделайте одолжение». — «Чей порт? Голландский?» Он кивает. «Послушай, Райян, — говорю я, — я ведь не вчера родился. Я же не могу запретить себе думать, правда? Ну что толку скрывать от меня, в чем тут дело, почему бы не сказать мне прямо?» — «Билл, старина, — говорит

он этаким дружеским тоном, — пей лучше свое пиво и не задавай вопросов. Я знаю, что не могу запретить тебе думать, но ты лучше верь тому, что я тебе говорю, не то, разрази меня гром, я своими руками вырву твои чертовы гляделки». — «Вот это прямой разговор», — говорю я смеясь. «За твое здоровье!» — говорит он. Он глотнул из своей бутылки, я — из своей. «Пива много?» — спрашиваю. «На тебя хватит. Ты не пьянчуга, это мне известно. Я бы иначе и не предложил тебе эту работенку». — «Верно, — говорю. — Я люблю пропустить глоточек, но меру знаю. Как насчет денег?» — «Они у меня, — говорит он. — Отдам перед отъездом». Так мы сидели и болтали о том о сем. Я спросил у него, какая там команда и прочее, а он спросил, трудно ли мне будет отплыть ночью, и я сказал, что нет, я могу вести корабль с завязанными глазами. Вдруг я услышал какие–то звуки. У меня острый слух, ничто мимо ушей не проходит «Лодка идет», — говорю я. «Давно пора, — говорит он. — Мне надо возвращаться к моей хозяйке и ребятишкам». — «Пойдем на палубу?» — говорю я. «Не обязательно», — говорит он. «Ладно», — говорю я. Так мы сидим и прислушиваемся. По звуку было похоже на шлюпку. Она подошла к паруснику и стукнулась о корму. Затем кто–то

поднялся на палубу. Спустился по трапу. Одет он был с иголочки, синий саржевый костюм, белый воротничок, галстук и коричневые туфли. Не то что теперь. «Это Фред», — говорит Райян, взглянув на меня. «Фред Блейк», — говорит парень. «Это капитан Николс. Первоклассный моряк. И человек подходящий».

Мальчишка взглянул на меня, а я взглянул на него. Вот уж кого я бы не назвал болезненным. На мой взгляд, здоровый как бык. Нервный — да, часто вздрагивал. Я сказал бы, что он был напуган. «Да, не повезло тебе, что ты так расклеился, — говорю ему вежливо. — Ну, морской воздух тебя подбодрит, помяни мое слово. Нет ничего лучше моря, чтобы укрепить здоровье». Я еще не видел, чтобы кто–нибудь так покраснел! Как рак. Райян посмотрел на него, посмотрел на меня и засмеялся. Потом сказал, что рассчитается со мной и — привет! Деньги были у него в поясе. Он снял его и выложил на стол две сотни золотых соверенов. Я уже забыл, когда видел золото. Только в банках оно теперь и есть. Похоже, тот, кто хотел поскорее избавиться от мальчишки, важная персона. «Дай, что ли, пояс в придачу, Райян, — говорю я. — Нельзя же, чтобы такая куча денег валялась где попало». — «Ладно, — говорит

он, — бери. Счастливо оставаться!» И не успел я и слова сказать, он вышел из каюты, перескочил через борт в лодку, и только мы его и видели.

— А что случилось потом?

— Я сунул деньги обратно в пояс и надел его на себя.

— Немалый груз, а?

— Когда мы пришли в Мерауке, мы купили два сундучка, и я так запрятал свой, что его никому не найти. Но коли дела будут идти и дальше так, я смогу носить то, что останется от моих денежек, и не почувствую.

— Что вы хотите сказать?

— Ну, мы шли вдоль побережья к северу — понятное дело, не выходя за Большой Барьер, — погода была прекрасная, ветер попутный, вот я и говорю мальчишке: «Давай сыграем партию в крибидж». Надо же было как–то убить время, а я знал, что деньги у него есть. Почему бы малой толике не перейти ко мне? Я играю в крибидж *с* пеленок и думал, я его как липку обдеру. Видно, ему сам черт ворожит. Вы не поверите, я не выиграл ни разу с тех пор, как мы ушли из Сиднея. Проиграл уже фунтов семьдесят, не меньше. И не похоже, чтобы он умел играть. Просто ему дьявольски везет.

— Возможно, он играет лучше, чем вы думаете.

— Быть этого не может! Чего я не знаю про крибидж, того и знать не надо. Неужто иначе я сел бы с ним играть? Как бы не так! Нет, это удача, а удача переменчива. Должно же и мне пофартить, а уж тогда я свое возьму, и с лихвой. Конечно, досадно, но я не особо беспокоюсь.

— Он вам что–нибудь о себе рассказывал?

— Ни словечка. Но я и сам не дурак: прикинул, что к чему, и смекнул, что за этим всем кроется.

— О!

— Политика, вот что. Даю голову на отсечение. Иначе Райан не связался бы с этим делом! Правительство в Новом Южном Уэльсе сейчас висит на волоске. Коли разразится какой–нибудь скандал, придется им выйти в отставку. К тому же скоро выборы. Они надеются, что снова пройдут, но, по- моему, это еще большой вопрос; я думаю, они знают, что им нельзя рисковать. Я бы не удивился, если бы узнал, что Фред — сынок кого–нибудь из этой братии.

— Премьер–министра или вроде того, да? В кабинете есть кто–нибудь по имени Блейк?

— Ну, Фред такой же Блейк, как я. Да уж один из министров, не меньше, и Фред его сын или племянник; и чтобы он

там ни натворил, коли это выплывет наружу, папаша или дядюшка потеряет свой пост, и я думаю, они решили убрать его подальше с глаз на какое–то время.

— А что, по–вашему, он натворил?

— Да кокнул кого–нибудь, если хотите знать мое мнение.

— Он еще совсем мальчик.

— Достаточно взрослый, чтобы его повесить.

Глава двенадцатая

— Это еще что?! — воскликнул шкипер. — Сюда идет шлюпка.

У него действительно был острый слух — доктор Сондерс ничего не слышал. Капитан уставился в темноту. Он положил руку доктору на плечо и, бесшумно поднявшись, скользнул в каюту. Через минуту снова вышел, и доктор увидел у него револьвер.

— Береженого Бог бережет, — сказал Николс.

Теперь уже и доктор мог различить отдаленное поскрипывание весел в ржавых уключинах.

— Шлюпка со шхуны, — сказал он.

— Это я и сам знаю. А вот чего не знаю — зачем мы им? Для визита поздновато.

Они замолчали, прислушиваясь к приближающимся звукам. Плеск воды под веслами сделался громче, и вот уже стали видны туманные очертания лодки — небольшое черное пятно на фоне темного моря.

— Эй, на лодке! — внезапно крикнул Николс.

— Это вы, капитан? — донесся по воде голос.

— Да. Чего вам надо?

Он стоял у планширa с револьвером в свободно повисшей руке. Лодка подошла ближе.

— Погодите, пока я поднимусь, — сказал австралиец.

— Не ранний час, а? — заметил Николс.

Австралиец приказал матросу сушить весла.

— Разбудите доктора, ладно? Очень уж мне не нравится мой япошка. Похоже, он отдает концы.

— Доктор на палубе. Подгребайте сюда.

Шлюпка подошла вплотную, и капитан Николс, перегнувшись через борт, убедился, что, кроме австралийца, там один негр–матрос.

— Хотите, чтобы я с вами поехал? — спросил Сондерс.

— Жаль вас беспокоить, док, но мне кажется, он очень плох.

— Я сейчас. Подождите, только захвачу сумку.

Доктор Сондерс неуклюже спустился по трапу и взял сумку, в которой держал все необходимое для неотложной помощи. Перелез через борт в шлюпку. Матрос стал быстро работать веслами.

— Вы знаете, что это такое, — сказал австралиец, — хорошие ловцы нарасхват, во всяком случае, японцы, а только их и стоит держать. Сейчас в Арусе ни одного свободного не сыщешь, и, если я своего потеряю, моя песенка спета, это

начисто выбьет меня из седла. Мне придется идти в Йокогаму и, кто знает, возможно, болтаться там с месяц, а то и больше, пока я кого–нибудь раздобуду.

Японец лежал в матросском кубрике на одной из нижних коек. В жарком воздухе висело зловоние. Два черных матроса спали; один из них, повернувшись на спину, громко храпел. Третий матрос, сидя на корточках возле больного, смотрел на него ничего не выражающим взглядом. Тускло светил под потолком фонарь. У японца уже наступил коллапс. Он был в сознании, но, когда доктор подошел к нему, выражение его угольно–черных азиатских глаз никак не изменилось. Казалось, они глядят в Вечность и ничто преходящее не может их отвлечь. Доктор пощупал пульс, потрогал холодный и потный лоб. Сделал подкожное вливание. Он стоял у койки и задумчиво глядел на распростертое тело.

— Поднимемся наверх, глотнем чистого воздуха, — сказал он немного погодя. — Велите матросу позвать меня, если будет какая–нибудь перемена.

— Ну, что он, кончается? — спросил австралиец, когда они вышли на палубу.

— Похоже на то.

— Черт, ну и не везет же мне!

Доктор сочувственно поцокал. Австралиец предложил ему сесть. Стояла мертвая тишина. Далекие звезды смотрелись в спокойную воду. Мужчины молчали… Говорят, если очень во что–то верить, это сбывается. Для японца, который лежал там, внизу, и умирал, не чувствуя боли, это был не конец, он лишь переворачивал новую страницу. Он знал, что просто переходит из одной формы бытия в другую для него это было так же бесспорно, как то, что скоро начнется рассвет. Действие кармы[18] — результат наших поступков в этой, как и во всех предыдущих жизнях, — не прекратится с его смертью. Кто знает, возможно, единственное чувство, которое еще тлеет в этом измученном теле, это любопытство, тревожное или радостное желание знать, в кого он будет перевоплощен. Доктор Сондерс задремал. Его разбудил матрос, коснувшийся его плеча:

— Идите скорее.

Занималась заря. День еще не начался, но звезды притухли, небо было призрачным. Доктор спустился вниз. Японец быстро угасал. Глаза его все еще были открыты, но пульс не прощу-

[18] Примечания: 18

Согласно древней восточной философии — причинно–следственный закон, обуславливающий судьбе человека.

пывался, тело заледенело. Внезапно раздался предсмертный хрип, не громкий, словно он просил прощения за то, что их обеспокоил, как это вообще в обычае у японцев, — и человек умер. Спящие матросы проснулись, один сел на койке, свесив голые черные ноги, другой, точно желая отгородиться от того, что происходит, скорчился на полу спиной к умирающему и обхватил голову руками.

Когда доктор вернулся на палубу и сообщил обо всем капитану, тот пожал плечами.

— Дохляки они, эти япошки, — сказал он.

Заря разгоралась; первые лучи солнца расцвечивали гладь воды холодными неясными красками.

— Ну что ж, пора возвращаться на «Фентон», — сказал доктор. — Я знаю, что капитан хотел поднять паруса, как только рассветет.

— Вы бы лучше сперва позавтракали. Вы, верно, изрядно проголодались?

— От чашки чаю не откажусь.

— Знаете что? У меня есть немного яиц. Я придерживал их для япошки, но ему они больше не нужны. Давайте сделаем яичницу с беконом.

Он позвал кока.

— С удовольствием съем яичницу с беконом,

— сказал он, потирая руки. — Яйца должны быть еще свежие.

Вскоре кок принес им яичницу прямо с огня, а с ней — чай и галеты.

— Неплохо пахнет, — сказал австралиец. — Чудно, знаете; мне никогда не приедается яичница с беконом. Когда я дома, я ем ее каждый день. Иногда жена делает мне что–нибудь другое ради разнообразия, но для меня ничто не может сравниться с яичницей.

Когда негр отвозил доктора Сондерса обратно на «Фентон», тому пришло в голову, что смерть — еще более чудная вещь, чем пристрастие капитана шхуны к яичнице с беконом. Плоское море мерцало, как вороненая сталь. Его бледные пастельные краски напоминали о будуарах маркиз восемнадцатого века. Доктору казалось очень странным, что люди умирают. Было что–то нелепое в том, что этот ловец жемчуга, наследник бесчисленных поколений, результат сложного процесса эволюции, начавшегося в тот момент, когда образовалась планета, именно здесь и сейчас, вследствие стечения обстоятельств, которые ставят в тупик воображение, нашел свою смерть в этом затерянном, необитаемом уголке земли.

Когда доктор подъехал к люггеру, капитан Ни-

колс брился и протянул ему руку, чтобы помочь подняться на борт.

— Ну, какие новости?

— Умер.

— Так я и думал. Что–нибудь сделано насчет похорон?

— Не знаю. Не спрашивал. Вероятно, просто кинут его за борт.

— Как собаку?

— Почему бы и нет?

На лице шкипера отразилось волнение, немало удивившее доктора Сондерса.

— Так дело не пойдет. Да еще на британском судне. Его надо похоронить как положено. Я хочу сказать, отпеть по всем правилам.

— Да ведь он был буддист, синтоист или что–нибудь еще в этом роде.

— Ничего не значит. Я плаваю с малолетства, лет тридцать, а то и больше, и коли человек помер на британском корабле, ему и похороны должны быть британские. Перед смертью все равны, вам ли не знать этого, док; в такой момент мы не можем винить человека за то, что он япошка, или ниггер, или даго, или еще там кто–нибудь. Эй, ребята, спустите шлюпку, да пошевеливайтесь. Я сам поеду на шхуну. Когда я увидел, что вы там

застряли, я все понял. Вот почему я брился, когда вы вернулись.

— Что вы намерены делать?

— Поговорить со шкипером этой самой шхуны. Все надо сделать как положено. Устроить япошке проводы по первому разряду. Я поставил это себе за правило на всех судах, где был шкипером. Производит на команду большое впечатление. Знают, на что могут рассчитывать, коли с ними что стрясется.

Шлюпку спустили на воду, и капитан уехал. На корме появился Фред Блейк. Взлохмаченные волосы, неясный румянец, голубые глаза, вся его сияющая весенняя свежесть делали его похожим на юного Вакха с венецианской картины. Доктор, усталый после почти бессонной ночи, почувствовал на мгновение зависть к его вызывающей молодости.

— Как больной, доктор?

— Умер.

— Уж кому везет, так везет, да, док?

Доктор Сондерс внимательно взглянул на него, но ничего не сказал.

Через некоторое время они увидели, что шлюпка возвращается, но без капитана Николса. Матрос по имени Ютан, хорошо изъяснявшийся

по–английски, передал, что капитан всех их ждет на шхуне.

— На кой черт? — спросил Блейк.

— Поехали, — сказал доктор.

Двое белых спустились за борт, за ними — оставшиеся на люггере матросы.

— Капитан сказал — все. Китаец тоже.

— Прыгай сюда, А-Кай, — позвал доктор боя, который с безразличным видом пришивал пуговицу к штанам.

А-Кай отложил работу и, дружелюбно улыбаясь, легко ступил в шлюпку. Лодка пошла к шхуне. Когда они взобрались по веревочному трапу, увидели, что капитан Николс и австралиец уже их ждут.

— Капитан Аткинсон согласен со мной, что мы должны исполнить свой долг перед этим бедным япошкой, — сказал Николс, — и раз у него самого нет опыта, попросил меня провести всю церемонию как полагается.

— Верно, — сказал австралиец.

— Я знаю, что не мне это делать. Когда кто отдает концы на море, отпевать его — дело капитана, но на всей шхуне нет молитвенника, а капитан Аткинсон не смыслит в этом ни шиша. Ведь так, капитан?

Австралиец торжественно кивнул.

— Но я думал, что вы — баптист, — заметил доктор.

— Вообще–то да, — сказал Николс. — Но когда доходит до похорон и такого прочего, я всегда брал молитвенник ивсегда буду брать молитвенник. Ну, капитан, когда клиент будет готов, мы соберем всех на палубе и приступим.

Австралиец прошел на нос и через несколько минут присоединился к ним.

— Остались последние стежки, — сказал он.

— Один стежок вовремя стоит девяти зазря, — отозвался капитан Николс к некоторому удивлению доктора.

— Может, пропустим глоточек, пока ждем? — спросил австралиец.

— Не сейчас, капитан. Когда кончим. Делу время — потехе час.

Появился один из матросов.

— Готово, хозяин, — сказал он.

— Прекрасно, — отозвался капитан Николс. — Пошли, ребята.

Он держался прямо. Двигался энергично. Его хитрые глазки поблескивали, словно предвкушая удовольствие. Доктора позабавила его затаенная веселость. Было ясно, что шкипер наслаждает-

ся всем происходящим. Они прошли на корму. Команды обоих парусников, все — негры, уже собрались, многие с трубками во рту, кое–кто с прилипшим к толстым губам окурком сигареты. На палубе лежал сверток, как показалось доктору, в мешке из–под копры. Он был очень маленький. Трудно было поверить, что в нем мог уместиться человек.

— Все здесь? — спросил капитан Николс, оглядываясь. — Прекратите курить. Надо иметь уважение к смерти.

Матросы вынули изо рта трубки, выплюнули окурки сигарет.

— Станьте вокруг. Вы — рядом со мной, капитан. *Я* делаю это, только чтобы выручить вас, сами понимаете, и прекрасно знаю, что это не мое, а ваше место. Все готовы?

Воспоминания капитана Николса об отпевании оказались довольно отрывочными. Начал он с молитвы, которая была многим обязана его воображению, но прочитал ее с праведным пылом. Язык его пестрел цветами красноречия. Закончил он громовым «аминь».

— Теперь мы споем гимн. — Он посмотрел на матросов. — Вы все ходили в школу к миссионерам, так что пойте, не жалейте глоток. Пусть

вас услышат в самой Макасаре. «В бой, Христово воинство, в наш бескровный бой!»

Капитан затянул гимн хрипло и глухо, но с жаром, и не успел он произнести первые слова, как к нему присоединились обе команды. Они пели громко, низкими, звучными голосами, мелодия далеко разносилась над мирными водами. Все они учили этот гимн на своих островах и знали его слово в слово, но из–за их непривычного произношения со странными ударениями и интонациями он приобрел чудное, загадочное звучание, словно это был не христианский гимн, а ритмические варварские выкрики сборища дикарей. В нем слышались фантастические звуки, дробь барабанов и звон диковинных инструментов, он наводил на мысль о таинственных ночных церемониях на морском берегу, о кровавых человеческих жертвах. А-Кай, чистый, в аккуратном белом костюме, стоял немного в стороне от чернокожих матросов в небрежно–грациозной позе, и в его красивых, подернутых влагой глазах было чуть презрительное удивление. Они кончили первый куплет и, не дожидаясь подсказки Николса, запели второй. Но когда они начали третий, Николс резко хлопнул в ладоши.

— Хватит, хватит! — закричал он. — Это вам не

концерт, черт подери. Мы не собираемся здесь сидеть до ночи.

Они разом остановились, и он сурово посмотрел кругом. Взор доктора упал на небольшой сверток в мешке из–под копры, который лежал в центре их кружка. Сам не зная почему, доктор подумал о том, что этот ловец жемчуга когда–то был маленьким японским мальчиком с круглым лицом и черными, как терн, глазами, который играл на улицах японского города, и мать, в нарядном кимоно, со сложной прической, утыканной длинными шпильками, и в деревянных туфлях, водила его смотреть на цветение вишни, а по праздникам — в храм, где ему давали рисовый колобок, а возможно, когда–нибудь, весь в белом, с ясеневым жезлом в руке, он вместе со всей семьей ходил паломником на священную гору Фудзияму и любовался восходом солнца с ее вершины.

— Теперь я произнесу еще одну молитву и, когда дойду до слов: «Мы предаем его бренное тело морской пучине», — слушайте во все уши, чтобы не пропустить, я хочу, чтобы дело шло гладко, без сучка, без задоринки, — хватайте его и бросайте за борт. Ясно? Лучше назначьте для этого двух человек, капитан.

— Ты, Боб, и ты, Джо.

Два матроса выступили вперед и приготовились поднять тело.

— Да не сейчас, чтоб вас разорвало! — закричал капитан Николс. — Дайте мне сначала слово сказать, проклятые идиоты! — И, не переводя дыхания, капитан приступил к молитве. Наконец, когда он исчерпал все свое красноречие, Николс слегка повысил голос и произнес: — «И поскольку Всевышний в своем неисповедимом милосердии пожелал забрать к себе душу нашего возлюбленного брата, почившего в Бозе, мы предаем его бренное тело морской пучине…» — Он бросил на двух матросов гневный взгляд, но они, разинув рты, продолжали пялиться на него. — Эй, вы! Хватит ворон считать, валите стервеца за борт, черт вас раздери!

Вздрогнув, они кинулись к небольшому свертку, лежавшему на палубе, и швырнули его за борт. Он погрузился в воду почти без плеска. Капитан Николс продолжал, удовлетворенно улыбаясь:

— «…дабы оно подверглось распаду в уповании воскрешения из мертвых, когда море отдаст своих мертвецов». А теперь, любезные мои братья, мы вознесем молитву Всевышнему, и чтобы никто не бормотал себе под нос. Господь Бог хочет слышать

вас, и я хочу. «Отче наш, Иже еси на небесех…»

Он читал молитву громким голосом, и все, кроме А-Кая, вторили ему.

— Ну, ребята, конец — делу венец, — продолжал он все тем же торжественным тоном. — Я рад, что смог провести эту печальную церемонию как положено. Смерть подстерегает нас на каждом шагу, всякое бывает, и даже в благородной семье не без урода. Я хочу, чтобы вы знали, — коли вас призовут туда, откуда нет возврата, — раз вы на британском корабле, под британским флагом, можете не сомневаться, вас ждут приличные похороны, как всякого верного сына Спасителя нашего Иисуса Христа. В обычных обстоятельствах я предложил бы вам трижды прокричать «ура» в честь вашего капитана, но мы собрались здесь в связи с печальным обстоятельством, и «наши мысли на глубине, для слез недостижимой»[19], поэтому я прошу вас крикнуть «ура» в глубине души. А теперь — «во имя Отца и Сына и Святого Духа ами–и–инь!».

Капитан Николс повернулся с таким видом, словно сходил с церковной кафедры, и протянул руку капитану Аткинсону. Австралиец горячо

---

[19] Примечания: 19

Перефразировка строки из стихотворения «Ода бессмертию» английского поэта Уильяма Водсворта (1770–1850).

ее пожал.

— Клянусь Богом, вы классно провернули это дельце! — сказал он.

— Практика, — скромно ответил капитан Николс.

— Ну, а теперь — как насчет выпить?

— Вот это мысль! — сказал капитан Николс. Он обернулся к своей команде: — Вы, ребята, возвращайтесь на «Фентон», а ты, Том, приедешь потом за нами.

Четверо белых двинулись по палубе. Капитан Аткинсон принес из каюты бутылку виски и стаканы.

— Священник и тот не сделал бы лучше, — сказал он, провозглашая тост за здравие капитана Николса.

— Все дело в чувстве. Тут нужно чувство иметь. Я хочу сказать, когда я вел отпевание, я не думал, что мы отпеваем какого–то там грязного япошку, мне было все равно, что он, что вы, что доктор или Фред. Это и есть христианство, не так ли?

Глава тринадцатая

Дул сильный муссон, и когда «Фентон» вышел из–под прикрытия острова, они увидели, что поднялась большая волна. Доктор никогда не плавал на парусных судах, и для его непривычных глаз море выглядело грозно. Капитан велел принайтовать стоящую на корме бочку с пресной водой. Волны, увенчанные белыми гребешками, казались огромными — на таком суденышке палуба была чуть не вровень с водой. Время от времени большой вал ударялся о борт, и палубу окатывало пенными брызгами. Парусник шел мимо островов, и всякий раз, как показывался очередной остров, доктор спрашивал себя, сможет ли он до него доплыть, если они перевернутся. Доктор Сондерс нервничал. Это раздражало его. Он знал, что волноваться нет никаких оснований. Два матроса сидели на крышке люка, связывая концы веревок, чтобы сделать леску, и, погруженные в свое занятие, даже не глядели на море. Вода была мутная, кругом торчали рифы. Шкипер велел одному из матросов залезть на утлегарь и глядеть вперед. Тот предупреждал капитана о рифах

движением то одной, то другой руки. Светило солнце, море было ярко–синим, но высоко над ними неслись, не замедляя бега, белые облака. Доктор попытался читать, но ему приходилось беспрестанно увертываться от брызг. Вот раздался глухой скрип, и доктор вцепился в планшир. Они налетели на риф. Перескочили через него и снова очутились на глубине. Николс обругал впередсмотрящего за невнимательность. Ударились о другой риф и снова сошли с него.

— Пора уносить отсюда ноги, — сказал шкипер.

Он изменил курс и направил парусник в открытое море. Суденышко тяжело переваливалось с борта на борт, всякий раз выпрямляясь резким рывком. Доктор Сондерс насквозь промок.

— Почему вы не спуститесь в каюту? — крикнул ему шкипер.

— Предпочитаю быть на палубе.

— Опасности никакой.

— Может стать еще хуже?

— Не удивлюсь. Похоже, что ветер крепчает.

Взглянув за корму, доктор увидел, как прямо на них идет огромный вал, и подумал, что они не успеют подняться прежде, чем на них обрушится следующая волна, но суденышко с поистине

человеческой ловкостью избежало ее и торжествующе понеслось вперед. Доктору стало не по себе. К нему подошел Фред Блейк.

— Великолепно, правда? При таком ветерке сразу на душе становится весело.

Его кудрявые волосы разметались под ветром, глаза сияли. Он наслаждался. Доктор пожал плечами и ничего не ответил. Он глядел на кативший на них огромный вал с неровным гребнем, словно тот был обязан своим возникновением не бездушным природным силам, а чьему–то злому умыслу. Вал подходил все ближе и ближе, казалось, еще миг, и он погребет их под собой. Гибель была неизбежна. Утлое суденышко просто не могло выдержать эту чудовищную водяную лавину.

— Осторожнее! — крикнул шкипер.

Он направил люггер носом прямо наперерез волне. Доктор Сондерс инстинктивно вцепился в мачту. Удар, и на них обрушилась стена воды. Палубу затопило.

— Ну и чудище! — воскликнул Фред.

— Я давно хотел искупаться, — сказал шкипер.

Они рассмеялись. А доктора мутило от страха. Ну что ему стоило задержаться на Токане и подождать парохода?! Как глупо было рисковать жизнью ради каких–то двух–трех недель! Поду-

маешь, скука! Он клялся себе, что если на этот раз ему удастся остаться в живых, он никогда больше не совершит такого дурацкого поступка. Читать он больше и не пытался. Книга насквозь промокла, очки все время заливало водой. Он не сводил глаз с набегающих волн. Острова чуть виднелись в отдалении.

— Нравится, док? — прокричал шкипер.

Люггер плясал на воде, как пробка. Доктор Сондерс вымученно улыбнулся.

— Люблю проветриться. Что может быть лучше! — добавил шкипер.

Доктор еще не видел его в таком хорошем настроении. Откуда только и прыть взялась! Казалось, он наслаждался собственной сноровкой. Он был буквально, а не фигурально, в своей стихии. Страх? Страх был неведом этому вульгарному, бесчестному, изворотливому человеку. Он не знал, что это такое. В капитане не было и крохи порядочности, он представления не имел, что такое внутреннее достоинство и духовная красота, достаточно было пообщаться с ним в течение суток, чтобы понять, что к любой цели он всегда выберет окольный путь. В этой низкой и подлой душонке главенствовало одно желание: перехитрить, обойти своих ближних, взять над

ними верх. Им владело даже не зло, в котором есть свое, пусть и мрачное, величие, а злокозненность плута, которого хлебом не корми, а дай кого–нибудь обжулить. И вместе с тем здесь, на этом крохотном суденышке, затерянном среди яростных волн, где, случись несчастье, никто не придет тебе на помощь, он был спокоен, уверен в себе и в том, что может справиться со своим делом, горд и счастлив. Ему доставляла удовольствие власть над люггером, которым он управлял с таким мастерством. Парусник был в его руках, словно конь в руках опытного наездника, знающего все его привычки и уловки, все фокусы и скрытые возможности. Капитан смотрел на волны с улыбкой в хитрых глазах и удовлетворенно кивал, когда они с грохотом катились мимо. Доктору начало понемногу казаться, что они были для капитана чуть ли не живыми существами, которых тоже так приятно обмануть.

Доктор Сондерс вздрагивал от ужаса, глядя на настигающие их валы. Цепляясь за мачту, он откидывался всем телом в сторону, противоположную морю, когда люггер кренился бортом к воде, а затем, словно все зависело от его веса, откидывался назад, когда борт шел вверх. Он знал, что бледен, чувствовал, как застыло в гри-

масе его лицо. Удастся ли им попасть в шлюпку, если люггер пойдет ко дну? Пусть и удастся, это мало что им даст. Они были в сотне миль от населенных мест и оживленных морских дорог. Если с ними что–нибудь случится, чем быстрее пойдешь ко дну, тем лучше. Доктор не смерти боялся, он боялся умирания и теперь старался представить, насколько неприятно будет глотать соленую воду, задыхаться и вопреки собственной воле отчаянно сражаться за жизнь.

По палубе, качаясь из стороны в сторону, прошел кок — принес им обед. Вода залила трюм, и ему не удалось разжечь огонь, так что весь обед состоял из солонины с холодным картофелем.

— Пришли сюда Ютана, пусть возьмет у меня штурвал! — крикнул шкипер.

Черный матрос занял место шкипера, и трое белых принялись за жалкий обед.

— Живот подвело, — весело сказал Николс, накладывая еду себе на тарелку. — Как у тебя аппетит, Фред?

— Нормально.

Он промокло костей, но щеки его горели румянцем, глаза сверкали. Интересно, подумал доктор, ему действительно не страшно или он притворяется? Напуганный и недовольный собой, доктор

хмуро взглянул на шкипера.

— Если вы можете переварить эту пищу, вам впору переварить и целого вола, — сказал он.

— Вы не поверите, док, даже в небольшую волну я и думать забываю про диспепсию, это для меня лучшее лекарство.

— Сколько времени еще будет дуть этот проклятый ветер?

— Что, не по вкусу, док? — Шкипер хмыкнул. — К закату может утихнуть, а может и разгуляться.

— Разве нельзя укрыться у какого–нибудь острова?

— В открытом море безопаснее. Этим люггерам все нипочем, они хоть что выдержат. А там за милую душу на риф напорешься.

Когда они поели, капитан Николс зажег трубку.

— Как насчет картишек. Фред? — спросил он. — Сразимся?

— Не прочь.

— Неужели вы будете играть в этот проклятый крибидж? — вскричал доктор.

Капитан Николс презрительно взглянул на море.

— Небольшая болтанка, и все. Черномазые управятся с румпелем не хуже меня.

Капитан и Фред направились в каюту. Доктор Сондерс остался на палубе и угрюмо воззрился на море. Время тянулось невыносимо долго, а прошло всего полдня. Интересно, что делает А-Кай, подумал он и с трудом пробрался на нос. На палубе находился всего один матрос. Крышка люка была задраена.

— Где мой бой? — спросил доктор.

Матрос указал на трюм:

— Спит. Хотите спуститься?

Он поднял крышку над трапом, и доктор, цепляясь руками за поручни, полез вниз.

В трюме было темно, хотя горела лампа. Один из матросов сидел совсем голый, лишь в набедренной повязке, и чинил штаны. Двое других и А-Кай лежали в койках и спокойно спали. Но когда доктор, качаясь, подошел к А-Каю, тот сразу открыл глаза и улыбнулся хозяину своей милой, дружелюбной улыбкой.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Не боишься?

А-Кай снова улыбнулся и покачал головой.

— Ну, спи, — сказал доктор.

Он вскарабкался по трапу и с трудом открыл крышку люка. Матрос на палубе ему помог. Не

успел доктор подняться, как его окатило водой. Сердце его ушло в пятки. Он выругался и погрозил кулаком яростному морю.

— Идите лучше вниз, — сказал матрос. — Здесь мокро.

Доктор отрицательно покачал головой. Он стоял, вцепившись в канат. Он нуждался в человеческом обществе. Доктор прекрасно видел, что никто, кроме него, не боится. Даже А- Кай, такой же новичок на море, как он сам, был спокоен. Им ничто не угрожало. Они были на люггере в такой же безопасности, как на твердой земле, а между тем всякий раз, когда их нагоняла очередная волна, швыряя на палубу брызги и пену, доктора охватывал трепет. Из шпигатов стремительно, с шумом низвергалась вода. Доктор замирал от ужаса, обливался холодным потом. Ему хотелось забиться в угол и заскулить, он сдерживался лишь огромным усилием воли. Он безотчетно стремился обратиться за помощью к последнему прибежищу — Богу, в которого он никогда не верил, и должен был стиснуть челюсти, чтобы из дрожащих губ не вырвалась молитва. Ну, не ирония ли судьбы! Он, разумный человек, считавший себя чуть ли не философом, оказался жертвой такого малодушного чувства!

Доктор мрачно улыбнулся при мысли об этой нелепости. Чтобы он, с его быстрым умом, широкими познаниями, рациональным взглядом на жизнь, он, который ничего не терял в случае смерти, трепетал, а эти люди — невежественные матросы, мошенник капитан и туповатый Фред Блейк — оставались спокойны?! Если вдуматься, это уж чересчур! Чего тогда стоит рассудок? Доктора мутило от страха, и он спрашивал себя, чего же он боится. Смерти? Ему и раньше приходилось глядеть в лицо смерти. Мало того, был момент, когда он решил покончить с собой, только без боли, и понадобилось немало мужества, цинизма и холодного рассудка, чтобы продолжать существование, которое не сулило ничего привлекательного. Доктор был рад, что тогда переборол себя. Но он знал, что его почти ничто не привязывает к жизни. Иногда, во время болезни, он чувствовал, что его связь с земной юдолью очень слаба, и не только примирялся со смертью, но с радостью ее предвкушал. Боли? Он хорошо переносил боль. В конце концов, если ты способен перенести тропическую лихорадку, нарыв или зубную боль, тебе уже ничего не страшно. Нет, дело было не в этом, а в каком–то инстинкте, над которым он был не властен, и доктор с любо-

пытством рассматривал как что–то отдельное от себя это ужасное ощущение, от которого у него сохло в горле и дрожали колени.

— Забавно, — пробормотал доктор, переходя на корму.

Взглянул на запястье. Господи, всего три часа! Было что- то зловещее в этом безоблачном ветреном небе, что–то жестокое в его сверкающей голубизне. Казалось, оно не имеет никакого отношения к бурному морю; а морю, такой яркой и суровой синевы, не было дела до человека. Неведомые ему слепые силы играли им и губили его не по злобе, а в бездумном веселии.

— Как прекрасно море с берега, — мрачно пробормотал доктор, спускаясь в каюту.

— Прикупаю два, — услышал он голос шкипера.

Они все еще играли в эту нудную игру.

— Как погода, док?

— Премерзкая.

— Ну, прежде чем полегчает, мы еще намаемся, как роженица, что никак не может разрешиться от бремени. Эти люггеры — классные суденышки. Им и ураган нипочем. По мне, лучше выйти в море на таком вот австралийском люггере для ловли жемчуга, чем на трансатлантическом лайнере.

— Для вас это родной дом, — сказал Фред.

Они играли на тюфяке капитана, и доктор, сменив насквозь промокшую одежду, бросился на второй тюфяк. Читать в неровном свете лампы было невозможно. Он лежал и слушал монотонные голоса игроков. Чем дальше, тем больше они резали ему слух. Каюта трещала, стонала, над головой яростно завывал ветер. Доктора швыряло из стороны в сторону.

— Вот это волна! — сказал Фред.

— А люггеру хоть бы что! Пятьдесят два. Пятьдесят три.

Фред снова выигрывал, и шкипер сопровождал игру жалобами на невезение. Доктор Сондерс, оцепенев, пытался превозмочь терзавший его страх. Время тянулось с ужасающей медленностью. Перед закатом капитан Николс поднялся на палубу.

— Немного посвежело, — сказал он, опять спустившись в каюту. — Хочу вздремнуть. Похоже, ночью мне поспать не придется.

— Почему вы не хотите лечь в дрейф? — спросил Фред.

— Становиться на якорь при таком ветре? Нет, сэр, пока все идет, как сейчас, нам ничего не грозит.

Он свернулся калачиком на тюфяке и через пять минут уже мирно похрапывал. Фред вышел на палубу подышать воздухом. Доктор был сердит на себя за то, что свалял такого дурака и сел на это суденышко, и на капитана и Фреда за то, что им был неведом терзавший его страх. Но когда парусник в сотый раз чуть не пошел ко дну и вновь выпрямился, доктором стало овладевать невольное восхищение храбрым суденышком. В семь часов вечера кок принес ужин и разбудил капитана Николса. Ему удалось разжечь огонь, и он приготовил горячее: разогрел мясо и вскипятил чай. Затем они все трое вышли на палубу, и капитан Николс встал за штурвал. Ночь была ясная, сверкали мириады звезд; волнение не уменьшалось, накатывающие на них валы казались в темноте огромными, как горы.

— Вот это волна! — вскричал Фред.

На люггер стремительно надвигалась высокая стена зеленой воды с неровным белым гребнем. Казалось, она неизбежно должна обрушиться на них, и тогда «Фентон» перевернется и над ним покатится вал за валом. Шкипер взглянул на нее и всем телом вжался в штурвал. Он вел люггер так, что водяная стена должна была ударить прямо в корму. Вдруг их занесло в сторону, раздался

грохот, и по палубе пронесся водный шквал. На миг они ослепли. Затем на поверхности возник фальшборт. «Фентон» встряхнулся, как пес, выбравшийся на сушу, вода потоком хлынула из шпигатов.

— Да, тут не до шуток! — заорал шкипер.

— Есть поблизости какие–нибудь острова?

— Ага. Если продержимся еще часа два, окажемся под прикрытием.

— А как насчет рифов?

— На карте не обозначены. Скоро взойдет луна. Шли бы вы оба лучше вниз.

— Я останусь, — сказал Фред. — В каюте душно.

— Дело твое. А вы, док?

— От меня может быть здесь польза?

— Как от козла молока.

— Помните, что в ваших руках судьба Цезаря![20] — закричал доктор шкиперу на ухо. Но капитан Николс не получил классического образования и не оценил шутки. «Чему быть, того не миновать», — подумал доктор и решил с наибольшим доступным ему удовольствием провести, возможно, последние часы своей жизни. Он пошел за А-Каем. Бой спустился следом за доктором

---

[20] Примечания: 20

Перефразированные слова Цезаря, приведенные Плутархом в его «Жизни Юлия Цезаря».

в каюту.

— Давай попробуем подарок Цзинь Цина, — сказал доктор. — Сегодня можно не скупиться.

Бой достал из саквояжа лампу и опиум и с привычной беззаботностью стал готовить трубку. Никогда еще первая затяжка не доставляла доктору такого наслаждения. Они курили по очереди. Постепенно на душу доктора снизошел покой. Нервы перестали отзываться на каждое движение люггера. Страх покинул его. После обычных шести трубок А-Кай откинулся на спину.

— Еще не все, — мягко сказал доктор. — Сегодня в кои–то веки я дойду до самого конца.

Движения парусника перестали быть неприятными. Мало–помалу доктор уловил их ритм. Швыряло из стороны в сторону лишь его бренное тело, дух его парил в высотах, куда не достигал рев шторма. Доктор шагал по бесконечному пространству, но знал и без Эйнштейна, что оно ограничено его собственной мыслью. Знал он и то, что стоит ему чуть–чуть напрячь воображение, и он постигнет величайшую тайну, но он этого не делал, так как предвкушать это доставляло ему еще большее наслаждение. Эта тайна дразнила его так давно, что было просто бестактно сейчас, когда каждая минута могла

оказаться последней, срывать с нее покров. Воспитанный человек не станет подвергать свою любовницу унижению, показывая, что не верит ей. А-Кай уснул, свернувшись калачиком в ногах тюфяка. Доктор Сондерс чуть подвинулся, чтобы его не потревожить. Он думал о Боге, о вечности и — посмеиваясь в душе — о нелепости жизни. В памяти его всплывали обрывки стихов. Ему чудилось, что он умер и капитан Николс, Харон в штормовке, несет его в какое–то неведомое, чудесное место. Наконец он уснул.

Глава четырнадцатая

Разбудила его предрассветная свежесть. Доктор открыл глаза и увидел, что люк над трапом открыт, затем заметил на тюфяках фигуры шкипера и Фреда Блейка. Те спали. Когда они спустились в каюту, они не захлопнули люк, чтобы выветрить едкий запах опиума. Внезапно до сознания доктора дошло, что люггер больше не качает. Доктор встал. Голова у него была тяжелой, он не привык так много курить. Доктор решил выйти на воздух.

А-Кай мирно спал на том же месте, где уснул. Доктор коснулся его плеча. Юноша открыл глаза, и губы его раздвинула медленная улыбка, так красившая юное лицо. Он потянулся и зевнул.

— Приготовь мне чай, — сказал доктор.

Через минуту А-Кай уже был на ногах. Вслед за ним доктор поднялся по трапу. Солнце еще не взошло, на небе замешкалась одна бледная звезда, но тьма поредела, небо стало призрачно–серым, и чудилось, будто люггер плывет в облаках. Матрос у штурвала, в старой куртке, шарфе, обмотанном вокруг шеи, и мятой, нахлобученной на голову

шляпе, приветствовал доктора хмурым кивком. Морс было абсолютно спокойно. Они проходили между двумя островами, стоявшими почти вплотную друг к другу. Казалось, парусник идет по каналу. Дул легкий бриз. Штурвальный подремывал у руля. Между низкими лесистыми островами скользила заря, медленно, словно с нарочитым спокойствием, в котором таилась опаска, и то, что для людей она олицетворяет собой образ юной девы, представлялось не только естественным, но и неизбежным. В ней и правда были застенчивость и грация молодой девушки, прелестная серьезность, равнодушие и даже жестокость. У неба был линялый цвет античной статуи. В девственных лесах по обеим сторонам от них все еще держалась ночь, но серое море незаметно заиграло мягкими переливами, как перышки на груди голубки. И вот с улыбкой на устах на землю вступил день. Когда плывешь между необитаемыми островами по спокойному морю, в такой тишине, что хочется задержать дыхание, возникает странное и волнующее чувство, будто мир сотворен только вчера. Здесь, возможно, никогда еще не ступала нога человека, ничьи глаза до вас не видели этого всего. Вас охватывает ощущение первозданной свежести, все проблемы

многовековой цивилизации исчезают, как дым. Абсолютнейшая простота, обнаженная и суровая, как прямая линия, наполняет душу восторгом. В эти минуты доктор Сондерс познал поистине мистический экстаз.

А-Кай принес ему чашку ароматного жасминного чаю, и, спустившись с духовных высот, куда он на миг воспарил, доктор погрузился, словно в мягкое удобное кресло, в более материальное блаженство. Воздух был душистый и прохладный. Доктору ничего не хотелось, только плыть вот так, вперед и вперед, по безбрежному морю меж зелеными островами.

Он просидел на палубе около часа, наслаждаясь безмятежным покоем, когда послышались шаги и на палубу поднялся Фред Блейк. В пижаме, с растрепанными волосами, он выглядел совсем юным; он проснулся свежим, сон разгладил его лицо, а не помял его, как и без того помятое и изрезанное временем лицо доктора.

— Рано встали, доктор? — Он заметил пустую чашку. — А мне можно чашечку чаю?

— Попросите А-Кая.

— Хорошо. Только скажу Ютану, чтобы окатил меня парой ведер воды.

Фред прошел на нос и заговорил с одним из мат-

росов. Доктор увидел, как тот опустил на веревке ведро в море, затем Фред Блейк скинул пижаму, и матрос облил его водой. Ведро снова опустилось в море. Фред повернулся лицом. Он был высок, широкоплеч, стойкой талией и узкими бедрами; руки и шея загорели, но все остальное тело было белым. Он вытерся и, опять надев пижаму, вернулся на корму. Глаза его сияли, на губах играла улыбка.

— А ты красивый мальчик, — сказал доктор.

Фред безразлично пожал плечами и опустился в соседнее кресло.

— У нас сорвало ночью одну шлюпку. Слышали уже?

— Нет.

— Дуло, как в преисподней. Кливер разорвало в клочья. Николс был рад–радешенек, когда мы смогли наконец укрыться у островов. Я думал, нам сюда не дойти.

— А ты всю ночь так и провел на палубе?

— Да. Решил, если мы перевернемся, лучше быть наверху.

— Ну, это бы тебя не спасло.

— Знаю.

— А ты не боялся?

— Нет. Чему быть, того не миновать. Тут уж

ничего не попишешь.

— А я струсил.

— Николс так мне днем и сказал. Ну и потешался же он!

— Тут дело в возрасте. В старости мы сильнее подвержены страху. Мне и самому казалось смешным, что я, которому осталось куда меньше терять, чем тебе, — ведь перед тобой впереди вся жизнь, — сильнее боялся за нее.

— Как вы могли размышлять, если были так напуганы?

— Напугано было мое тело. Это не мешало моему мозгу думать.

— А вы оригинал, да, доктор?

— Не мне судить.

— Простите, что я был так груб с вами, когда вы попросили взять вас на борт. — Фред умолк. — Я болел, и у меня немного шалят нервы. Я не так уж жалую незнакомых людей.

— Не важно. Забудем это.

— Я не хочу, чтобы вы считали, доктор, будто я — человек без роду и племени, какой–то прощелыга. — Он посмотрел на окружавший их мирный ландшафт. Они выплыли из узкой протоки между двумя островами и оказались как бы в лагуне. Их окружали низкие островки, покрытые

густой растительностью, вода была спокойная и голубая, как в швейцарском озере. — Не то что прошлая ночь, да? Когда поднялась луна, стало еще хуже. Не представляю, как вы могли спать. Шум стоял страшный.

— Я накурился.

— Николс так и сказал, что вы будете курить, когда вы пошли в каюту со своим желтокожим. Я ему не поверил. Но когда мы спустились вниз… уф! Хоть топор вешай!

— А почему ты не поверил?

— Я не мог представить, что такой человек, как вы, может настолько опуститься.

Доктор негромко засмеялся.

— Мы должны быть терпимы к слабостям своих ближних, — сказал он.

— Я никого ни в чем не виню.

— А что еще Николс сказал обо мне?

— Н-ну… — Фред замолчал, увидев подходящего к ним А-Кая, стройного и изящного, в чистом и аккуратном белом костюме; он подошел, чтобы забрать пустые чашки. — Это не мое дело. Он говорит, вас за что–то вычеркнули из списков.

— Точнее: лишили права практиковать, — невозмутимо произнес доктор.

— Он говорил еще: вы, верно, сидели в тюрьме.

Людям, естественно, кажется странным, когда такой умный человек, как вы, с такой репутацией, какую вы завоевали на Востоке, обоснуется на всю жизнь в вонючем китайском городишке.

— Почему ты думаешь, что я умен?

— Ну, я же вижу, что вы получили хорошее образование. Не думайте, что я какой–то там бродяга. Я учился, чтобы стать бухгалтером, когда заболел. Я вовсе не привык к такой вот жизни.

Доктор Сондерс улыбнулся. Трудно было представить себе более здорового человека, чем Фред Блейк. Он просто пышет здоровьем. Его широкая грудь, атлетическое сложение начисто опровергали легенду о туберкулезе.

— Сказать тебе что–то?

— Решайте сами.

— О, не про себя. Я о себе много не говорю. Я думаю, врачу только на пользу некоторый налет таинственности. Пациенты ему тогда больше верят. Я хотел поделиться с тобой одной мыслью, к которой пришел на основании опыта. Если какой–нибудь непредвиденный случай — безрассудство, преступление или несчастье — разрушает твои планы на будущее, не считай, что ты потерпел полное крушение в жизни. Может быть, тебе как раз повезло, и когда, много

лет спустя, ты оглянешься назад, ты скажешь себе, что не променял бы новую жизнь, которую навязало тебе несчастье, на скучное, монотонное существование, ожидавшее тебя, если бы не вмешалась судьба.

Фред опустил глаза.

— Почему вы мне об этом говорите?

— Думал, может, тебе пригодится.

Юноша негромко вздохнул.

— Чужая душа потемки, верно? Я раньше считал: человек бывает или порядочный, или подлец. А теперь мне кажется: нельзя заранее сказать, кто как себя поведет, когда дойдет до дела. Я еще в жизни не встречал такого негодяя и пройдохи, как Николс. Он просто органически не способен поступить честно. Ему и на йоту нельзя доверять. Мы с ним уже не один день плаваем, и я был уверен, нет такого, чего бы я о нем не знал. Он родного брата обманет, если представится случай. На нем пробу ставить негде. А посмотрели бы вы на него этой ночью! Не буду скрывать от вас, я решил — нам каюк. Вы бы глазам своим не поверили. Он был совершенно спокоен. По–моему, он просто наслаждался всем этим. Один раз он сказал мне: «Ты помолился, Фред? Если не доберемся вскорости до островов, будем

утром кормить рыбку». И ухмыльнулся во всю свою гадкую рожу. Ни разу не потерял головы. Я немного ходил на яхте у нас, в Сиднейской гавани. Поверьте мне на слово, я еще не видел, чтобы кто–нибудь так управлялся с парусником, как он. Я снимаю перед ним шляпу. Если мы с вами сейчас здесь, на этом свете, так только благодаря ему. Храбрости ему не занимать. А ведь если бы он мог без риска для себя нас угробить и заработать на этом хоть двадцать фунтов, не задумался бы ни на секунду. Как вы можете это объяснить?

— Право, не знаю.

— Но вам не кажется странным, что такой прирожденный плут может быть таким смелым человеком? Я что хочу сказать… Обычно считают: если человек негодяй, он будет запугивать других, угрожать, хвастать, но в решительный момент подожмет хвост. Я терпеть не могу этого типа и все равно этой ночью не мог им не восхищаться.

Доктор тихо улыбнулся, но ничего не ответил. Его забавляло то, как искренно юноша удивлялся сложности человеческой природы.

— И он к тому же тщеславен. Мы каждый день сражаемся в крибидж, он воображает, что умеет играть. Я бью его раз за разом, но он не отступает.

— Он жаловался мне, что тебе все время везет.

— Говорят, везет в любви — не везет в карты. Я играю всю свою жизнь. У меня к этому особые способности. Это одна из причин, почему я решил стать бухгалтером. Голова так устроена. Это не удача. Удача идет полосами. Я понимаю в картах, *и* в конечном итоге всегда выигрывает тот, кто играет лучше. У Николса нет ни малейшего шанса меня победить.

Разговор угас, они молча сидели рядом, наслаждаясь покоем. Немного погодя проснулся и вышел на палубу капитан. В грязной пижаме, неумытый, небритый, запущенный, с испорченными зубами, он являл собой весьма непривлекательное зрелище. На лице, сером в утреннем свете, было раздражение.

— Она вернулась, док.

— Кто?

— Моя диспепсия. Перехватил кое–чего вчера перед тем, как лечь. Знал, что мне нельзя есть перед сном, но я просто помирал с голоду, а теперь под самую грудь подпирает.

— Посмотрим, что тут можно сделать, — улыбнулся доктор, вставая со стула.

— Да ровным счетом ничего, — хмуро сказал шкипер. — Я свой живот знаю. Как вылезем из

шторма, так и жди опять диспепсии. Так же верно, как то, что я — капитан Николс. Ну где тут справедливость! Казалось бы. имеет человек право проглотить кусочек колбасы и ломтик сыра после того, как восемь часов простоял за рулем. Пропади оно все пропадом, должен же я что–то есть!

Глава пятнадцатая

Доктор Сондерс намеревался покинуть их в Канда–Мерии — островах–близнецах в море Канда, куда регулярно заходили пакетботы нидерландской королевской пароходной компании. Он полагал, что ему не придется долго ждать, пока появится пароход, направляющийся в такой порт, который он охотно бы посетил.

Шторм заставил их сойти с курса, а затем целые сутки был штиль, поэтому только на шестой день плавания рано утром они увидели вулкан на Мерии. Городок был расположен на Канда. Слабый ветер чуть надувал паруса, и они подошли к гавани лишь после девяти, а лоции предупреждали, что вход туда труден. Остров Мерия представлял собой высокую конусообразную гору, покрытую густыми зарослями чуть не до самой вершины, где поднимался из кратера густой султан дыма, похожий на огромную магнолию. Протока между двумя островами была узкая, и приливное течение шло по ней с большой скоростью. В одном месте она сужалась до полукабельтова, а посередине проглядывались мели. Но капитан

Николс был превосходный моряк и знал это. Он был даже рад возможности блеснуть своим искусством. В кричащей полосатой пижаме, мятом тропическом шлеме, с белой щетиной недельной давности, он выглядел на редкость непрезентабельно, но «Фентон» он ввел в гавань безупречно.

— На вид неплохое местечко, — сказал он, когда их глазам предстал наконец городок.

На берегу стояли склады и туземные хижины на сваях, крытые пальмовыми листьями. В прозрачной воде играли ребятишки. В долбленом челноке сидел китаец в широкополой шляпе, удил рыбу. Гавань была почти пуста: две джонки, три–четыре больших «пра», моторка и брошенная шхуна. На холме за городком высился шест с голландским флагом.

— Интересно, есть здесь гостиница? — пробормотал доктор. Они с Фредом Блейком стояли у штурвала с двух сторон от капитана Николса.

— Должна быть. Роскошное было местечко в старые времена. Центр торговли специями и всяким таким… Мускатный орех… Сам я здесь ни разу не был, но мне говорили, тут чего только нет… Мраморные дворцы и не знаю, что еще.

В гавани было два пирса. Один чистый и

аккуратный, другой — деревянный, полуразвалившийся, с облезлой краской, короче первого.

— Длинный, верно, принадлежит нидерландской пароходной компании, — сказал шкипер. — Подойдем к другому.

Они подошли к краю пирса. С грохотом спустили грот и пришвартовались.

— Вот вы и приехали, док. Вещи собрали? Все готово?

— Вы сойдете?

— Ты как, Фред?

— Пошли. Мне эта посудина осточертела. И к тому же нам нужна другая шлюпка.

— Да и новый кливер тоже не помешал бы. Пойду прифранчусь, и двинем.

Шкипер скрылся в каюте. Туалет не занял у него много времени, он лишь сменил пижаму на штаны цвета хаки, натянул на голое тело куртку, ноги без носков сунул в старые теннисные туфли. Они поднялись по расшатанным ступеням на пирс и двинулись вдоль него. Кругом не было ни души. Они достигли набережной и после секундного колебания свернули на центральную, судя по всему, улицу. На ней было пусто и тихо. Они шагали рядом посреди мостовой и поглядывали по сторонам. Приятно было идти вот так, воль-

ным шагом, после стольких дней, проведенных на люггере, чувствовать наконец твердую землю под ногами. По обеим сторонам дороги стояли бунгало с высокими остроконечными крышами из пальмовых листьев; крыши выступали вперед и опирались на колонны, дорические и коринфские, образуя широкие веранды. Некогда дома были роскошные, но теперь белые оштукатуренные стены облезли и потемнели, небольшие палисадники сплошь заросли сорняками. Стали попадаться лавчонки, в которых, казалось, продавали одно и то же: хлопчатобумажные ткани, саронги и консервы. Оживления они не заметили. В некоторых лавках даже не было продавца, словно там отчаялись найти покупателя. Немногие встретившиеся им пешеходы, малайцы или китайцы, шли торопливыми бесшумными шагами, будто боялись разбудить эхо. Время от времени порыв ветерка доносил резкий запах мускатного ореха. Доктор Сондерс остановил китайца и спросил у него, где здесь гостиница. Тот сказал, что дальше, по этой же улице, и вскоре они оказались у ее дверей. Заглянули внутрь. Там никого не было. Они сели на веранде у стола и принялись стучать по нему кулаками. Вышла туземка в саронге, посмотрела на них, но когда

доктор к ней обратился, исчезла. Застегивая на ходу куртку, появился еще один человек, туземец–полукровка. Доктор Сондерс спросил, может ли он получить комнату. Увидев, что он ни слова не понял, доктор обратился к нему по–китайски. Тот ответил ему по–голландски, а когда доктор покачал головой, стал показывать знаками, чтобы они подождали, и, сбежав вниз по ступеням, перешел на другую сторону улицы.

— Верно, пошел позвать кого–нибудь, — сказал шкипер. — Удивительное дело, не понимать по–английски! А мне еще говорили, что это цивилизованное место.

Через несколько минут туземец вернулся с белым; тот кинул на них любопытный взгляд, затем, поднявшись по ступеням, вежливо приподнял шлем.

— Доброе утро, джентльмены, — сказав он. — Могу я быть вам чем–нибудь полезен? Ван–Рик не может понять, чего вы хотите.

Он говорил по–английски абсолютно правильно, но с акцентом. Это был юноша лет двадцати с лишним, очень высокий, не меньше шести футов трех дюймов росту, широкоплечий, крепко сбитый, но нескладный; он производил впечатление очень сильного, но неловкого человека. Его

парусиновые брюки были аккуратны и чисты. Из кармашка наглухо застегнутой куртки торчало вечное перо.

— Мы только что вошли в гавань на паруснике, — сказал доктор, — и я хотел бы узнать, могу ли я получить здесь комнату до прибытия ближайшего парохода.

— Безусловно. Гостиница почти пуста.

Он повернулся к туземцу и бегло заговорил с ним. Затем сказал по–английски:

— Да, он может предложить вам хорошую комнату. Со столом это обойдется вам по восемь гульденов в месяц. Управляющий сейчас в отлучке, в Батавии, его заменяет Ван–Рик, он позаботится, чтобы вам было удобно.

— Как насчет выпить? — сказал шкипер. — Давайте возьмем пива.

— Вы не составите нам компанию? — вежливо спросил доктор.

— Большое спасибо.

Молодой человек сел и снял шлем. У него было плоское, изжелта–бледное широкоскулое лицо без румянца, гладкая кожа, небольшие черные глаза и черные, коротко стриженные волосы. Красавцем его никак нельзя было назвать, но на этом большом некрасивом лице было столько

дружелюбия и благожелательности, что к нему нельзя было не почувствовать расположения. Глаза светились добротой.

— Голландец? — спросил шкипер.

— Нет, я датчанин. Эрик Кристессен. Представитель датской торговой компании.

— Давно здесь?

— Четыре года.

— Господи! — воскликнул Фред Блейк.

Эрик Кристессен рассмеялся прямо по–детски. Приветливо засияли глаза.

— Это прекрасное место. Самый романтический уголок на Востоке. Меня хотели перевести на другой остров, но я упросил оставить здесь.

Им принесли пиво в бутылках; прежде чем выпить, датчанин поднял свой стакан;

— Ваше здоровье, джентльмены.

Доктор Сондерс и сам не понимал, чем незнакомец так располагал к себе. Дело было не столько в его радушии — этим на Востоке никого не удивишь, — сколько в чем–то, очень привлекательном, кроющемся в нем самом.

— Непохоже, чтобы дела шли тут очень уж хорошо, — сказал капитан Николс.

Городок мертв. Мы живем воспоминаниями. Эго и придает острову его своеобразие. Вы знаете,

в прежние дни здесь было такое оживленное движение, что иногда гавань не вмещала всех судов, и они должны были дожидаться на внешнем рейде, пока освободятся места. Я надеюсь, вы пробудете здесь достаточно долго и позволите мне показать вам окрестности. Здесь очень красиво. «Тот неоткрытый остров в чужих морях...»

Доктор насторожился. Это явно была цитата, но вспомнить автора он не мог.

— Откуда это?

— Это? О, из «Пиппы» Браунинга[21].

— Вы читали Браунинга?

— Я много читаю. У меня куча свободного времени. А английскую поэзию я люблю больше всего. Ах, Шекспир! — улыбнувшись большим ртом, он остановил на Фреде взгляд своих мягких, доброжелательных глаз и начал декламировать:

Что, как глупец–индеец, я отбросил
Жемчужину, дороже всех сокровищ
Его страны; что из моих очей,
К слезливым ощущеньям непривычных,
Теперь текут струей обильной слезы,

---

[21] Примечания: 21
Браунинг, Роберт (1812–1889) — английский поэт–романтик.

Как из дерев Аравии камедь.[22]

Стихи в его чтении звучали странно, несколько гортанно и резко, но еще более странным было то, что молодой торговец–датчанин читает наизусть Шекспира жулику и негодяю Николсу и недалекому Фреду Блейку. Ситуация позабавила доктора Сондерса. Шкипер подмигнул ему, недвусмысленно давая понять, что считает датчанина не совсем нормальным. Фред Блейк вспыхнул и потупился. Самому Кристессену и в голову не пришло, что он этим может вызвать удивление. Он горячо продолжал:

— В старину, в великие дни расцвета торговли специями, голландские купцы были так богаты, что просто не знали, куда девать деньги. Обратно корабли шли сюда порожняком, так купцы стали привозить мрамор для домов. Если вы не очень спешите, я покажу вам дом, где я живу. Раньше он принадлежал одному из таких купцов. А иногда зимой весь груз целиком состоял из льда. Забавно, правда? Для здешних мест это самая большая роскошь. Только подумайте — привозить сюда лед из Голландии. Близкий свет! На то, чтобы добраться сюда, уходило около полугода. У них

---

[22] Примечания: 22
Шекспир, Уильям. «Отелло». Пер. П. И. Вейнберга.

у каждого был свой выезд, и вечером, когда становилось прохладно, они катались вдоль берега и вокруг площади. Кто–нибудь должен был бы все это описать. Настоящая голландская «Шахразада». Вы видели португальский форт, когда подходили к острову? Я отведу вас туда сегодня, только попозже. Если я могу хоть чем–нибудь быть вам полезен, пожалуйста, скажите. Я буду счастлив вам помочь.

— Мне надо собрать свои пожитки, — сказал доктор. — Эти джентльмены были так любезны, что подвезли меня сюда. Я не хочу доставлять им лишние хлопоты.

Эрик Кристессен одарил дружеской улыбкой шкипера и Фреда.

— Ах, это я и люблю здесь, на Востоке: все так расположены друг к другу, каждый готов вам услужить. Вы не представляете, сколько одолжений оказывали мне совершенно незнакомые люди.

Все четверо встали, и датчанин сказал Ван–Рику, что доктор Сондерс вернется через некоторое время со своим боем и с багажом.

— Вам стоит здесь пообедать. У них сегодня

дежурное блюдо — «Reistafel»[23]. Они очень прилично его готовят. Я тоже здесь буду.

— Прошу вас быть сегодня моими гостями, — сказал доктор, обращаясь к шкиперу и Фреду.

— «Reistafel» для меня яд, — отозвался капитан Николс. — Но я охотно посижу за компанию, посмотрю, как вы едите его.

Эрик Кристессен торжественно пожал всем руки.

— Очень рад был встретиться с вами. У нас тут, на острове, не так часто появляются свежие люди. И для меня всегда большое удовольствие познакомиться с английскими джентльменами.

Он поклонился им, и они расстались внизу.

— Неглупый парень, — заметил капитал Николс немного погодя. — Сразу увидел, что мы — джентльмены.

Доктор Сондерс взглянул на него. Лицо шкипера было абсолютно серьезно.

---

[23] Примечания: 23
Блюдо из риса (нем.)

Глава шестнадцатая

Часа два спустя, после того как доктор устроился у себя в номере, он и его гости с «Фентона» сидели на веранде гостиницы и пили перед обедом шнапс.

— Да, Восток теперь не тот, — сказал шкипер, покачивая головой. — Что тут говорить! Когда я был молод, в каждой голландской гостинице на столах стояли во время обеда и ужина бутылки со шнапсом — наливай сколько хочешь и пей. Даром. Кончишь одну бутылку — велишь бою принести другую.

— Верно, в хорошую копеечку это им влетало.

— Самое смешное, что нет. Редко кто этим злоупотреблял. Такова человеческая природа. Обращайтесь с человеком прилично, он вам злом за добро не воздаст. *Я верю в* человеческую природу. Всегда верил.

Эрик Кристессен поднялся по ступеням, приподнял шляпу и направился в холл.

— Идите выпейте с нами, — позвал его Фред.

— С удовольствием. Только сперва вымою руки.

Он скрылся за дверью.

— Вот это новости! — воскликнул капитан, уставившись на Фреда хитрыми глазками. — Я думал, ты не любишь незнакомых.

— Смотря каких. На мой взгляд, очень хороший парень. Не спросил, ни как нас зовут, ни что мы тут делаем. Люди обычно так любят совать нос в чужие дела!

— Воспитанный человек, — сказал доктор.

— Что будете пить? — спросил Фред, когда датчанин к ним присоединился.

— То же, что вы.

Он неуклюже опустился в кресло. Они принялись болтать. Датчанин не говорил ничего особенно умного или забавного, но в его словах звучала такая бесхитростность, что беседовать с ним было очень приятно. Он внушал доверие, он излучал душевное здоровье. Доктор Сондерс не привык поспешно судить о людях и опасался необъяснимых импульсов; поразмыслив, он решил, что единственное объяснение кроется в поразительной искренности Кристессена. Нельзя было не заметить, что огромный датчанин совершенно завладел сердцем Фреда Блейка. Доктор еще никогда не видел его таким оживленным и разговорчивым.

— Послушайте, мы еще не успели вам представиться, — вскоре сказал Фред. — Меня зовут Блейк, Фред Блейк, это — доктор Сондерс, а капитан отзывается на имя Николс.

Эрик Кристессен встал и всем по очереди пожал руки, что выглядело немного забавно.

— Я очень рад познакомиться с вами, — сказал он. — Я надеюсь, вы задержитесь здесь хотя бы на несколько дней.

— Вы все еще собираетесь отплывать завтра? — спросил доктор.

— Нам тут нечего делать. Шлюпку мы уже присмотрели.

Они пошли в столовую. Там было полутемно и прохладно. Подвешенное под потолком опахало, которое дергал маленький мальчик, неровными толчками разгоняло воздух. Посреди комнаты стоял один–единственный длинный стол, за дальним концом сидели голландец с женой–полукровкой, статной женщиной в свободном, ниспадающем платье блеклых тонов, и еще один голландец, достаточно смуглый, чтобы навести на мысль, что в его жилах тоже есть туземная кровь. Эрик Кристессен обменялся с ними вежливыми приветствиями. Они кинули на незнакомцев лишенный любопытства взгляд.

Англичане положили себе на тарелки рис и тушеное мясо, политое пряным кэрри, яичницу, бананы и множество непонятных блюд, которые бои вносили одно за другим. Когда все было принесено, перед каждым возвышалась гора пищи. Капитан Николс взглянул на свою тарелку с глубоким отвращением.

— Это для меня смерть, — мрачно проговорил он.

— Тогда не ешьте, — сказал Фред.

— Должен же я как–то поддерживать себя? Где бы вы были сейчас, кабы у меня совсем не было сил, когда нас трепало вчера ночью? Я ем не ради себя. Я ем ради вас. Я не берусь за то, что мне не по плечу, и даже мой злейший враг не скажет, будто я себя берегу.

Постепенно груды еды уменьшились. Капитан Николс с решительным и непреклонным видом подчищал свою тарелку.

— Господи, мы не ели так уже много недель, — воскликнул Фред. Он с волчьим аппетитом, свойственным юности, поглощал блюдо за блюдом и наслаждался ими. Они выпили пива.

— Коли я за это не поплачусь, будет просто чудо, — пробурчал шкипер.

Кофе они пили на веранде.

— Вам сейчас лучше поспать, — сказал Эрик, — а попозже, когда станет прохладней, я зайду за вами и покажу здешние достопримечательности. Жаль, что вы не задержитесь здесь подольше. Мы могли бы подняться на кратер. Это изумительная прогулка. Оттуда видно на много миль кругом. Море и все острова.

— Почему бы нам не остаться до тех пор, как доктор двинется дальше, — предложил Фред.

— Что ж, мне это подходит, — откликнулся шкипер. — После всех тягот, которые мы перенесли, болтаясь по океану, мы вполне заслужили отдых. Как насчет глотка бренди? Я думаю, он поможет мне переварить «Reistafel».

— Вы, вероятно, занимаетесь торговлей? — спросил датчанин.

— Ищем жемчужины, — ответил шкипер. — Хотим найти новые отмели. Коли повезет, можно зашибить хорошую деньгу.

— У вас тут есть какие–нибудь газеты? — спросил Фред. — Английские, я имею в виду.

— Лондонских нет. Но Фрис получает газету из Австралии.

— Фрис? Кто это?

— Англичанин. С каждой почтой ему привозят пачку «Сиднейский бюллетень».

Фред побледнел, как полотно, но кто мог сказать, что было тому причиной?

— Как вы думаете, мне удастся взглянуть на них хоть одним глазком?

— Конечно. Я возьму их у него на время, или мы вместе поедем к нему.

— Какой давности последний номер?

— Он не должен быть очень старым. Почту привозили четыре дня назад.

Глава семнадцатая

Под вечер, когда спала жара и собственные его дела были закончены, Эрик зашел за ними. Его поджидали только доктор Сондерс и Фред, так как у шкипера был жестокий приступ диспепсии, и, заявив, что всякие там достопримечательности нужны ему как собаке пятая нога, он вернулся на люггер. Они не спеша двинулись по городку. По сравнению с утром на улицах стало многолюдней. Время от времени Эрик снимал шляпу, приветствуя загорелого голландца, идущего рука об руку с полной анемичной женой. Китайцев было мало, они не селятся там, где нет торговли, зато попадалось довольно много арабов — одни в нарядных фесках и аккуратных полотняных костюмах, другие — в белых шапочках и саронгах. Смуглокожие, с большими блестящими глазами, они были похожи на купцов–семитов из Тира и Сидона.

Встречались малайцы, папуасы и полукровки. Было удивительно тихо. В воздухе повисла усталость. У великолепных особняков, где раньше обитали голландские купцы, а теперь жил всякий

сброд, съехавшийся со всего Востока от Багдада до Новых Гебрид, был стыдливый вид почтенных горожан, которые не в состоянии заплатить налоги… Они подошли к длинной белой осыпающейся стене — некогда это был португальский монастырь, — затем к разрушенному форту из огромных глыб серого камня, сплошь заросшему деревьями и цветущим кустарником. Перед фортом была большая площадь, обращенная к морю, на ней росли громадные старые деревья: казуарина, яванский миндаль и дикий инжир, посаженные, как говорили, еще португальцами, которые гуляли здесь в их тени, когда спадала дневная жара.

Слегка запыхавшись — он был склонен к полноте, — доктор взобрался следом за своими спутниками на холм, вершину которого увенчивала суровая серая крепость, которая в свое время держала под прицелом всю гавань. Крепость окружал глубокий ров, и единственный вход был высоко над землей; чтобы попасть туда, им пришлось подняться по приставной лестнице. Внутри квадрата высоких крепостных стен стояла центральная башня; в ней были просторные, прекрасных пропорций покои, с дверьми и окнами в стиле позднего Ренессанса. Здесь обитал

гарнизон. С верха башни открывался великолепный вид.

— Замок Тристана[24], — сказал доктор.

День медленно угасал, море было такого же винно–красного оттенка, как то, по которому плыл Одиссей. Острова, окруженные гладкой глянцевитой водой, сверкали той же сочной зеленью, что напрестольная пелена в сокровищнице испанского собора. Казалось, этот причудливый и изысканный цвет создан скорее искусством, чем природой.

— «Как зеленая мысль в зеленой тени»[25], — произнес вполголоса молодой датчанин.

— Издали они хороши, эти острова, — отозвался Фред, — но когда попадешь на них… Уф-ф! Сперва мне хотелось высадиться на каждом. Они казались такими красивыми с моря. Я думал, как славно было бы остаться там на всю жизнь, вдали от людей, ловить рыбу, держать кур и свиней. Николс со смеху помирал, говорил, что ему их и даром не надо, но я хотел увидеть все собственными глазами. Мы, верно, с полдюжины

---

[24] Примечания: 24

Герой средневековой кельтской саги.

[25] Примечания: 25

Строка из стихотворения «Сад» английского поэта Эндрью Марвелла (1621 — 1678).

обошли, прежде чем я понял, что это пустая затея. Когда подплываешь к ним и выходишь наберет, все пропадает… Я хочу сказать, остаются только деревья, крабы и москиты. Остальное, как бы это выразиться, проскальзывает меж пальцев.

Эрик глядел на него мягкими лучезарными глазами, его милая улыбка была исполнена доброжелательства.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — промолвил он. — Всегда рискованно подвергать вещи проверке опытом. Это как запертая комната в замке Синей Бороды. Надо держаться от нее подальше, тогда все будет в порядке. Но если повернешь ключ и войдешь внутрь, жди неприятного сюрприза.

Доктор Сондерс внимательно слушал разговор юношей. Пусть он был циник и не утруждал себя сочувствием к людям, — юность вызывала в нем особые эмоции, возможно, потому, что так много обещала и так недолго длилась, а горечь разочарования, которую приносило ей крушение надежд, когда реальность вторгалась в мир иллюзий, больше трогала сердце доктора, чем серьезные жизненные невзгоды. Несмотря на неловкость выражений, он прекрасно понял, что имел в виду Фред Блейк, и отдал дань владевше-

му юношей чувству сострадательной улыбкой. В тельняшке и штанах цвета хаки, с непокрытой головой, так что были видны его темные кудри, Фред казался в мягком вечернем свете удивительно красивым. Его красота невольно привлекала к нему, и доктор Сондерс, считавший его довольно недалеким парнем, внезапно почувствовал к нему расположение. Кто знает, в чем крылась причина — в его внешности или присутствии Эрика Кристессена, но в этот момент доктор ощутил, что в юноше таится нечто, о чем он даже не подозревал. Возможно, где–то в смутных глубинах в нем начала пробуждаться душа. Эта мысль позабавила и удивила доктора Сондерса. Так мы невольно вздрагиваем от удивления, когда то, что казалось нам побегом на ветке, внезапно расправляет крылья и взмывает в воздух.

— Я прихожу сюда почти каждый вечер любоваться закатом, — сказал Эрик. — Для меня только здесь настоящий Восток. Не сказочный Восток, не Восток украшенных изваяниями дворцов и храмов, не Восток полководцев с сонмами воинов, но Восток начала мира, Восток садов Эдема, когда немногочисленные люди были просты, кротки и невежественны и вся земля ждала, как покинутый сад, возвращения своего владельца.

У этого неуклюжего, некрасивого юноши была лирическая манера говорить, которая могла бы привести собеседника в замешательство, если бы не ощущалось, что она столь же естественна для него, как разговор о жемчужницах, копре и трепангах. Его высокопарный тон был, конечно, нелеп, но если, слушая его, вы и улыбались невольно, то лишь доброй улыбкой. Эрик выглядел на редкость бесхитростным. Панорама перед ними была так прекрасна, место, где они находились, — этот суровый, разрушенный португальский форт, — так романтично, что возвышенный стиль речи казался здесь вполне уместным. Эрик погладил большой тяжелой ладонью одну из огромных каменных глыб.

— Чего только не видели эти камни! У них есть крупное преимущество перед островами, Фред, их секрет никому не дано раскрыть. Можно только строить догадки. Здесь никто ничего не знает. Следующий раз, когда я поеду в Европу, наведаюсь в Лиссабон, попробую расспросить тех, кто тут жил.

Конечно, место это было романтично, но все казалось настолько туманным, что в своем неведении вы могли лишь представлять себе картины, расплывчатые, как плохо проявленные

снимки. На этих башнях стояли старые португальские капитаны, отыскивая взглядом корабль, который вез долгожданные вести с родины, или с тревогой глядя на голландские суда, пришедшие, чтобы на них напасть. Вы видели мысленным взором этих храбрых смуглых людей в кольчугах и шлемах, избравших столь богатую приключениями жизнь, но это были лишь тени, и только ваша фантазия вызывала их из небытия. Время еще не сровняло с землей руины часовенки, где некогда происходило таинство пресуществления и откуда во время осады выходил облаченный в ризу капеллан, чтобы соборовать солдат, которые умирали на крепостных бастионах. Вам смутно рисовались их жестокость, безупречная храбрость и самопожертвование, перед которыми, трепеща, отступало воображение.

— А вы не скучаете по дому? — спросил, помолчав, Фред.

— Нет. *Я* часто думаю о небольшой деревушке, где я родился и вырос, о зеленых лугах, где пасутся черно–белые коровы, и о Копенгагене. Дома в Копенгагене, с ровными рядами плоских окон, похожи на гладколицых женщин с большими близорукими глазами, а дворцы и церкви словно сошли с картинок в книге сказок. Однако все

это я вижу как декорации к спектаклю, яркие и занятные, но вовсе не вызывающие у меня желания подняться на сцену. Меня вполне устраивает сидеть в темноте на галерке и смотреть представление издали.

— В конце концов, нам дана всего одна жизнь.

— И я так считаю. Но наша жизнь в наших собственных руках. Я мог бы стать клерком в конторе, и тогда мне было бы труднее, но здесь, когда рядом море, и джунгли, и воспоминания о прошлом, которые только ждут, чтобы нахлынуть на меня, среди этих людей — малайцев, папуасов, китайцев, флегматичных голландцев, среди моих книг, имея столько досуга, словно я миллионер, — Господи, Боже мой, чего еще можно желать человеку с воображением?

Фред Блейк глядел на него с минуту, и непривычная для него работа мысли собрала морщинами его лоб. Когда он понял наконец, что имел в виду датчанин, он не мог скрыть удивления:

— Но это все фантазии!

— Это — единственная реальность, — улыбнулся Эрик.

— Я не понимаю, что вы этим хотите сказать. Реальность — это когда делаешь что–нибудь, а не просто мечтаешь. Молодость дается только раз,

всем хочется пожить в свое удовольствие, и всем хочется добиться успеха — зарабатывать много денег, занять хорошее положение, ну и все такое.

— О нет. Для чего все это? Разумеется, человек должен работать, чтобы зарабатывать себе на пропитание, но главная его цель другая — дать пищу воображению. Скажите, когда вы видели эти острова с моря и ваше сердце переполнялось восторгом, а затем высаживались на них и находили там лишь унылые непроходимые заросли, какой остров был настоящий? Который из них дал вам больше, который вы сохраните в сокровищнице своей памяти?

Фред улыбнулся, глядя в добрые, восторженные глаза Эрика.

— Это чистейшая чепуха, дружище. Что толку вознести до небес какую–нибудь вещь, а когда докопаешься до сути, узнать по горькому опыту, что все это не стоит выеденного яйца. Если не будешь глядеть фактам в лицо, далеко не уйдешь. Чего сможешь достичь, если все будешь принимать за чистую монету!

— Царства Божьего, — улыбнулся Эрик.

— А где оно? — спросил Фред.

— В моей душе.

— Я не хочу вмешиваться в ваш философский

разговор, — прервал их доктор, — но вынужден признаться, что меня мучит жажда.

Эрик со смехом поднялся с парапета, на котором он сидел все это время.

— Да и солнце скоро зайдет. Пора спускаться. Заглянем ко мне, у меня есть чем промочить горло. — Он протянул руку на запад, где на фоне темнеющего неба четким силуэтом вырисовывался конус вулкана. Обратился он к одному Фреду: — Хотите подняться туда завтра? С вершины открывается великолепный вид.

— Не возражаю.

— Выйти надо рано, до жары. Я могу заехать за вами на шлюпке перед рассветом, и сразу переправимся на тот остров.

— Идет.

Они спустились с холма и скоро вновь очутились в городке.

Эрик жил водном из домов, мимо которых они проходили утром, когда, пристав к берегу, пошли по главной улице к центру. В течение нескольких столетий там обитали голландские купцы, и фирма, в которой служил Эрик, купила дом вместе со всей обстановкой. Его окружала высокая беленая стена, но краска уже давно облупилась, а во многих местах позеленела от сырости. Был

там и садик, дикий и неухоженный: в нем росли розы и фруктовые деревья, цветущий кустарник, бананы и несколько высоких пальм. Повсюду висели плети ползучих растений, и все заглушали сорняки. В угасающем вечернем свете сад выглядел пустынным и таинственным. Низко над землей летали взад и вперед светлячки.

— Тут очень запущено, — сказал Эрик. — Я уже несколько раз хотел послать несколько кули, чтобы они здесь расчистили, но потом отказался от этой мысли — так мне больше нравится. Мне нравится думать о голландском минхере, который отдыхал здесь вечерами, когда становилось прохладно, посасывая фарфоровую трубку, в то время как его толстая супруга сидела, обмахиваясь веером.

Они вошли в гостиную. Это была длинная комната с зашторенными окнами в обеих узких стенах. Появился бой и, став на кресло, зажег висячую керосиновую лампу. Пол был из мрамора, на стенах висели писанные маслом картины, такие темные, что на них ничего нельзя было разглядеть. Посредине стоял большой круглый стол, а вокруг него — одинаковые, обитые зеленым тисненым бархатом жесткие кресла. Душная и неуютная комната, но в самом ее несоответствии

всему окружающему таилась своя прелесть: перед вашим мысленным взором возникала непритязательная жизнь Голландии девятнадцатого века. Флегматичный купец, вероятно, с гордостью распаковывал мебель, прибывшую не откуда–нибудь, а из самого Амстердама, и когда ее аккуратно расставили в комнате, с удовлетворением думал, что она как нельзя лучше подобает его общественному положению.

Бой принес пиво. Эрик отошел к маленькому столику, чтобы поставить пластинку. Ему попалась на глаза пачка газет.

— А, вот и газеты. Я посылал за ними.

Фред встал со стула, взял газеты и снова сел — за круглый стол, над которым висела лампа. не забыв замечания доктора в старом португальском порту, Эрик поставил последнее действие «Тристана»[26]. Воспоминания делали музыку мучительно–жгучей. В странной, неуловимой мелодии, которую наигрывал на свирели пастух, вглядываясь в поисках паруса в море, звучала тоска загубленных надежд. Но сердце доктора сжала иная боль. Он вспомнил Ковент–Гарден в старые дни, увидел себя во фраке в креслах

---

[26] Примечания: 26

Имеется в виду «Тристан и Изольда» — музыкальная драма Вагнера.

партера. В ложах красовались женщины в диадемах, с жемчужными ожерельями на шее. Король, тучный, с мешками под глазами, сидел в углу королевской ложи; с другой стороны, тоже в углу, над оркестром, восседали рядом барон и баронесса де Майер, и, поймав взгляд доктора, баронесса наклонила голову. В самом воздухе ощущались благоденствие и уверенность в будущем. Все было так монументально, так незыблемо, мысль о переменах просто не могла прийти на ум. Дирижировал Рихтер. Как страстно звучала музыка, как полнозвучно, с каким мелодическим великолепием и блеском раскатывались мощные звуки! Но тогда доктор не слышал в ней того кричащего, дешевого и чуть–чуть вульгарного, что со смущением услышал сейчас. Великолепно, да, но немного неряшливо; в Китае его ухо привыкло к более утонченным и сложным сочетаниям, к менее слащавым гармониям. Он пристрастился к музыке, полной намеков, иллюзорной и нервной, и прямолинейная констатация фактов несколько оскорбляла его изощренный слух.

Когда Эрик поднялся, чтобы перевернуть пластинку, доктор Сондерс взглянул на Фреда: ему было интересно, какое впечатление эти напевы произвели на него. Музыка — удивительная

вещь. Ее власть не связана с прочими склонностями людей; человек, во всех отношениях самый ординарный, может очень тонко и остро отзываться на музыку. А доктор постепенно пришел к мысли, что Фред Блейк не такая уж заурядность, как ему сперва показалось. Было в нем что–то, лишь пробуждающееся и неведомое ему самому, как в цветке–самосеве в каменной кладке стены, который трогательно тянется к солнцу; это вызывало симпатию и интерес. Но Фред не слышал ни звука. Он сидел, слепой и глухой ко всему окружающему, уставившись невидящим взором в окно. Краткие тропические сумерки перешли в ночь, на синем небе уже мерцали две–три звезды, но их он тоже не видел; казалось, он смотрит в черную пучину собственных мыслей. Лампа, под которой он сидел, бросала резкие тени на его лицо, делая его похожим на маску. Его трудно было узнать. Но тело Фреда расслабилось, словно с него внезапно сняли тяжелый груз, мышцы под гладкой загорелой кожей не были больше напряжены. Он почувствовал холодный взгляд доктора и, подняв глаза, выдавил в ответ улыбку, но улыбка вышла вымученная и вызывала, непонятно почему, сострадание, даже жалость. Пиво перед ним было нетронуто.

— Что–нибудь интересное в газетах? — спросил доктор.

Фред вдруг густо покраснел.

— Нет, ничего. Кончились выборы.

— Где?

— Новый Южный Уэллс. Прошли лейбористы.

— А ты лейборист?

Фред немного задержался с ответом, и в его глазах промелькнула настороженность, как бывало несколько раз до того.

— Я не интересуюсь политикой, — сказал он. — Ничего в ней не смыслю.

— Дай–ка мне взглянуть на газеты.

Фред вытащил одну газету из пачки и протянул ее доктору, но тот ее не взял.

— Это последний номер? — спросил он.

— Нет, последний у меня, — ответил Фред, кладя руку на газету, которую он только что читал.

— Если ты уже кончил, я ее почитаю. Меня не очень–то привлекают новости полугодовой давности.

На секунду Фред заколебался. Доктор глядел на него с улыбкой, но твердо. По–видимому, Фред не смог придумать никакого благовидного предлога для отказа в такой естественной просьбе. Он передал доктору Сондерсу газету, и тот подвинулся

ближе к свету, чтобы было удобнее читать. Фред не взял больше ни одного номера «Бюллетеня», хотя, безусловно, там были номера, которых он еще не видел, и сидел, глядя на стол, однако доктор все время ощущал, что юноша следит за ним уголком глаза. Не оставалось сомнения, что новости, так глубоко взволновавшие Фреда, были в том номере газеты, который доктор держал сейчас в руках. Доктор перелистал страницы. Больше всего места занимали сообщения о выборах. Было открытое письмо из Лондона и информация, полученная по телеграфу из Европы и Америки. Было много корреспонденции с мест. Он перешел к полицейским новостям. Выборы привели кое–где к беспорядкам, и шел ряд судебных процессов. В Ньюкасле произошла ночная кража со взломом. Несколько человек были осуждены за мошенничество со страховкой. Два выходца с острова Тонга подрались на ножах в публичном месте. Капитан Николс подозревал, что исчезновение Фреда Блейка было связано с убийством; два столбца в газете посвящались убийству на ферме в Голубых горах, но причиной его была ссора между двумя братьями и убийцей, который отдал себя в руки полиции, ссылаясь на то, что он действовал из самозащиты. К тому же это

произошло уже после того, как Фред и капитан Николс покинули Сидней. Был там отчет о дознании в связи с самоубийством какой–то женщины. Доктор подумал было, уж не кроется ли в этом что–нибудь. «Бюллетень» — газета еженедельная, с литературным уклоном, естественно, такие материалы преподносились там коротко, как это принято в газетах, читатели которых черпают подробные сведения в ежедневных газетах. Судя по всему, женщина находилась под подозрением в убийстве мужа, которое произошло за несколько недель до того, но улики против нее были слишком слабы, чтобы власти могли возбудить дело. Ее несколько раз допрашивали в полиции, и это, а также пересуды соседей и огласка, которую вызвало убийство, сильно угнетали ее. Суд нашел, что она покончила с собой в состоянии временной невменяемости. Следователь заявил, что с ее смертью утерян последний шанс открыть тайну убийства Патрика Хадсона. Доктор еще раз внимательно перечитал отчет: что–то в нем чувствовалось странное, но из таких скупых сведений трудно много извлечь. Женщине было сорок два года. Вряд ли мальчишка таких лет, как Фред, мог иметь с ней что–нибудь общее. И в конце концов, у капитана Николса не было

никаких фактов, все это — его домыслы. Фред был бухгалтером, с таким же успехом он мог взять не принадлежащие ему деньги или под давлением финансовых трудностей подделать чек. Если он связан с какой–нибудь политической шишкой, этого было вполне достаточно, чтобы там сочли разумным на некоторое время потихоньку его удалить. Откладывая газету, доктор встретился глазами с Фредом и ободряюще ему улыбнулся. Все это не возбудило в нем особого любопытства, и он не намеревался себя затруднять, чтобы его удовлетворить.

— Будешь обедать в гостинице, Фред? — спросил он.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы остались и разделили со мной трапезу, — сказал датчанин, — но меня ждут к ужину у Фриса.

— Ну, мы пойдем прогуляемся.

На улице уже совсем стемнело. Несколько шагов доктор и Фред прошли в молчании.

— Я не хочу есть, — вдруг сказал юноша. — Не могу видеть сейчас Николса. Пойду поброжу.

И, прежде чем доктор Сондерс ему ответил, он резко повернулся и быстро зашагал в противоположную сторону. Доктор пожал плечами и неторопливо продолжал свой путь.

Глава восемнадцатая

Сидя на веранде гостиницы, доктор пил перед обедом аперитив, когда туда небрежной походкой вошел капитан Николс. Он помылся и побрился, надел полотняный костюм цвета хаки, залихватски сдвинул набок шлем и выглядел весьма щеголевато. Он напоминал благородного пирата.

— Мне сегодня получше, — заметил он, садясь, — и здорово живот подвело, сказать по правде. Не думаю, чтобы крылышко цыпленка могло мне сильно повредить. Где Фред?

— Не знаю. Ушел куда–то.

— Ищет девчонку? В этом нет греха. Хотя что он думает найти в таком месте, не знаю. Рискованное дело.

Доктор заказал для него бокал аперитива.

— Ничего так не любил в молодости, как приволокнуться за девочками. И обхождение с ними знал. Надо же было мне жениться! Эх, кабы можно было вернуть прошлое… Я вам не рассказывал о своей благоверной, док?

— Достаточно.

— Это невозможно. Я бы не пересказал вам

всего, не закрывай я рта до будущего года. Коли есть на свете дьявол в образе человека, так это моя благоверная. Ну скажите, справедливо так обращаться *с* человеком? Она. только она виновата в том, что у меня несварение желудка, это так же верно, как то, что мы сидим тут с вами. Кому понравится, когда его топчут в грязь! Я удивляюсь, как я до сих пор се не прирезал. Да я бы и прирезал ее, только знаю, скажи она мне, коли я возьмусь за нее: «Положите–ка нож, капитан», — и я положу. Как, по- вашему, это натурально? А потом она за меня примется. Попробуй я сделать хоть шаг к двери, она скажет: «Вы никуда не пойдете, капитан, вы останетесь здесь, пока я не скажу всего, что намерена сказать, а когда я с вами покончу, я вас отпущу».

Они пообедали вместе, и доктор сочувственно выслушал повесть капитана о его семейных злоключениях. Затем они снова вышли на веранду и сидели, покуривая голландские сигары и попивая кофе со шнапсом. Алкоголь размягчил душу Николса, и он пустился в воспоминания. Он рассказал доктору о ранних днях своей жизни на островах и побережье Новой Гвинеи. Речь его, сильно сдобренная сарказмом, звучала колоритно, слушать его было забавно, поскольку

он не знал ложного стыда и не стремился предстать перед слушателем в выгодном свете. Ему и в голову не приходило, что кто–нибудь может удержаться и не облапошить другого, если к тому представится случай, и испытывал такое же удовлетворение, удачно подложив кому–нибудь свинью, какое мог бы испытывать шахматист, выигрывая у своего противника благодаря смелому и оригинальному ходу. Да, плут и негодяй, но в храбрости ему не откажешь, подумал доктор Сондерс. То, с каким присутствием духа капитан встретил и выдержал шторм, придавало его рассказам в глазах доктора особую остроту. Его твердость перед лицом опасности, его находчивость и хладнокровие не могли не произвести должного впечатления.

В одну из пауз доктор сумел, словно невзначай, задать капитану вопрос, который давно уже вертелся у него на языке.

— Вы, случайно, не знали парня по имени Патрик Хадсон?

— Патрик Хадсон?

— Он был в свое время судьей в Новой Гвинее. Давным- давно умер.

— Смешное совпадение. Нет, его я не знал. В Сиднее тоже был Патрик Хадсон. Он плохо кон-

чил.

— Да?

— Незадолго до того, как мы отплыли оттуда. В газетах только об этом и кричали.

— Может быть, родственник того Хадсона, о котором я говорю.

— Он был из тех, кого зовут «неотшлифованный алмаз». Работал на железной дороге и помаленьку–полегоньку поднялся до самых верхов. Занялся политикой и всяким таким. Был членом парламента. Лейборист, понятное дело.

— Что же с ним случилось?

— Прихлопнули. Из собственного револьвера, коли не ошибаюсь.

— А не самоубийство?

— Нет, говорили, что сам он этого сделать не мог. Я не больше вашего знаю о том, что там стряслось, ведь я сразу оставил Сидней. Вокруг этого подняли большой шум.

— Был он женат?

— Да. Многие думали, что это ее работа. Но доказать ничего не смогли. Она ушла в кино, а когда вернулась, нашла его мертвым. Видно, была драка. По всей комнате валялась перевернутая мебель. Я-то сам на нее не думаю. Судя по моему опыту, они мужчину так легко с крючка не

спустят. Он им нужен живьем, и чем дольше, тем лучше. Зачем им лишать себя забавы, прекращая его земные страдания?

— И все же не одна женщина убила своего мужа, — возразил доктор.

— Чистая случайность. Как говорят, в семье не без урода. Порой они забываются и заходят слишком далеко, и тогда несчастный ублюдок отдает концы. Но они вовсе этого не хотят, уж можете мне поверить.

Глава девятнадцатая

Доктору Сондерсу повезло в том отношении, что, несмотря на некоторые достойные сожаления привычки, которые в других частях света, несомненно, сочли бы грехами (*vérité au delà des Alpes, erreur ici*) [27], он просыпался по утрам с необложенным языком и в хорошем настроении. Потягиваясь со сна, он выпивал первую чашку душистого китайского чая и выкуривал первую сигарету, с удовольствием думая о предстоящем дне. В маленьких гостиницах на островах голландской Ост-Индии завтрак подают очень рано. Он всегда один и тот же. Папайя, oeufs sur le plat[28], холодное мясо и эдамский сыр. Как бы вы ни были пунктуальны, яичница все равно окажется холодной: два желтых глаза на тонкой белой пленке встретят вас немигающим взглядом, словно их вырвали из глазниц какого- то отвратительного чудовища, обитателя морских пучин. Кофе — порошок, к которому вы добавля-

---

[27] Примечания: 27
То, что по ту сторону Альп — истина, здесь — заблуждение.

[28] Примечания: 28
Яичница–глазунья (фр.).

ете разведенное кипятком сухое молоко. Тосты — черствые, разбухшие от воды и подгоревшие. Именно такой завтрак подали в столовой гостиницы в Канде молчаливым голландцам, которые торопливо проглотили его перед тем, как разойтись по своим конторам. Но доктор Сондерс встал на следующее утро поздно, и А-Кай принес ему завтрак на веранду. Доктор с удовольствием съел папайю, с удовольствием съел яичницу, только что со сковороды, с удовольствием выпил чашку ароматного чая. «Жизнь — прекрасная штука», — подумал доктор. Он ничего не хотел. Он никому не завидовал. Он ни о чем не сожалел. Утренний воздух был все еще свеж, в чистом бледном свете четко вырисовывались все контуры. Под самой верандой с высокомерным и самодовольным презрением к жестоким лучам солнца выставлял напоказ свою великолепную листву огромный банан. Доктор Сондерс не мог удержаться от философствований; он сказал себе, что смысл жизни не в острых моментах волнений, а в безмятежных промежутках между ними, когда ничем не тревожимый человеческий дух может рассматривать свое бытие с той же отрешенностью, с какой Будда созерцает свой пуп. Что может быть приятней, чем насыпать в яичницу побольше

перца и соли, сдобрить ее острой соевой приправой, а когда съешь, подобрать остатки кусочком хлеба — самый вкусный глоток! Этим и занимался доктор, когда на улице показались Фред Блейк и Эрик Кристессен. Широким, размашистым шагом они подошли к веранде, взбежали по ступеням, кинулись в кресла у столика доктора и крикнули боя. Они вышли на прогулку к кратеру вулкана еще до рассвета и сейчас были голодны как волки. Бой принес из кухни папайю и блюдо холодного мяса, и они прикончили это прежде, чем появилась яичница. Настроение у них было великолепное. Как это бывает в юности, вчера — просто знакомые, сегодня они уже были друзья и называли друг друга «Эрик» и «Фред». Подъем на гору был очень крут и тяжел, и преодоленные препятствия привели их в возбуждение. Они болтали чепуху и смеялись без всякой причины. Они были похожи на двух мальчишек. Доктор никогда еще не видел Фреда таким веселым. Эрик явно очаровал его, и общение с юношей, всего несколькими годами старше, освободило Фреда от скованности. Казалось, он расцвел и еще помолодел. Он выглядел совсем юным, просто не верилось, что это взрослый человек, и его низкий звучный голос вызывал невольную улыбку.

— Вы знаете, этот парень силен как бык, — сказал Фред, с восхищением глядя на Эрика. — В одном месте подъем был чертовски трудный, подо мной подломилась ветка, и я поехал вниз. Я мог здорово разбиться, сломать ногу или еще что–нибудь. Эрик поймал меня одной рукой, сам не понимаю как, поднял и поставил на землю. А я вешу одиннадцать стоунов с лишком[29].

— *Я* всегда был сильным, — улыбнулся Эрик.

— Давай померимся.

Фред поставил локоть на стол, Эрик тоже. Они приложили ладонь к ладони, и Фред попытался согнуть руку Эрика. Он старался изо всех сил, но рука не шелохнулась. Затем, слегка улыбнувшись, датчанин нажал на руку Фреда и постепенно опустил ее на стол.

— Я рядом с тобой просто мальчишка, — засмеялся Фред. — Да, черт подери, у того, кого ты ударишь, не много шансов. Ты когда–нибудь дрался?

— Нет. С какой стати? — Эрик кончил есть и закурил манильскую сигару, — Мне надо идти в контору, — сказал он. — Фрис спрашивает, не приедете ли вы к нему сегодня вечером? Он при-

---

[29] Примечания: 29
Один стоун равняется 6,35 килограмма.

глашает нас всех на ужин.

— Ничего не имею против, — сказал доктор.

— И капитана тоже позовите. Я зайду за вами около четырех.

Фред смотрел, как он удаляется.

— Помешанный, — сказал он с улыбкой, оборачиваясь к доктору. — По–моему, у него не все дома.

— Да? Почему?

— Вы бы слышали, как он разговаривает.

— А что он сказал?

— О, не знаю. Дикие вещи. Спросил меня о Шекспире. Много мне о нем известно! Я упомянул, что читал «Генриха V» в школе (мы проходили его один семестр), и он принялся декламировать одну из речей. А потом стал толковать о «Гамлете» и «Отелло» и бог знает еще о чем. Он их ярдами наизусть шпарит. Я даже пересказать вам не могу всего, что он говорил. Я сроду ничего подобного не слышал. И самое смешное, хотя все это чистейшая чепуха, вовсе не хочется сказать ему, чтобы он заткнулся.

В его искренних голубых глазах еще светилась улыбка, но лицо было серьезно.

— Вы не бывали в Сиднее?

— Нет, никогда.

— У нас есть свои любители литературы и театра. Это не по моей части, но иногда не удавалось отвертеться. Женщины главным образом. Они с три короба наговорят о книгах, а потом, ты и оглянуться не успеешь, прыгают к тебе в постель.

«Этот филистер ставит точки над «i» с неприличной точностью, — подумал доктор, — и попадает не в бровь, а в глаз».

— Начинаешь смотреть на них с подозрением. Но когда Эрик говорит о таких вещах, все совсем иначе; не знаю, как вам это объяснить. Он не выставляется, не думает, как бы произвести на тебя впечатление. Он говорит так, потому что иначе говорить он не может. Он даже не подумал: а вдруг мне скучно. Сам он так всем этим увлечен, ему и в голову не приходит, что другому на это наплевать. Для меня половина того, что он говорил, — темный лес. Ну и пусть; это было словно в театре. Вы понимаете, что я имею в виду?

Фред кидал фразы, как камни, что выкапываешь в саду, готовя землю для посадки, и бросаешь в кучу один за другим. Яростно скреб в затылке, не в силах справиться с недоумением. Доктор Сондерс смотрел на него холодными проницательными глазами. Он с интересом обнаружил в его сбивчивой речи чувство, которое юноша

тщетно пытался облечь в слова. Критики делят писателей на тех, кому есть что сказать, но они не знают как, и тех, кому нечего сказать, хотя они и знают, как это делать. Это в равной мере справедливо по отношению ко всем людям, во всяком случае, к англосаксам, которым подобрать слова всегда очень трудно. Когда человек бегло выражает свою мысль, это часто объясняется тем, что он слишком много раз произносил одно *и* то же, и оно потеряло уже всякий смысл, и наиболее значима его речь тогда, когда он с трудом формирует ее из мыслей, не имеющих еще четких очертаний.

Фред взглянул на доктора исподлобья и сразу стал похож на напроказившего мальчишку.

— Знаете, он даст мне почитать «Отелло». Я и сам не пойму почему, но я сказал, что не прочь был бы прочесть его. Вы, наверное, читали «Отелло»?

— Тридцать лет назад.

— Конечно, я, может, и ошибаюсь, но когда Эрик отваливал его целыми ломтями, это забирало за живое. Я не пойму, в чем тут штука, но когда ты рядом с таким парнем, как Эрик, все кажется иным. Он чокнутый, я не спорю, но я бы хотел, чтобы таких, какой, было побольше.

— Он тебе очень понравился, да?

— А кому бы не понравился? — ответил Фред, которого вдруг обуяла застенчивость. — Надо быть полным идиотом, чтобы не видеть, что такой человек, как он, никогда не подведет. Я бы доверил ему последний пенни. Он просто не может сделать подлость. И знаете, какая смешная вещь: хоть он — такая громадина и силен как бык, он вызывает желание защитить его. Я понимаю, это звучит глупо, но я не могу отделаться от мысли, что его просто нельзя оставлять одного; кто–то должен присматривать за ним, чтобы он не попал в беду.

Доктор со свойственным ему циническим беспристрастием перевел в уме неловкие фразы молодого австралийца на общепонятный язык. Его удивило и тронуло чувство, которое так робко и неловко искало себе выражения. За банальными словами Фреда скрывалось глубокое потрясение, которое он испытал, столкнувшись вплотную с совершенно новым для него и необычайным явлением. Сквозь нелепую внешность огромного, нескладного датчанина, освещая его абсолютную искренность, облекая в плоть его идеализм и придавая очарование его чрезмерной восторженности, сияла и грела всеобъемлющим

теплом чистая Доброта. Молодость Фреда Блейка каким–то таинственным образом помогла ему это увидеть, и он был поражен, озадачен и восхищен. Это трогало его и смущало. Это сбивало с него лишнюю спесь и заставляло быть скромней. Довольно заурядный, хотя и смазливый юноша ощутил то, что и представить себе раньше не мог — духовную красоту.

«Кто бы мог подумать, что это возможно», — рассуждал про себя доктор.

Собственные его чувства по отношению к Эрику Кристессену были — что вполне естественно — куда холодней. Датчанин заинтересовал его некоторой своей необычностью. Было забавно встретить на островке Малайского архипелага торговца, который так хорошо знает Шекспира, что читает целые куски наизусть. Доктор Сондерс не мог не считать эту его способность довольно утомительной для собеседника. «Интересно, хорошо ли он справляется со своим основным делом», — лениво подумал доктор. Он не питал особой любви к идеалистам. Им трудно в этом нашем повседневном мире примирить свое кредо с жизненными потребностями, и просто удивительно, как часто они умудряются сочетать возвышенные принципы с неутомимым

стремлением к наживе. Это служило для доктора неизменным источником развлечения. Они склонны смотреть сверху вниз на тех, кто занимается практическими делами, но не гнушаются пользоваться плодами их трудов. Как птицы небесные, они не сеют и не жнут…

— Кто этот Фрис, к которому мы идем сегодня вечером? — спросил доктор.

— У него здесь плантация. Разводит мускатный орех и гвоздику. Вдовец. Живет с дочерью.

Глава двадцатая

До дома Фриса было три мили, и они поехали туда в старом «форде». По обеим сторонам дороги, ствол к стволу, возвышались огромные деревья с густым подлеском из папоротников и лиан. Джунгли подступали к самому городку. Там и тут виднелись жалкие лачуги. На верандах лежали оборванные малайцы, вялые дети играли среди свиней под сваями. Было знойно и влажно. Поместье Фриса принадлежало раньше голландскому купцу; в него вели массивные лепные ворота с красивым узором, но лепнина во многих местах обвалилась. На дощечке над аркой было имя бюргера и дата постройки. Они свернули на грунтовую дорогу и затряслись по рытвинам, буграм и выбоинам, пока не подъехали к бунгало. Это было большое квадратное строение, не на сваях, а на каменном фундаменте, с крышей из пальмовых листьев, окруженное запущенным садом. Автомобиль подкатил к дому, шофер–малаец энергично нажал несколько раз на клаксон, в дверях показался какой–то человек и помахал им рукой. Это был Фрис. Он дожидался их на верхней

ступеньке лестницы, ведущей на веранду, и когда они поднялись и Эрик представил их по именам, пожал всем по очереди руку.

— Рад вас видеть. Не видал британцев больше года. Заходите и промочите горло.

Это был высокий и очень толстый человек с седыми волосами и маленькими седыми усиками. Он уже начал лысеть, и лоб поражал своей внушительностью. На лоснящемся от пота красном лице не было заметно морщин, так что на первый взгляд он казался моложавым. Во рту спереди болтался длинный желтый зуб. Казалось, стоит его как следует дернуть, и он выпадет. Одет Фрис был в парусиновые шорты и распахнутую на груди тенниску. При ходьбе он заметно хромал. Хозяин провел их в очень большую комнату, служившую одновременно гостиной и столовой; стены украшало малайское оружие, висели оленьи рога и рога чепрачного тапира, на полу лежали тигровые шкуры, у которых был несколько потертый и обветшалый вид.

Когда они вошли, со стула поднялся маленький старичок и, не трогаясь с места, уставился на них. Сморщенный, дряхлый, согнутый в дугу, он казался очень–очень старым.

— Это Свон, — сказал Фрис с небрежным кив-

ком. — Он мне в некотором роде родственник — тесть.

У старичка были бледные светло–голубые глазки с красными голыми веками, быстрый взгляд казался хитрым и шкодливым, как у мартышки. Он молча пожал руки трем незнакомцам, затем открыл беззубый рот и обратился к Эрику на непонятном для них языке.

— Мистер Свон — швед, — объяснил Эрик.

Старик оглядел их одного за другим, в глазах его были подозрительность и плохо скрытая насмешка.

— Я уехал с родины пятьдесят лет назад. Был помощником капитана на паруснике. Ни разу больше туда не наведывался. Может статься, поеду в следующем году.

— Я сам моряк, сэр, — сказал капитан Николс.

Но мистер Свон не проявил к нему никакого интереса.

— Кем я только не был в свое время, — продолжал он. — Я был капитаном работорговой шхуны…

— Умыкали черномазых, — прервал его капитан Николс. — В старину на этом можно было неплохо заработать.

— …Я был кузнецом, был торговцем, плантато-

ром. Нет такого дела, которым бы я не занимался. Меня много раз пытались прикончить. У меня грыжа в нутре. Она у меня от раны после стычки с туземцами на Соломоновых островах. Они бросили меня замертво, думали, я сыграю в ящик. У меня была куча денег, правда, Джордж?

— Слыхал, что так.

— Разорился во время Великого урагана. Он уничтожил все мои склады. Я все потерял. А мне хоть бы хны. Теперь вот осталась одна эта плантация. Ну и что? На жизнь нам хватает, а остальное не важно. У меня было четыре жены, а детей столько, что и не сосчитать.

Он говорил высоким надтреснутым голосом с сильным шведским акцентом, и надо было очень внимательно слушать, чтобы его понять. Речь Свона текла быстро, словно он отвечал наизусть урок; закончил он бессмысленным старческим хихиканьем. Казалось, он хотел им сказать, что прошел в своей жизни через все и все — вздор и чепуха. Он обозревал человеческий род и его деятельность с далекого расстояния, но не с олимпийских высот, скорее — подглядывал из–за дерева, подпрыгивая на месте, так забавно ему казалось то, что он видел.

Малаец принес бутылку' виски и сифон с содо-

вой водой. Фрис налил всем по бокалу.

— Глоточек виски, Свон? — предложил он старику.

— Зачем ты спрашиваешь меня, Джордж? — дребезжащим голосом проговорил тот. — Ты же прекрасно знаешь, что я терпеть его не могу. Ром с водой — это да. Виски погубило Тихий океан. Когда я впервые приехал сюда, никто и в рот не брал виски. Только ром. Если бы здесь остались верны рому и парусам, не было бы теперь того, что есть, и близко бы не было.

— Мы попали на пути сюда в хорошую болтанку, — заметил капитан Николс, обращаясь к нему как моряк к моряку.

— Болтанку? Теперь и не знают, что такое настоящая болтанка. Вы бы посмотрели, какие бури тут бушевали, когда я был молод! Помню, как–то перевозил я на шхуне шайку дикарей *с* Гебридских островов на Самоа и нас настиг ураган. Я велел им прыгать за борт, да побыстрей, и вышел в открытое море. Мы потеряли паруса, мы потеряли грот мачту, мы потеряли шлюпки. Болтанка! Уж мне–то можете не говорить о болтанке, молодой человек.

— Я не хотел вас обидеть, — улыбнулся капитан Николс, показав свои испорченные мелкие зубы.

— А я и не обиделся, — хихикнул старый Свон. — -Дай ему глоток рома, Джордж. Коли он моряк, он не захочет этого твоего вонючего виски.

Эрик сказал хозяину, что их новые знакомцы с удовольствием прошлись бы по плантации.

— Они никогда не видели, как выращивают мускатный орех, — объяснил он.

— Проводи их, Джордж. Двадцать семь акров. Лучшая земля на острове, — сказал старик. — Купил ее тридцать лет назад за мешочек жемчуга.

Они встали и спустились в сад. Старый Свон остался сидеть, нахохлившись, как странная лысая птица, над стаканом рома с водой. Сад незаметно перешел в плантацию. Вечерний воздух был чист и прохладен. Как минареты мечетей в «Тысяча и одной ночи Шахразады», вздымались в небо огромные деревья тропического миндаля, в тени которых рос великолепный мускатный орех, дающий всю прибыль. Подлеска не было, они шли по ковру вянущих листьев. Летали, тяжело шумя крыльями, большие голуби. Сверкая в мягко светящемся воздухе живыми изумрудами, с хриплым криком порхали стайки зеленых попугайчиков. Никогда еще доктору Сондерсу не было так хорошо — он испытывал ощущение абсолютного душевного и физического благополучия,

чувствовал себя освобожденным от телесной оболочки, бесплотным духом; воображение его, не утомляясь, а лишь испытывая удовольствие, вызывало один образ за другим. Он шел рядом с Фрисом и шкипером. Фрис объяснял особенности торговли мускатным орехом. Доктор не слушал. Дуновение воздуха доставляло ему почти чувственное блаженство, словно прикосновение мягкой душистой ткани. Эрик и Фред шли на шаг позади. Лучи заходящего солнца пробрались между ветвями величественных миндальных деревьев и зажгли зелень мускатного ореха — его густая, пышная листва сверкала, как начищенная медь.

Они двигались но извилистой тропинке, протоптанной за долгие годы сотнями ног, как вдруг перед ними возникла идущая навстречу девушка. Она шла, погруженная в свои мысли, опустив ресницы, и подняла их, только услышав голоса. Девушка остановилась.

— Моя дочь, — сказал Фрис.

Доктор подумал было, что она остановилась, смутившись при виде чужих, но она продолжала стоять, абсолютно спокойно рассматривая приближающихся мужчин. И вскоре у него возникло ощущение, что она преисполнена… не самоуве-

ренности, нет… но безмятежного равнодушия. На ней не было ничего, кроме саронга из яванского батика с мелким белым узором на коричневом фоне; саронг обхватывал грудь и доходил лишь до колен. Она была босая. Заметив незнакомцев, она слегка, почти непроизвольно тряхнула головой и провела рукой подлинным волосам, свободно спускающимся по спине. Это да полуулыбка, играющая на ее губах, были единственным знаком того, что она их заметила. Волосы облаком окутывали шею и плечи девушки; они были очень густые, пепельного оттенка и такие светлые, что если бы не блеск, казались бы седыми. Она невозмутимо ждала, пока они подойдут. Тугой саронг не скрывал ее фигуры. Она была стройная, с узкими мальчишескими бедрами, длинноногая и на первый взгляд высокая. Солнце покрыло ее кожу медовым загаром. Как правило, доктор нелегко поддавался чарам женской красоты, он полагал, что строение женского тела слишком явно указывает на его физиологическую функцию, чтобы доставлять глазу эстетическое наслаждение. Точно так же, как стол должен быть прочным, удобной высоты и просторным, женщина должна быть большегрудой и широкобедрой, но в обоих случаях на первом плане практичность, а уж

потом красота. Можно возразить, что прочный просторный стол удобной высоты по–своему красив, но доктор предпочитал говорить, что он прочен, просторен и удобен. Девушка, стоящая перед ними в исполненной ленивой грации позе, напоминала ему изваяние богини, скрепляющей пеплум[30], которое он видел в каком–то музее, хотя точно он его представить не мог. «Греко–римская скульптура», — подумал доктор. В девушке была двусмысленная стройность миниатюрных китайских девушек из «цветочных» джонок[31], в обществе которых ему случалось в молодые годы проводить в Кантоне немало приятных минут, — то же изящество цветка, а ее белокурые волосы здесь, в тропиках, создавали то же ощущение экзотики, какое придавало особое очарование маленьким китаянкам. Она вызвала в его памяти бледные, нежные соцветия свинчатки.

— Это друзья Кристессена, — сказал Фрис, когда они подошли к ней.

Она не протянула руки, лишь милостиво скло-

---

[30] Примечания: 30

В Древней Греции и Риме — верхняя женская одежда, надеваемая поверх туники.

[31] Примечания: 31

«Цветочные» джонки — джонки, в которых катались с гостями «певички» из «цветочных домиков». В Китае «певички» выполняют ту же функцию, что в Японии гейши.

нила голову, когда сперва доктор Сондерс, затем капитан Николс были представлены ей отцом. Осмотрела обоих быстрым холодным, оценивающим взглядом. Доктор Сондерс заметил, какие узкие у нее кисти загорелых рук, какие длинные пальцы. Глаза у девушки были голубые Черты лица правильные, точеные. Она была на редкость хороша собой.

— Я ходила купаться, — сказала она.

Глаза ее обратились к Эрику, и она улыбнулась ему милой, дружеской улыбкой.

— Это Фред Блейк, — сказал он.

Девушка повернула голову, посмотрела на молодого австралийца. Глаза се задержались на нем. Улыбка понемногу исчезла.

— Рад вас видеть, — сказал Фред, протягивая руку.

Она продолжала глядеть прямо на него, не дерзко и не развязно, скорее удивленно. Можно было подумать, что она уже встречалась с ним раньше и теперь старается припомнить где. Но все это продолжалось меньше минуты, и никто не заметил заминки перед тем, как она пожала протянутую руку.

— Я как раз шла домой переодеться, — проговорила она.

— Я пойду с тобой, — сказал Эрик.

Теперь, когда он стоял рядом с ней, было видно, что она вовсе не высока, впечатление это создавалось благодаря ее стройности и прямой осанке.

Они с Эриком медленно направились обратно в дом.

— Кто этот юноша? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Эрик. — Они партнеры с тем тощим, седым. Ищут жемчуг. Пытаются найти новые отмели.

— Красивый.

— Я так и думал, что он тебе понравится. Славный мальчик.

Остальные четверо продолжали осмотр плантации.

Глава двадцать первая

Когда они вернулись, то увидели, что Эрик сидит с одним Своном. На чудовищной смеси шведского и английского старик рассказывал какую–то бесконечную историю о своих приключениях в Новой Гвинее.

— Где Луиза? — спросил Фрис.

— Я помог ей накрыть на стол. Потом она возилась на кухне, а сейчас пошла переодеваться.

Они сели и выпили еще по бокалу виски с содовой. Разговор перескакивал с одного на другое, как это обычно бывает между малознакомыми людьми. Старый Свон устал и, когда появились чужие, погрузился в молчание, не переставая, однако, следить за ними острыми слезящимися глазами, словно он им не доверял. Капитан Николс рассказывал Фрису, какие муки он терпит от диспепсии.

— У меня никогда в жизни не болел живот, — сказал Фрис. — Ревматизм — вот что меня беспокоит.

— Я знавал людей, которые ужас как маялись от него. Один мой приятель в Брисбене — лучший

лоцман в тех местах — стал форменным калекой. Пришлось на костылях ходить.

— Не одно, так другое, у каждого свое, — сказал Фрис.

— Хуже диспепсии ничего нет, поверьте мне на слово. Я был бы сейчас богатым человеком, кабы не она.

— Деньги еще не все, — сказал Фрис.

— Я не говорю, что они — все, я говорю: я был бы богатым человеком, кабы не диспепсия.

— Деньги никогда не имели для меня большого значения. Крыша над головой и еда три раза в день — большего мне и не надо. Главное — иметь досуг.

Доктор Сондерс молча слушал их разговор. Он никак не мог определить, что представляет собой Фрис. Говорил он как образованный человек. Толстый, неопрятный, давно не бритый, в поношенной одежде, он все же производил впечатление человека если и не родовитого, то, во всяком случае, привыкшего к обществу приличных людей. Он, безусловно, не входил в ту категорию, к которой относились старый Свон и капитан Николс. У него были непринужденные манеры. Приветствовал он их с учтивостью, держался естественно, без суетливой вежливо-

сти, какую дурно воспитанные люди считают должным выказывать незнакомым, как человек, который привык к светскому обхождению. Именно таких, как он, подумал доктор Сондерс, в Англии его юности называли джентльменами. Интересно, что привело Фриса на этот далекий остров? Доктор встал со стула и принялся бродить по комнате. Над высоким книжным шкафом висели фотографии в рамках. Он с удивлением увидел среди них снимок гребной восьмерки кембриджского колледжа, в числе гребцов которой был — хотя узнал он об этом только из надписи внизу: «Г. Н. Фрис» — и их хозяин. На других были группы юношей из Перака в Малайской федерации и Кучинга в Сараваке; в центре сидел Фрис, куда более молодой, чем теперь. Похоже, что, окончив Кембридж, он приехал на Восток в качестве школьного учителя. Шкаф был забит книгами, покрытыми пятнами плесени и изъеденными термитами; вынимая их одну за другой, доктор стал просматривать их из праздного любопытства. Там были тома в кожаных переплетах, полученные Фрисом в награду за прилежание и блестящие способности водной из не особенно популярных закрытых школ, где он учился до университета. Были там и учебники,

по которым он занимался в Кембридже, много романов и несколько томиков стихов; судя по их виду, их читали и перечитывали, но не сейчас, а много лет назад. Страницы в них были захватаны пальцами, многие строфы и строки отмечены крестиками на полях или подчеркнуты, но от них исходил затхлый запах, словно их не раскрывали уже много лет. Но что больше всего удивило доктора, так это две полки книг, посвященных индуистской религии и философии. Там были переводы «Ригведы»[32] и некоторых Упанишад[33] и изданные в Бомбее и Калькутте книги в мягких обложках со странными для его глаз именами авторов и названиями, говорящими о каких–то мистических учениях. Довольно необычная коллекция в доме плантатора на Дальнем Востоке, и, стараясь сделать какой–нибудь вывод из тех косвенных сведений, которые они давали, доктор Сондерс снова спросил себя, что все- таки представляет собой Фрис. Он переворачивал страницы книги под названием «Основные принципы индийской философии» некоего Шри-

[32] Примечания: 32

1 «Ригведа» («Книга гимнов») — первый литературный памятник индийской литературы, собрание религиозных гимнов.

[33] Примечания: 33

Упанишады — индийские религиозно–философские трактаты.

нивазы Иенгера, когда, тяжело хромая, к нему подошел Фрис.

— Рассматриваете мою библиотеку?

— Да.

Фрис взглянул на объемистый том, который доктор держал в руках.

— Интересная книга. Эти индийцы поразительны: все они прирожденные философы. Рядом с ними наши философы кажутся дешевыми и банальными. Их тонкость непостижима. Плотин[34] — один, кого можно с ними сравнить. — Фрис поставил книгу обратно на полку. — Разумеется, брахманизм — единственная религия, которую без опасений может исповедовать разумный человек.

Доктор искоса взглянул на него. Его круглое красное лицо с длинным желтым зубом, болтающимся посредине челюсти, его лысеющая голова удивительно не вязались с обликом человека духовных склонностей. Доктор никак не ожидал от него таких речей.

— Когда я думаю о вселенной, о бесчисленных мирах и огромных расстояниях в межзвездном пространстве, я не верю, что все это — работа

---

[34] Примечания: 34

Плотин (ок. 204/205–269/270) — греческий философ–идеалист, основатель неоплатонизма.

Создателя, а если даже и так, я не могу не задаваться вопросом, кто или что создал самого Создателя. Веданта[35] учит, что в начале начал было Абсолютное бытие, ибо как бытие может возникнуть из небытия? Имя ему Атман — верховный дух, который создал майю — иллюзию феноменального, воспринимаемого чувствами мира. А когда вы спрашиваете мудрецов Востока, почему верховный дух эманировал эту фантасмагорию, они отвечают вам: для забавы. Ибо, будучи абсолютным и совершенным, Атман не может руководствоваться какой–либо целью или побуждением. Цель и побуждение подразумевают желание, этот, кто абсолютен и совершенен, не нуждается ни в изменении, ни в улучшении. Следовательно, деятельность вечного духа бесцельна; как забавы принцев, как игры детей, она радостна и стихийна. Он резвится во вселенной, он резвится в душах людей.

— Это объяснение, пожалуй, мне по вкусу, — пробормотал доктор улыбаясь. — В его поверхностности есть нечто, удовлетворяющее мое чувство юмора.

Но он был подозрителен и насторожен. Он не

[35] Примечания: 35

Объективно–идеалистическая система индийской философии, основанная в IV веке до н. э.

скрывал от себя, что придал бы больше значения словам Фриса, будь у того более аскетическая внешность и не блести его лицо от пота, а светись от мук напряженной мысли. Но разве внешность человека отражает его суть? Лицо ученого или святого может быть маской заурядной и вульгарной души. Сократ, с его приплюснутым носом, глазами навыкате, толстыми губами и огромным животом, выглядел как Силен, а на самом деле был воздержан и мудр.

Фрис коротко рассмеялся.

— На некоторое время я увлекся йогой, но йога — всего–навсего еретическое ответвление санкхьи[36] и ее материализм неразумен. Все это подавление чувств бессмысленно. Наша цель — в совершенстве изучить природу собственной души, и безразличие, погруженность в себя, оцепенелая поза помогают достичь этого не больше, чем церемонии и обряды. У меня накопилось множество заметок; когда у меня будет свободное время, я приведу их в порядок и напишу книгу. Я задумал это уже двадцать лет назад.

— Я полагаю, времени у вас тут более чем достаточно, — сухо сказал доктор.

---

[36] Примечания: 36

Философское, в основе своей материалистическое учение древней и средневековой Индии.

— Для всего того, что я должен сделать, далеко не достаточно. Последние четыре года я потратил на ритмизованный перевод «Лузиад» Камоэнса[37]. Я бы с удовольствием прочитал вам одну или две песни. Здесь нет никого, кто умел бы критически разбираться в таких вещах. Кристессен — датчанин, я не могу доверять его уху.

— Но разве эта поэма раньше не переводилась?

— Конечно. Бэртоном[38], в числе других. Бедный Бэртон не был поэтом. Его перевод безнадежно плох. Каждое поколение должно заново переводить великие творения мировой литературы. Я поставил себе целью не только передать смысл оригинала, но сохранить его ритм, мелодию и лирическое звучание.

— Что вас навело на мысль заняться этим?

— «Лузиады» — последняя из великих эпопей. Моя книга, посвященная веданте, может рассчитывать на очень ограниченный и специфический

---

[37] Примечания: 37

Камоэнс, Луис (1524–1580) — португальский поэт эпохи Возрождения. «Лузиады» — эпическая поэма в десяти песнях, посвященная плаванию португальского путешественника Васко да Гамы в Индию и завоеванию ее португальцами.

[38] Примечания: 38

Бэртон, Ричард Френсис (1821 — 1890) — английский путешественник и писатель.

круг читателей, интересующихся этими вопросами. Я чувствовал, что моя обязанность перед дочерью — взяться за труд, представляющий куда более широкий интерес. У меня ничего нет. Плантация принадлежит Свону. Мой перевод «Лузиад» будет ее приданым. Все, что я получу за него, до единого пенни, я оставлю ей. Но не это, не деньги главное. Я хочу, чтобы она гордилась мной; я думаю, мое имя не так скоро забудут; моя слава также пойдет ей в приданое.

Доктор Сондерс молчал. Надеяться, что перевод португальской поэмы, которую вряд ли захочет прочесть сотня человек, принесет славу и деньги! Утопия! Доктор пожал плечами.

— Удивительно, как складывается судьба, — продолжал Фрис серьезно. — Мне и самому не верится, я ведь взялся за эту задачу по чистой случайности. Вы, конечно, знаете, что Камоэнс, который был не только поэт, но и кондотьер, жил одно время на этом острове и, наверное, не раз смотрел на море из старого форта так же, как и я. Почему я приехал сюда? Я был учителем. Когда я закончил Кембридж, мне представилась возможность поехать на Восток, и я ухватился за нее. Я мечтал об этом с раннего детства. Но рутина учительской жизни оказалась для меня

слишком тяжела. Я с трудом переносил людей, с которыми мне приходилось общаться. Сперва я был в Малайе, затем решил переехать на Борнео. Там оказалось не лучше. Наконец я не выдержал, подал в отставку. Некоторое время служил в конторе, в Калькутте. Затем открыл книжный магазин в Сингапуре. Но он себя не окупал. Открыл гостиницу в Бали, но я опередил свое время и еле сводил концы с концами. Наконец меня занесло сюда. Удивительно, мою жену звали Кэтрин, как и ту единственную женщину, которую любил Камоэнс. Ей посвящена вся его бесподобная лирика. Если есть доктрина, которая не вызывает во мне никаких опасений? так это метемпсихоз[39], который индусы называют «самсара». Иногда я спрашиваю себя, не может ли быть, что та искра небесного огня, которая вдохнула душу в Камоэнса, вдохнула ее и в меня. Очень часто, когда я читаю «Лузиады», мне попадаются настолько знакомые строки, что просто не верится, будто я читаю их впервые в жизни. Вы знаете, Педро де Алкасова сказал, что у «Лузиад» есть только

[39] Примечания: 39

То есть учение о переселении душ, встречающееся в некоторых религиях (брахманизм, буддизм) и у некоторых философов (Пифагор, Платон, Плотин); состоит в том, что душа после смерти человека последовательно воплощается в тела новых людей, пока не вернется очищенной к первоисточнику всякой жизни.

один недостаток: песни этой поэмы недостаточно коротки, чтобы выучить их наизусть, и недостаточно длинны, чтобы быть бесконечными.

Он осуждающе улыбнулся, как улыбнулся бы человек, которому отпустили нелепый комплимент.

— А вот и Луиза, — сказал он. — Похоже, скоро будем ужинать.

Доктор Сондерс обернулся и взглянул на девушку. На ней был саронг из зеленого шелка со сложным узором, тканным золотой ниткой. Он глянцевито переливался. Саронг был яванский, такие саронги жены султана в Джакарте надевают в самых торжественных случаях. Он облегал ее стройное тело, как ножны нож, туго обтягивал юную грудь и узкие бедра. Плечи и ноги были обнажены. На ногах — зеленые туфли на высоких каблуках, что прибавляло ей роста и делало еще грациознее. Пепельно–белокурые волосы были уложены в высокую, но простую прическу, и мягкий блеск зеленого с золотом саронга подчеркивал их удивительный цвет. От ее красоты перехватывало дыхание. Саронг был пропитан какими–то ароматными эссенциями, а возможно, Луиза надушилась; когда она вошла в комнату, они ощутили слабый незнакомый аро-

мат. Он был полон неуловимой истомы, и было приятно воображать, будто духи приготовлены по секретному рецепту во дворце раджи одного из островов.

— По какому поводу этот маскарадный наряд? — спросил Фрис с улыбкой в бледных глазах, открывая свой длинный зуб.

— Эрик принес мне саронг всего несколько дней назад, я решила воспользоваться случаем надеть его.

Она дружески взглянула на датчанина, вновь благодаря его взглядом.

— Это старинный саронг, — сказал Фрис. — Он, верно, стоил целое состояние. Кристессен, вы избалуете девочку.

— Я получил его в счет гиблого долга. Не мог устоять. Я знаю, что Луиза любит зеленый цвет.

Слуга–малаец внес большую суповую миску и поставил ее на стол.

— Будь добра, Луиза, посади доктора Сондерса справа от себя, а капитана Николса слева, — с некоторой церемонностью произнес Фрис.

— Какой ей интерес сидеть между стариками? — закудахтал вдруг Свон. — Пусть сядет между Эриком и мальчишкой.

— Я не вижу оснований нарушать правила

хорошего тона, — величественно сказал Фрис.

— Хочешь повыставляться?

— Тогда не откажите в любезности сесть со мной, доктор, — сказал Фрис, не обращая на его слова никакого внимания, — и надеюсь, капитан Николс тоже не будет возражать против моего соседства.

Забавно семеня ногами, старый Свон медленно потрусил к своему месту за столом. Фрис разлил суп.

— Хорошие плуты эти двое, по–моему, — сказал крошечный старичок, посматривая острыми глазками то на доктора, то на капитана. — Где ты их выкопал, Эрик?

— Вы пьяны, мистер Свон, — сказал Фрис, торжественно протягивая ему тарелку с супом, чтобы он передал ее дальше, на противоположный конец стола.

— Никого не хотел обидеть, — сказал мистер Свон.

— А мы и не в обиде, — любезно отозвался капитан Николс. — По мне, лучше получить «плута», чем «дурака». Доктор, верно, со мной согласен. Что хочет сказать человек, когда называет тебя плутом? Что ты умнее его, и все. Разве не так?

— Я плута с первого взгляда вижу, — сказал ста-

рый Свон. — Достаточно их перевидал на своем веку. И самому плутовать приходилось.

Он тихо захихикал.

— А кто без греха? — сказал капитан Николс, вытирая рот, так как ел он не очень опрятно. — Я всегда говорю: принимайте мир таким, как он есть. Главное — компромисс. Спросите кого угодно, что создало Британскую империю, и вам ответят: компромисс.

Ловким движением нижней губы Фрис слизнул остатки супа со своих седых усиков.

— Это, должно быть, вопрос темперамента. Меня компромисс никогда не прельщал. Меня занимали более серьезные дела.

— Да делали–то их за тебя другие, — сказал старый Свон, давясь старческим смехом. — Лень вперед тебя родилась, Джордж. За десять дел брался, ни одного до конца не довел.

Фрис, глядя на доктора, улыбнулся снисходительной улыбкой. Она яснее слов говорила о том, как нелепо бросать такие обвинения человеку, который потратил двадцать лет на овладение метафизической философией индийцев и в котором, по всей вероятности, обитает дух прославленного португальского поэта.

— Вся моя жизнь — это поиски истины, а истина

и компромисс несовместимы, — сказал он. — Европейцы спрашивают, в чем назначение истины, индийские мудрецы отвечают: это не средство, а цель. Конечный итог земного бытия. Много лет назад я порой тосковал о том, что оставил на родине. Я шел в голландский клуб, перелистывал иллюстрированные газеты, и когда мне попадались виды Лондона, у меня начинало болеть сердце. Но теперь я знаю, что только отшельник в полной мере наслаждается цивилизацией больших городов. Я понял, что в конечном итоге именно мы, изгнанники жизни, получаем от нее самое ценное. Ибо путь знания — единственный истинный путь, а он не минует ни одну дверь.

В этот момент перед Фрисом поставили блюдо, где лежали три курицы — тощие, бледные, безвкусные восточные курицы. Он встал со стула и взял в руку нож.

— Простите, меня призывают обязанности хозяина, — бодро сказал он. — Неизбежный ритуал.

Все это время старый Свон сидел молча, сгорбившись в своем кресле, как гном, и жадно ел суп. Внезапно раздался его тонкий, надтреснутый голос:

— Я провел семь лет в Новой Гвинее. Я говорил на всех диалектах, на которых там говорят. По-

езжайте в Порт–Морсби и спросите про Джека Свона. Там меня помнят. Я был первый белый, который пересек весь остров. Мортон сделал это после меня, безоружный, с тростью в руке, но при нем была охрана. Я прошел через остров один. Все думали, что я погиб, и когда я вернулся в город, меня приняли за привидение. Мы охотились на райских птиц, я и мой напарник — он приехал из Новой Зеландии, был там директором банка и попал в какую–то историю… У нас был свой тендер[40], мы шли вдоль берега от Мерауке. Настреляли кучу птиц. На них неплохо можно было тогда заработать. С туземцами мы не ссорились, угощали их время от времени ромом да дарили плитку табаку. Как–то раз я пошел на охоту один и когда возвращался на тендер, только собрался крикнуть дружку, чтобы он подъехал за мной на шлюпке, как увидел на палубе туземцев. Мы никогда не пускали их на судно, и я понял, что тут дело нечисто. Я спрятался и стал смотреть. Все это было мне очень не по вкусу. Я тихонько пошел по берегу и увидел на песке нашу шлюпку. Я подумал, что мой напарник приехал на берег и кто–нибудь из туземцев добрался до тендера

[40] Примечания: 40
Одномачтовое парусное судно.

вплавь. Я подумал — хорошую я им задам трепку. И тут я такое увидел… Господи, я чуть не окочурился на месте. Знаете, что это было?

Тело моего дружка. Без головы. И все залито кровью от ран в спине. Мне одного взгляда было довольно. Я знал, что меня ждет то же, если они меня поймают. Меня–то они и поджидали. Надо было уносить ноги подобру–поздорову. Чего только не пришлось вытерпеть, пока я пересекал остров по суше! О моих приключениях можно было бы написать целую книгу. Один старый вождь племени в большой деревне так меня полюбил, что хотел усыновить и дать несколько жен. Говорил, я буду вождем, когда он умрет. Я был расторопный парень в молодости, и руки ловкие были, как у всех моряков. И знал я кучу всего. Все умел делать. Прожил у него три месяца. Не был бы дураком по молодости лет, остался бы навсегда. Он был могущественный вождь. Я бы мог стать королем. Король Людоедских островов!

Он закончил своим визгливым смехом и погрузился в молчание. Странное это было молчание; казалось, он замечает все, что происходит вокруг, и вместе с тем живет какой–то своей обособленной жизнью. Внезапная вспышка воспоминаний, никак не связанных с тем, что говорилось за

столом, казалась непроизвольной, словно управляемый невидимым механизмом автомат время от времени выдавал порцию полусвязных фраз. Но доктора Сондерса приводил в недоумение Фрис. То, что он говорил, было часто небезынтересно, иногда даже поразительно, но его манеры и внешность заставляли с осторожностью относиться к его словам. Он казался искренним, в нем чувствовалось благородство, но было в нем что–то, ставящее доктора в тупик. Странно, что эти двое людей, старый Свон и Фрис, человек дела и человек, посвятивший себя умозрительным размышлениям, заканчивают свои дни вместе на этом уединенном острове. Похоже было, что в итоге все сводится к одному и тому же. Полная опасностей и риска жизнь авантюриста и полная высоких мыслей жизнь философа равно завершились относительным комфортом и респектабельностью.

Разделив трех куриц между семерыми, Фрис удовлетворенно сел на свое место и положил себе вареной картошки.

— Меня всегда привлекала мысль брахманов о том, что человек должен посвятить юность учению, — сказал он, оборачиваясь к доктору Сондерсу, — зрелые годы — обязанностям хозя-

ина дома, а старость — отвлеченным мыслям и размышлениям об Абсолюте.

Он взглянул на Свона, который сидел, ссутулившись, в кресле и усердно объедал куриную ножку, затем на Луизу.

— Недалеко уже то время, когда я освобожусь от обязанностей зрелых лет. Тогда я возьму посох и отправлюсь в путь по свету в поисках познания, которое превыше всякого ума[41].

Глаза доктора Сондерса последовали за взглядом Фриса и остановились на Луизе. Она сидела в конце стола между юношами. Фред, обычно не слишком красноречивый, сейчас болтал без умолку. Несколько мрачное выражение лица, свойственное ему, когда он был один, покинуло его, и он выглядел прямодушным, беззаботным и очень юным. Свободная живая речь одухотворяла лицо, желание понравиться придавало мягкий вкрадчивый блеск прекрасным глазам. Доктор Сондерс с улыбкой сказал сам себе, что мальчишка и вправду неотразим. Фред не робел перед женщинами. Он умел их развлечь, и достаточно было взглянуть на Луизу, чтобы увидеть по ее оживлению и непринужденной веселости, что

[41] Примечания: 41

Перефразированная цитата из «Послания Святого Павла к филиппийцам».

ей интересно и приятно общаться с ним. До доктора долетали обрывки их разговора: о скачках в Рэндуике, купании на побережье Мэнли–бич, о кинематографе, о развлечениях в Сиднее — все то, о чем болтает между собой молодежь и что кажется ей таким увлекательным, потому что им все внове. Эрик, огромный, неуклюжий, с массивной головой и добрым, некрасивым, но удивительно симпатичным лицом, улыбаясь, спокойно наблюдал за Фредом. Было сразу видно, что он рад тому, как хорошо приняли в доме его нового друга. Обаяние Фреда вызывало в нем теплое чувство внутреннего довольства.

Когда обед закончился, Луиза подошла к старому Свону и положила руку ему на плечо.

— А теперь, дедушка, пора спать.

— Сперва глоточек рома, Луиза.

— Ну, пей его побыстрей.

Она налила ему порядочную порцию рома и долила немного воды; он следил за ее движениями хитрыми слезящимися глазками.

— Заведи граммофон, Эрик, — сказала она.

Датчанин выполнил ее просьбу.

— Ты умеешь танцевать, Фред? — спросил он.

— А ты нет?

— Нет.

Фред встал и, глядя на Луизу, сделал приглашающий жест. Она улыбнулась. Он взял ее руку в свою, другой обнял за талию. Они начали танцевать. Из них вышла прелестная пара. Стоя рядом с Эриком у граммофона, доктор Сондерс с удивлением увидел, что Фред — изумительный танцор. Движения его были полны неизъяснимой грации. И Луиза, умеющая танцевать не более чем правильно, рядом с ним двигалась столь же красиво, как он. Он обладал даром так незаметно подчинять движения партнерши своим, что она инстинктивно отвечала его желаниям в тот самый миг, как они у него возникали. Фокстрот, который они танцевали, доставлял зрителям утонченное наслаждение.

— Вы прекрасно танцуете, мой милый, — заметил доктор, когда пластинка окончилась.

— Это единственное, на что я способен, — с улыбкой ответил Фред.

Он так привык к своему приятному таланту, что считал его само собой разумеющимся и пропускал такие комплименты мимо ушей. Луиза стояла с серьезным выражением лица, уставившись в пол. Внезапно она очнулась от своей задумчивости.

— Мне нужно пойти уложить дедушку, — ска-

зала она.

Она подошла к старику, все еще сжимавшему в руке пустой стакан, и, наклонившись над ним, принялась нежно уговаривать его. Он оперся на ее руку и заковылял, маленький, на фут ниже внучки, из комнаты.

— Не сыграть ли нам партию в бридж? — спросил Фрис. — Вы как, джентльмены, играете?

— Я — за, — ответил шкипер, — а насчет доктора и Фреда не знаю.

— Могу составить компанию, если найдется четвертый, — откликнулся доктор Сондерс.

— Кристессен очень недурно играет.

— Я — пас, — бросил Фред.

— Не важно, — сказал Фрис. — Мы и без вас управимся.

Эрик выдвинул карточный столике потертым, залатанным зеленым сукном, Фрис вытащил две колоды засаленных карт. Они пододвинули стулья и кинули жребий, кто с кем будет играть. Фред стоял возле граммофона как на иголках, чуть уловимым движением отбивая ритм неслышной мелодии. Когда Луиза вернулась, он не тронулся с места, но в его глазах появилась доброжелательная улыбка. В ней не было оскорбительной бесцеремонности, напротив, у Луизы возникло

ощущение, будто они знакомы всю жизнь.

— Завести граммофон? — спросил он.

— Нет, с ними будет удар.

— Хорошо бы еще потанцевать.

— Эрик и папа очень серьезно относятся к бриджу.

Она подошла к столу, Фред за ней. Некоторое время он стоял позади капитана Николса. Шкипер несколько раз беспокойно взглянул на него, затем, неудачно сыграв, раздраженно обернулся.

— Не могу играть, когда мне заглядывают в карты, — сказал он. — Мне это очень мешает.

— Простите, старина.

— Пойдем на воздух, — сказала Луиза.

Комната, где шла игра, выходила на веранду, и они направились туда. Позади небольшого сада возвышались на фоне звездного неба огромные миндальные деревья, а под ними темнела густая зелень мускатного ореха. Внизу, рядом со ступенями, рос большой куст, искрящийся светлячками. Их было огромное множество, и все они ярко мерцали, словно лучилась светом умиротворенная душа. Некоторое время Луиза и Фред стояли бок о бок, глядя в ночь. Затем Фред взял ее за руку и свел со ступеней. Они шли по тропинке, пока не дошли до плантации. Луиза

не отняла у него руки: казалось, держать ее за руку было так для него естественно, что она не обратила на это никакого внимания.

— А вы разве не умеете играть в бридж? — спросила она.

— Конечно, умею.

— Почему же тогда не играете?

— Не захотел.

Под деревьями мускатного ореха было очень темно. Большие белые голуби, устроившиеся на ночлег в их ветвях, уже спали, и единственным звуком, нарушавшим тишину, был случайный шелест крыльев. Не чувствовалось никакого дуновения, и воздух, напоенный неуловимыми ароматами, был теплый и мягкий и обволакивал их ощутимо, как вода, что обволакивает пловца. Светлячки висели над тропинкой, качаясь из стороны в сторону, как пьянчужки, которые идут, спотыкаясь, по пустой улице.

Юноша и девушка прошли еще немного в молчании. Затем он остановился, нежно привлек ее к себе и поцеловал прямо в губы. Она не вздрогнула от испуга, не застыла от удивления или скромности, не отпрянула от него инстинктивно — она приняла его объятие, как будто это было в порядке вещей. Тело ее осталось мягким, но не

расслабилось, она не просто уступала ему, в ее уступчивости была нежная готовность. Они уже привыкли к темноте, и когда Фред заглянул ей в глаза, он увидел, что они потеряли голубизну, стали темными и бездонными. Одной рукой он обнимал ее за талию, другой — за шею. Она удобно умостилась головой в изгибе его локтя.

— Ты очаровательна, — сказал он.

— А ты необычайно красив, — ответила она.

Он снова поцеловал ее. Он поцеловал ее веки.

— Поцелуй ты меня, — шепнул он.

Она улыбнулась. Взяла его лицо обеими руками и прильнула ртом к его губам. Он положил ладони на ее небольшую грудь. Она вздохнула.

— Надо возвращаться.

Луиза сжала его пальцы, и бок о бок они медленно пошли к дому.

— Я люблю тебя, — шепнул он.

Она не ответила, но еще крепче стиснула его руку. Они вошли в яркую полосу, падавшую из окон, затем поднялись в дом; на мгновение свет ослепил их. Эрик поднял глаза от карт и улыбнулся Луизе.

— Ходили к пруду?

— Нет, слишком темно.

Она села и принялась рассматривать картинки

в иллюстрированной голландской газете. Затем, положив обратно, остановила глаза на Фреде. Она глядела на него пристально и задумчиво, без всякого выражения, словно он не человек, а неодушевленный предмет. Время от времени Эрик посматривал на нее с другого конца комнаты, и, когда Луиза ловила его взгляд, она улыбалась ему мимолетной улыбкой. Затем она поднялась.

— Пойду спать, — сказала она и пожелала всем спокойной ночи.

Фред устроился позади доктора и стал следить за игрой. Вскоре, разыграв очередной роббер, они решили кончить. За ними приехал старый «фордик», и четверо мужчин забрались внутрь. Когда они достигли города, автомобиль притормозил у гостиницы, чтобы оставить там доктора и Эрика, затем покатил к гавани.

Глава двадцать вторая

— Вам хочется спать? — спросил Эрик.

— Нет, еще рано, — ответил доктор.

— Зайдем ко мне, выпьем по глотку на ночь.

— Ладно.

Доктор не курил последние два вечера и собирался заняться этим сегодня, но был не прочь и подождать. Отложить удовольствие — значит увеличить его. Он трусил за Эриком по безлюдным улицам. В Канде рано ложились спать, и вокруг не было ни души. Доктор шел семенящей походкой, на каждый шаг Эрика приходилось его два. Короткие ножки и торчащий вперед живот делали его особенно смешным рядом с длинноногим гигантом. До дома датчанина было не более двухсот ярдов, но, когда они подошли к нему, доктор уже слегка запыхался. Дверь оставалась незапертой — на этом острове, где нельзя было ни убежать, ни продать краденого, никто не опасался воров, — и, распахнув ее, Эрик прошел вперед, чтобы зажечь лампу. Доктор опустился в самое удобное кресло и ждал, когда Эрик принесет стаканы, лед, виски и содовую. В неверном

свете парафиновой лампы его седые волосы ежиком, курносый нос и багровый румянец на широкоскулом лице приводили на ум пожилого шимпанзе, маленькие блестящие глазки посверкивали обезьяньей лживостью. Надо было быть очень глупым человеком, чтобы подумать, будто эти глазки не распознают притворства, но, возможно, только очень умный человек понимал, что даже за самыми неловкими словами и неуклюжими манерами они непременно распознают честность. Доктору не было свойственно принимать на веру то, что ему говорили, как бы правдоподобно оно ни звучало, хотя лишь слабая тень лукавой улыбки выдавала его мысли; но за прямодушие, каким бы оно ни было наивным, и искреннее чувство, каким бы оно ни было нелепым, он платил симпатией, быть может, немного иронической, но всегда исполненной терпимости и доброты.

Эрик налил своему гостю, затем себе.

— А где миссис Фрис? — спросил доктор. — Умерла?

— Да. В прошлом году. От сердца. Она была превосходная женщина. Мать ее приехала из Новой Зеландии, но, глядя на Кэтрин, вы приняли бы ее за чистокровную шведку. Настоящий

скандинавский тип: высокая, статная, белокурая, как богиня из «Песни о нибелунгах»[42]. Старый Свон часто говорил, что в молодости она была красивее Луизы.

— Очень хорошенькая девушка, — сказал доктор.

— Миссис Фрис была для меня как мать. Я проводил в поместье все свое свободное время, а если не являлся к ним несколько дней, чтобы не злоупотреблять их гостеприимством, она сама приходила за мной сюда. Мы, датчане, знаете, считаем голландцев довольно скучными и недалекими, так что возможность бывать в доме Фрисов была для меня настоящей милостью богов. Старый Свон любит говорить со мной по–шведски. — Эрик рассмеялся. — Он почти совсем забыл язык, говорит наполовину по–шведски, наполовину по–английски, да еще вставляет малайские и японские слова. Сперва мне было очень трудно его понимать. Забавно, что можно забыть родной язык. Мне всегда нравился английский. Так прекрасно было вести долгие беседы с Фрисом! Я никак не ожидал встретить здесь настолько образованного человека.

---

[42] Примечания: 42
Героическая германская поэма XIII века.

— Не могу понять, как он здесь очутился.

— Фрис прочитал об этом острове в какой–то старой книге о путешествиях. Он рассказывал мне, что мечтал попасть сюда с раннего детства. Смешная вещь — он вбил себе в голову, что это единственное место на свете, где ему хотелось бы жить. И знаете, это странно: он забыл название острова, нигде не мог найти книжку, в которой о нем прочитал, знал только, что это одинокий остров в небольшом архипелаге между Целебесом и Новой Гвинеей, где море пахнет пряностями и стоят огромные мраморные дворцы.

— Это больше похоже на то, что читаешь в сказках «Шахразады», чем в книге о путешествиях.

— Как раз то, что очень многие и надеются найти на Востоке.

— Порой и находят, — пробормотал доктор.

Он думал о величественном мосте, который пересекал реку у Фучжоу. Под ним было оживленное движение: большие джонки, с нарисованными на носу огромными глазами, чтобы видеть путь перед собой, вупаны с тентами, плетенными из пальмовых листьев, хрупкие сампаны и тарахтящие моторки. На барках обитал беспокойный речной народ. Посреди реки мужчины в набедренных повязках ловили с плота рыбу

при помощи бакланов. Это зрелище можно было наблюдать часами. Рыбак посылал баклана в воду, тот нырял, хватал рыбу, а когда птица поднималась на поверхность, он подтягивал ее за веревочку, привязанную к ноге; затем, пока баклан сердито хлопал крыльями, пытаясь вырваться, он сжимал ему горло, и тот изрыгал только что проглоченную рыбу. В конце концов, в «Шахразаде» тоже рассказывается об удивительных приключениях рыбака, пусть тот и ловил рыбу на иной, свой, лад.

Датчанин продолжал:

— Фрис приехал на Восток, когда ему было двадцать четыре года. Он расспрашивал всех, с кем встречался, не слышали ли они о таком острове, но, знаете, в Малайской федерации и в Борнео мало что известно о здешних краях. В молодости он был то, что называют «перекати–поле», и все время ездил с места на место. Вы слышали, что говорил ему старый Свон, и я думаю, так оно и есть. Он не мог надолго удержаться на одной работе. Наконец он попал сюда. Ему рассказал об острове шкипер какого–то голландского судна. Это было не очень похоже на то, что он разыскивал, но из всех островов архипелага хоть как–то отвечало описанию. Вот Фрис и решил приехать и посмот-

реть своими глазами. Когда он высадился здесь, у него не было ничего, кроме книг да той одежды, что прикрывала его тело. Сперва ему не верилось, что это тот самый остров; вы же видели «мраморные дворцы», вы сейчас сидите в одном из них. — Эрик скользнул взглядом вокруг и рассмеялся. — Понимаете, он представлял их себе как дворцы на Большом канале в Венеции. Так или иначе, если остров и не был тем местом, которое Фрис искал, это — единственное место, которое он смог найти. Он переместил свою точку отсчета, — вы понимаете, что я хочу сказать, — и привел реальность в соответствие со своей фантазией. Он пришел к заключению, что все так, как оно должно быть. Раз в этих домах мраморные полы и лепные колонны, он считает, что это настоящие мраморные дворцы.

— Судя по вашим словам, он умнее, чем я думал.

— Он получил здесь работу — тогда торговля пряностями еще не пришла в такой упадок, как сейчас, — а потом влюбился в дочь старого Свона и женился на ней.

— Они были счастливы вместе?

— Да. Свон не очень–то его жаловал. Он был тогда еще весьма деятелен и все время устраивал

какие–то махинации. Не мог заставить Фриса и пальцем шевельнуть. Но Кэтрин его боготворила. Считала настоящим чудом. Когда Свон постарел, она стала заправлять поместьем, сама обо всем заботилась и умудрялась сводить концы с концами. Знаете, некоторые женщины так устроены. Ей доставляло удовольствие, что Фрис сидит в своей берлоге, читает, пишет, размышляет. Она считала, что он — гений и все, что она для него делает, положено ему по праву. Она была превосходная женщина.

Доктор раздумывал о том, что рассказал ему Эрик. Какая удивительная жизнь! И какую богатую пищу давала она воображению. Запущенное бунгало на плантации мускатного ореха с огромными миндальными деревьями; этот старый безжалостный пират–швед со своими причудами, отважный авантюрист в бездушных пустынях суровой жизни; непрактичный фантазер–учитель, завороженный миражами Востока, который, как осел торговца фруктами, выпущенный на пастбище, бесцельно блуждал по благодатным краям духа, то здесь, то там пощипывая травку; и крупная белокурая женщина, как богиня викингов, деятельная, любящая, с честным умом и, несомненно, с милосердным чувством юмо-

ра, которая не давала всему этому развалиться, вела плантацию, незаметно командовала двумя несовместимыми людьми и защищала их.

— Когда Кэтрин узнала, что умирает, она заставила Луизу пообещать, что та будет заботиться о них. Плантация принадлежит Свону. Она боялась, как бы после ее кончины старик не выставил отсюда Фриса. — Эрик приостановился. — И она заставила меня пообещать заботиться о Луизе. Девочке нелегко пришлось, бедняжке. Свон — хитрая старая мартышка. От него только и жди какой–нибудь выходки. Мозг его в своем роде так же деятелен, как прежде, он лжет, плетет интриги, задумывает всяческие каверзы и проделки, теперь уже просто для забавы. Старик обожает Луизу. Она единственная, кто как–то с ним управляется. Однажды, просто ради смеха, он изорвал рукописи Фриса. Когда его нашли, он был засыпан лавиной крошечных клочков бумаги.

— Осмелюсь сказать, не такая большая потеря для человечества, — улыбнулся доктор, — но досадно для автора, положившего на это столько трудов.

— Вы не очень высокого мнения о Фрисе?

— Я еще не знаю, что о нем думать.

— Он очень многому меня научил. Я всегда буду

ему за это благодарен. Я был еще мальчишкой, когда приехал сюда. Я учился в университете в Копенгагене, дома у нас чтили культуру. Мой отец был другом Георга Бранда[43], к нам в дом приходил поэт Хольгер Драхман[44]. Бранд–то и научил меня читать Шекспира. И все же я был очень невежествен и ограничен. А Фрис, именно Фрис, раскрыл передо мной волшебное очарование Востока. Знаете, люди приезжают сюда и ничего не видят. «И это все?» — говорят они. И снова уезжают домой. Вот этот форт, куда мы ходили вчера, — просто несколько старых серых стен, заросших сорняками. Я никогда не забуду тот день, когда он впервые привел меня туда. Его слова снова построили разрушенные стены, поставили пушки за парапеты. Когда он рассказывал мне, как старый комендант, в отчаянии ожидая корабль, который принесет ему известие с родины, неделя за неделей в жгучей тревоге мерил шагами двор, потому что туземцы, непостижимым образом узнававшие новости прежде, чем их вообще можно было узнать, шептались между собой об ужасном бедствии, постигшем Португалию; как

[43] Примечания: 43
Бранд, Георг(1842–1927) — датский критик.

[44] Примечания: 44
Драхман, Хольгер (1846–1908) — датский поэт.

наконец прибыл этот корабль, а с ним письмо, где говорилось, что король Себастьян и вся его великолепная свита из отпрысков благородных семейств уничтожены в битве при Алькасаре[45], и по щекам старого коменданта покатились слезы, ибо его король погиб жестокой смертью, и он предвидел, что поражение будет стоить его родине свободы, а этот открытый и завоеванный ими мир — бесчисленные острова, которые горстка храбрых людей захватила для умножения богатства и усиления могущества Португалии, — перейдет во владычество иностранцев; тогда, хотите — верьте, хотите — нет, у меня вставал комок в горле, и несколько минут я ничего не видел перед собой, мои глаза были затуманены слезами. И это еще не все. Он рассказывал мне о Гоа Золотом, этой великой столице Востока, украшенной всеми сокровищами, захваченными в разграбленных азиатских городах, о Малабарском береге, о Макао, об Ормузе, о Бассоре. Он сделал жизнь прошлых лет такой живой и яркой, что с тех пор для меня за сегодняшним Востоком стоит Восток прежних дней. Я удивляюсь, как мне повезло, что я, простой мальчишка из дат-

[45] Примечания: 45

Битва, которой закончился второй крестовый поход короля–фанатика в Африку для покорения мавров и обращения их в христианство (1578).

ской деревни, вижу все эти чудеса собственными глазами. И горжусь тем, что я — человек, когда думаю об этих невысоких смуглых парнях, чья страна не больше моей Дании, которые благодаря безграничному мужеству, отваге и пылкому воображению завладели половиной мира. Все это исчезло, и, говорят, Гоа Золотой сейчас всего лишь нищая деревушка, но если верно, что единственная реальность — это реальность духа, тогда каким–то непостижимым образом эта мечта об империи, это безграничное мужество, эта отвага продолжают жить до сих пор.

— Да, мистер Фрис напоил вас вином, слишком крепким для юной головы.

— Оно опьянило меня, — улыбнулся Эрик, — но такое опьянение не вызывает на следующее утро головной боли.

Доктор не ответил. Он был склонен думать, что последствия такого опьянения, будучи более длительными, могут оказаться и куда более вредными. Эрик отхлебнул виски.

— Меня воспитали в лютеранской вере, но когда я пошел в университет, я стал атеистом. Это входило в моду в то время, а я был еще очень молод. Я просто пожимал плечами, когда Фрис принимался толковать мне о Брахме. О, мы ча-

сами просиживали у них на веранде, Фрис, его жена Кэтрин и я. Фрис говорил. Кэтрин никогда не была разговорчивой, она молча слушала, глядя на него восхищенными глазами, а мы с ним спорили. В его словах было много туманного, и часто я просто не мог его понять, но, знаете, они звучали так убедительно, в том, во что он верил, были свои величие и красота, это гармонировало с тропиками, лунными ночами, с далекими звездами и рокотом моря. Мне часто приходило в голову, что, возможно, в этом что–то есть. Это гармонирует с Вагнером, Шекспиром и лирикой Камоэнса. Иногда я терял терпение и решал: этот человек — пустой болтун. Меня удивляло, что он пьет сверх меры и любит вкусно поесть, а когда надо что–нибудь сделать, у него всегда есть отговорка. Но Кэтрин верила в него. А она была умная женщина. Она прожила с ним двадцать лет; если бы он был пустышкой, неужели она не раскусила бы его. Удивительно, как это он может быть таким грубым, даже вульгарным, и вместе с тем способным на возвышенные мысли. Я слышал от него вещи, которые никогда не забуду. Иногда он воспаряет в такие мистические высоты — вы понимаете, что я хочу сказать? — куда тебе никогда не подняться, ты лишь следишь за ним снизу,

и все же тебя преисполняет восторг. И знаете, он способен на удивительные поступки. В тот день, когда старый Свон разорвал его рукопись, две песни «Лузиад», на которые Фрис потратил целый год, Кэтрин расплакалась, а Фрис только вздохнул и пошел гулять. Когда он вернулся, он принес старику, очень довольному своей проделкой, но все же немного напуганному, бутылку рома. Спору нет, купил он се на деньги Свона, но не в этом дело. «Не важно, старина, — сказал он, — вы разорвали несколько десятков листов бумаги, они не более чем иллюзия, и было бы глупо о них горевать, реальность осталась, ибо реальность нерушима». И на следующий день засел за работу, чтобы снова перевести эти две песни.

— Он сказал, что даст мне почитать некоторые куски, — заметил доктор. — Но видимо, забыл.

— Вспомнит, — ответил Эрик с улыбкой, в которой добродушие сочеталось с серьезностью.

Датчанин нравился доктору Сондерсу; в нем была неподдельная искренность. Идеалист, конечно, но его идеализм смягчается юмором. У доктора создалось впечатление, что, при всей его физической мощи, духом он еще сильнее, чем телом. Возможно, он не очень умен, но удивительно надежен. Его простая, честная натура

непостижимо сочетается сего нескладной внешностью, создавая на редкость обаятельный образ. Доктор подумал, что женщина может глубоко его полюбить, и следующее его замечание было сделано не без задней мысли.

— А эта девушка — их единственный ребенок?

— Кэтрин была вдовой, когда Фрис женился на ней. У нее был сын от первого брака и сын от Фриса, но оба они умерли в детстве, когда Луиза была еще маленькой.

— И она заботится здесь обо всем с тех пор, как ее отец овдовел?

— Да.

— Она очень молода.

— Ей восемнадцать. Она была совсем малышкой, когда я приехал сюда. Ее послали в школу миссионеров здесь, на островах, а потом Кэтрин решила, что Луизе следует поехать в Окленд. Но когда Кэтрин заболела, Луизу вызвали домой. Забавно, как может изменить девочку один год; когда она уезжала, это был ребенок, который любил сидеть у меня на коленях, а когда приехала, мы увидели взрослую женщину. — Он улыбнулся доктору своей застенчивой улыбкой. — Я скажу вам по секрету: мы с ней обручены.

— О!

— Неофициально, так что лучше не упоминать об этом. Старый Свон ничего не имеет против, но отец говорит, что она еще слишком молода. Я с этим согласен, но настоящая причина его возражений в другом. Боюсь, он считает, что я для нее недостаточно хорош. Он вбил себе в голову, что вот- вот сюда пожалует на собственной яхте какой–нибудь английский лорд и безумно в нее влюбится. Пока что ближе всего к этому Фред на шхуне для ловли жемчуга.

Он рассмеялся.

— Я могу и подождать. Я знаю, что она молода. Потому–то я еще не предлагаю ей выйти за меня замуж. Понимаете, мне тоже понадобилось время, чтобы привыкнуть к мысли, что она уже не маленькая девочка. Когда любишь так, как я люблю Луизу, несколько месяцев, даже год или два не имеют значения. Перед нами вся жизнь. Она уже не будет такой, как сейчас, когда мы поженимся. Я знаю, что нас ждет безоблачное счастье, но мы уже будем им обладать, ожидание кончится. Сейчас у нас есть нечто, что мы потеряем. Вам это кажется глупым?

— Нет.

— Конечно, вы видели ее всего один раз, вы не знаете ее. Она прекрасна, правда?

— О да.

— А красота — наименьшее из ее достоинств. У нее есть голова на плечах, она такая же деловая, как ее мать. Я не могу порой удержаться от смеха, когда вижу, как разумно эта девушка — вчера еще ребенок — управляется с рабочими на плантации. Малайцы понимают, что с ней их штучки не пройдут. Конечно, она прожила здесь фактически всю жизнь, ей известна куча всяких вещей, это уже у нее в крови. Она их видит насквозь. Просто поразительно! А какой такт она проявляет с дедом и отцом! Она изучила их вдоль и поперек, знает все их слабости и недостатки, но прощает их; она, конечно, очень любит их обоих и принимает такими какие они есть. Я ни разу не видел, чтобы она вышла из себя, рассердилась на кого–нибудь из них. А надо очень даже много терпения, когда старый Свон в пятидесятый раз рассказывает одну и ту же историю.

— Я так и подумал, что именно она сглаживает здесь все острые углы.

— Об этом догадаться нетрудно. Трудней другое — увидеть, что за ее красотой, ее умом и сердечной добротой таится чуткая и утонченная душа. «Таится» — неподходящее слово. «Таить» значит «скрывать», то есть «обманывать». Луиза

не знает, что такое скрывать и обманывать. Она прекрасна, она добра, она умна, все это — она; но в ней есть и еще что–то или кто–то, какой–то фантом, о существовании которого, я думаю, не догадывался никто, кроме ее покойной матери и меня. Как бы вам это объяснить? Это как призрак внутри тела, как душа внутри духа, если вы можете себе это представить, как пламя, составляющее самую сущность человека, а все его качества, видимые другим, лишь эманация этого пламени.

Доктор поднял брови. Пожалуй, Эрик Кристессен забрался на слишком большие высоты. Однако он продолжал с удовольствием его слушать. Эрик был по уши влюблен, а доктор Сондерс относился с полуиронической нежностью к молодым существам в таком состоянии.

— Вы читали когда–нибудь сказку Андерсена «Русалочка»? — спросил Эрик.

— Сто лет назад.

— Этот прелестный, похожий на чистое пламя дух, который не взор мой, а душа видит в Луизе, кажется мне похожим на эту русалочку. Ей не по себе в обиталищах людей. Ее всегда томит тоска по морю. Она и человек и не человек. Луиза так мила, так деликатна, так нежна, и вместе с тем в ней есть какая–то отчужденность, которая

держит вас на расстоянии. Это качество кажется мне редкостным и прекрасным. *Я* не ревную к нему. *Я* не боюсь его. Это бесценное сокровище. Я глубоко ее люблю и чуть ли не сожалею, что она не может удержать его навсегда. *Я* чувствую, что она утратит это, когда станет женой и матерью, и та душевная красота, которую она приобретет, будет уже иной. Это нечто обособленное и независимое. Это внутренняя сущность, ее «я», которое является частью вселенского «я». Возможно, во всех нас это присутствует, но в ней — особенно ощутимо; кажется, будь мои глаза немного более острыми, я бы ясно увидел, что это такое. Мне так стыдно, что я не могу прийти к ней таким же чистым, какой она приходит ко мне.

— Глупости!

— Почему? Когда любишь такую женщину, ужасно думать, что ты лежал в чужих объятиях и целовал купленные накрашенные губы. *Я* и так чувствую себя недостойным ее. Я мог бы по крайней мере отдать ей чистое и непорочное тело.

— О, мой дорогой мальчик!

Доктор Сондерс считал, что юноша болтает чепуху, но не испытывал ни малейшего желания спорить с ним. Становилось поздно, у него были свои дела. Он допил виски.

— Мне всегда претила позиция аскетов. Мудрый человек сочетает чувственные радости с духовными таким образом, чтобы увеличить удовольствие, которое он получает от них обеих. Самое ценное, чему научила меня жизнь; ни о чем не сожалеть. Жизнь коротка, природа враждебна, человек смешон; но, как ни странно, большая часть наших невзгод чем–нибудь возмещается, и, обладая некоторым чувством юмора и здравым смыслом, можно неплохо справиться с тем, что в конце концов не имеет особого значения.

С этими словами доктор встал и вышел из комнаты.

Глава двадцать третья

На следующее утро, удобно устроившись на веранде гостиницы, доктор Сондерс читал, задрав вверх ноги. Он только что узнал в конторе пароходной компании, что, по их сведениям, корабль будет через день. Он сделает остановку в Бали, что даст доктору возможность осмотреть этот прелестный остров, а оттуда нетрудно будет добраться до Сурабаи. Доктор наслаждался отдыхом. За последние годы он забыл, как приятно просто ничего не делать.

— Сибарит, — пробормотал он про себя. — Черт подери, я бы мог сейчас сойти даже за джентльмена.

Вскоре на дороге показался Фред Блейк, кивнул доктору и поднялся на веранду.

— Вы не получали телеграммы? — спросил он.

— Вот уж чего не жду, — ответил доктор.

— Я только что был на почте. Меня спросили, как меня зовут — не Сондерс ли?

— Забавно. Никто понятия не имеет, где я нахожусь, да вряд ли в целом свете найдется человек, который так срочно захочет со мной связаться,

что потратит деньги на телеграмму.

Но его ждал сюрприз. Не прошло и часа, как к гостинице подъехал на велосипеде мальчик, и через несколько минут управляющий зашел с ним на веранду и попросил доктора Сондерса расписаться в получении только что переданной телеграммы.

— Странно! — воскликнул доктор. — Старый Цзинь Цин — единственный человек, который может предполагать, что я здесь.

Но когда он распечатал телеграмму, удивление его еще возросло.

— Что за идиотство, — сказал доктор. — Она закодирована. Кто, ради всего святого, мог сыграть такую глупую шутку?! Нечего и ждать, чтобы я тут что–нибудь понял.

— Можно взглянуть? — спросил Фред Блейк. — Если это один из распространенных кодов, я это сразу увижу. Я уверен, здесь нетрудно раздобыть книги с ключами для расшифровки.

Доктор протянул ему бумажную ленту. Это был цифровой код. Слова или фразы заменялись группами цифр, конец каждой группы был обозначен нулем.

— В коммерческих кодах используются составные слова, — сказал Фред.

— Знаю.

— Я неплохо разбираюсь в кодах. Увлекался этим одно время. Вы не против, если я попробую ее расшифровать?

— Конечно, нет.

— Нет такого кода, секрет которого нельзя было бы найти. Весь вопрос во времени. Говорят, в британской разведке есть один парень, так он раскрывает любой код за двадцать четыре часа.

— Ну, так берись за дело.

— Пойду в комнату. Мне нужны бумага и перо.

Вдруг у доктора Сондерса мелькнула мысль.

— Дай–ка мне взглянуть еще разок.

Фред передал ему телеграмму, и доктор посмотрел место отправления; Мельбурн. Он не вернул ее Фреду.

— А не тебе ли она, случайно?

Какое–то мгновение Фред колебался. Затем на его лице показалась улыбка. Когда он хотел подольститься к вам, он становился обворожительным.

— Ну, по правде говоря, мне.

— Зачем же она прислана на мое имя?

— Я думал, раз я нахожусь на «Фентоне», они не захотят вручить ее, потребуют от меня удостоверения личности или еще что–нибудь. Если ее

пошлют на ваше имя, это избавит меня от кучи хлопот.

— Нахальства тебе не занимать.

— *Я* знаю, что вы — стоящий человек!

— А эта небольшая реалистическая подробность насчет того, что тебя спросили на почте, не Сондерс ли ты?

— Чистая выдумка, старина, — небрежно ответил Фред.

Доктор Сондерс засмеялся.

— А что, если бы, ничего тут не разобрав, я порвал телеграмму?

— Я знал, что раньше, чем сегодня, она не придет. Они только вчера получили мой адрес.

— КТО ЭТО «ОНИ»?

— Люди, которые прислали мне телеграмму, — с улыбкой ответил Фред.

— Так что сегодня утром ты удостоил меня своим обществом не только ради удовольствия побыть в моей компании.

— Не только.

Доктор вернул ему телеграмму.

— Ну и наглец же ты! — сказал он. — Код, вероятно, у тебя в кармане.

— В уме.

Фред пошел в комнату. Доктор Сондерс сно-

ва принялся за чтение. Но внимание его было рассеянно. Он не мог полностью выкинуть из головы их разговор. Все это было довольно занятно, и доктор снова задумался над тем, в какой таинственной истории оказался замешан Фред. Юноша был осторожен. Он ни разу не обмолвился и словом, на основании которого человек сообразительный мог бы сделать какие–то выводы. Не от чего было оттолкнуться. Он был поставлен в тупик. Доктор пожал плечами. В конце концов, его это не касается. Он постарался приглушить свое любопытство и, сделав перед самим собой вид, что на все это ему решительно наплевать, заставил себя углубиться в чтение. Но через несколько минут Фред снова вышел на веранду.

— Не хотите выпить, доктор? — спросил он.

Глаза его сияли, щеки раскраснелись, но вместе с тем на лице было некоторое недоумение. Он был возбужден. Ему явно хотелось расхохотаться, но так как он не мог объяснить причину своей веселости, старался взять себя в руки.

— Хорошие новости? — спросил доктор.

Больше Фред сдерживаться был не в силах и разразился неудержимым смехом.

— Сам не пойму, хорошие или плохие. Все это ужасно смешно. Жаль, не могу вам рассказать.

Странно все это. Мне что–то не по себе. Не знаю, как все это объяснить. Мне нужно время, чтобы немного привыкнуть. Не понимаю сам, на ногах я стою или на голове.

Доктор Сондерс задумчиво на него посмотрел Юноша, казалось, сразу наполнился энергией. До сих пор в нем было что–то пришибленное, что затушевывало его редкую красоту. Сейчас лицо стало открытым и прямодушным. Можно было подумать, что с его плеч свалился тяжкий груз. Принесли виски.

— Я хочу, чтобы вы выпили за светлую память об одном моем усопшем друге, — сказал Фред, хватая бокал.

— По имени?..

— Смит.

Он осушил бокал одним глотком.

— Нужно спросить Эрика, не можем ли мы куда–нибудь вечером пойти, — сказал он. — Мне бы не повредила небольшая прогулка. Такая, чтобы как следует ноги гудели.

— Когда вы отплываете?

— А, не знаю. Мне здесь нравится. Я не прочь немного задержаться. Жаль, вы не поднялись вчера с нами на верхушку вулкана! Какой оттуда вид! Красота! Наша земля не такое уж плохое

местечко, а?

На дороге, вздымая клубы пыли, показалась легкая двухместная коляска, запряженная жалкой лошаденкой, и, ныряя по ухабам, подкатила к дверям гостиницы. Луиза правила, рядом с ней сидел Фрис. Он вышел из коляски, поднялся по ступеням. В руке у него был плоский пакет в оберточной бумаге.

— Я забыл вчера дать нам рукопись, которую обещал, вот и привез ее вам.

— Очень любезно с вашей стороны.

Фрис развязал бечевку и вынул стопку машинописных листов.

— Естественно, мне хочется знать ваше искреннее мнение.

Он в раздумье взглянул на доктора.

— Если вы сейчас не заняты, я мог бы сам прочитать вам несколько страниц. Я считаю, что стихи надо читать вслух и только автор может представить их в должном свете.

Доктор вздохнул. Ему не пришло в голову никакого предлога. который отвлек бы Фриса от его намерения, и не хватило твердости сказать «нет».

— Вы полагаете, вашей дочери полезно будет ждать вас на солнце? — рискнул он.

— О, у нес есть в городе дела. Она поедет куда ей надо, а на обратном пути прихватит меня.

— Вы не возражаете, если я поеду с Луизой, сэр? — сказал Фред Блейк. — Я совершенно свободен.

— Думаю, она будет рала.

Фред спустился с веранды и заговорил с Луизой. Доктор видел, что она серьезно выслушала его, затем улыбнулась и что–то сказала. Сегодня на ней было белое полотняное платье и большая соломенная шляпа местной работы. Затененное полями лицо казалось золотисто–шоколадным. Фред вскочил на сиденье рядом с ней, и они отъехали.

— Мне хотелось бы прочитать вам третью песнь, — сказал Фрис. — В ней есть лиризм, который мне очень созвучен. Я думаю, это — лучшее из всего созданного мной. Вы знаете португальский?

— Нет.

— Жаль. Это почти дословный перевод. Вам было бы интересно проследить, как точно мне удалось воссоздать ритм и мелодию оригинала, его настроение, словом, все. что делает «Лузиады» великой поэмой. Вы не стесняйтесь, критикуйте меня, я охотно выслушаю все ваши замечания, но в душе я не сомневаюсь, что мой перевод станет

каноническим, вряд ли его когда–нибудь заменит другой, лучший.

Фрис начал читать. Голос у него был приятный. Поэма была написана в римских октавах, и Фрис подчеркивал ритм, что усиливало эффект. Доктор Сондерс внимательно слушал. Перевод звучал легко и плавно, но, возможно, он в большой степени был обязан этим мерному и величавому чтению. У Фриса была весьма драматическая манера исполнения, но он вкладывал драматизм не столько в значение слов, сколько в звуки, так что смысл от вас ускользал. Он делал ударение на рифме, и постепенно доктору стало казаться, будто он сидит в поезде, ползущем по плохо проложенным рельсам, и тело его ощущало небольшой толчок всякий раз, как ухо слышало ожидаемый звук. Ему трудно было сосредоточить внимание. Глубокий грудной голос монотонно бубнил в уши, и мало- помалу доктором овладела сонливость. Он пристально смотрел на Фриса, но глаза его невольно закрывались; доктор раскрывал их с некоторым усилием, хмурил брови, изо всех сил стараясь сосредоточиться. Он вздрогнул, так как голова его вдруг упала на грудь, и он понял, что на какое–то мгновение уснул. Фрис читал о доблестных деяниях и великих людях,

сделавших Португалию империей. Голос его поднимался, когда он читал о героических подвигах, дрожал и становился глуше, когда читал о смерти и несчастной судьбе. Внезапно доктор услышал, что голос смолк. Он открыл глаза. Фриса не было. Перед ним с лукавой улыбкой на красивом лице сидел Фред Блейк.

— Хорошо подремали?

— Я не спал.

— Вы так храпели, что стены тряслись.

— Где Фрис?

— Уехал. Мы вернулись, и они отправились домой обедать. Он сказал, чтобы я вас не тревожил.

— Теперь я знаю, что с ним не в порядке, — сказал доктор. — У него была мечта, и мечта эта осуществилась. Что делает идеал прекрасным? Его недосягаемость. Боги смеются, когда люди получают то, что хотят.

— Не пойму, о чем вы толкуете, — сказал Фред. — Вы еще и сейчас не проснулись.

— Давай выпьем по стакану пива. Оно, во всяком случае, реально.

Глава двадцать четвертая

Около десяти часов вечера доктор и капитан Николс играли в пикет в холле гостиницы. Их загнали внутрь летучие муравьи, привлеченные на веранду светом лампы. Вошел Эрик Кристессен.

— Где вы скрывались весь день? — спросил его доктор.

— Мне надо было съездить на плантацию на другом конце острова. Думал, что вернусь раньше, но у управляющего родился сын, и он отмечал это событие. Пришлось остаться.

— Вас искал Фред. Хотел пойти погулять.

— Жаль, что я не знал. Взял бы его с собой. — Эрик кинулся в кресло и крикнул, чтобы ему принесли пива. — Я прошел пешком около десяти миль, а затем обогнул на веслах чуть не пол–острова.

— Хотите сразиться? — спросил шкипер, бросив на него острый и хитрый взгляд.

— Нет, я устал. Где Фред?

— Верно, бегает за девчонками.

— Ну, здесь у него мало шансов, — добродушно сказал Эрик.

— Не будьте так уверены. Парень он красивый. Девчонки по нему с ума сходят. В Мерауке хорошая была работенка — отгонять их от него. Между нами говоря, я думаю, он уже вчера сварганил дельце.

— С кем?

— С этой девицей, там, на плантации.

— Луизой?

Эрик улыбнулся. Сама мысль об этом казалась ему абсурдной.

— Ну, не знаю. Сегодня утром она приходила вместе с ним на люггер. И я знаю, что он битый час прихорашивался вечером: побрился, причесал волосы, надел чистый костюм. Я спросил его, по какому это поводу, и он сказал, чтобы я не совал свой паршивый нос в чужие дела.

— Утром сюда приезжал Фрис, — сказал доктор Сондерс. — Возможно, он снова пригласил Фреда к ужину.

— Фред ужинал на «Фентоне», — сказал шкипер.

Николс сдал карты, и они продолжили игру. Эрик наблюдай за игрой, покуривая большую голландскую сигару и потягивая пиво. Время от времени шкипер бросал на него искоса взгляд, в котором было что–то на редкость неприятное,

прямо дрожь пробирала. Его близко посаженные глазки поблескивали злобным весельем. Немного погодя Эрик взглянул на часы.

— Пойду на «Фентон». Может быть, Фред захочет отправиться со мной на рыбную ловлю завтра утром.

— Вы его там не найдете, — сказал шкипер.

— Почему? Так поздно у Свонов ему нечего делать.

— Не будьте в этом слишком уверены.

— Они ложатся в десять, а сейчас половина одиннадцатого.

— Может быть, он тоже лег.

— Ерунда.

— Ну, если вы спросите меня, я скажу, что у девчонки был такой вид, будто она понимает, что к чему. Я бы не удивился, если бы они лежали себе уютненько под одним одеялом в эту самую минуту. Чем худо? Я бы не отказался быть на его месте.

Эрик встал. Он вздымался над сидящими за столом, как огромная башня. Лицо его побледнело, он сжал кулаки. Казалось, еще миг, и Эрик ударит шкипера. Он издал невнятный крик ярости. Шкипер взглянул на него и ухмыльнулся. Доктор Сондерс не мог не видеть, что Николс ничуть

не напуган. А ведь удар этого огромного кулака наверняка свалил бы его с ног. Дрянь человек, но трусом его не назовешь. Колоссальным усилием воли Эрик овладел собой.

— Проще простого судить о других по себе, — проговорил он с дрожью в голосе, — но не в этом случае, шелудивый ты ублюдок.

— Я вас чем–нибудь обидел? — сказал шкипер. — Я не знал, что эта леди — ваш друг.

С минуту Эрик пристально смотрел на него. На лице ясно отражались гадливость, которую внушал ему капитан, и испепеляющее презрение. Он повернулся на каблуках и тяжелым шагом вышел из комнаты.

— Решили покончить жизнь самоубийством, шкипер? — сухо спросил доктор.

— Я на своем веку знал кучу таких, как он, больших парней. Сентиментальные они, все, как один. Никогда не ударят того, кто меньше их ростом. Они не очень–то быстро соображают. Немного глуповаты обычно.

Доктор усмехнулся. Ну не забавно ли, что этот негодяй пользуется, и очень ловко, порядочностью других, чтобы идти своим бесчестным путем.

— Вы рисковали. Если бы он не взял себя в руки,

он ударил бы вас прежде, чем понял, что делает.

— Из–за чего он так разошелся? Сам, что ли, втюрился в девчонку?

Доктор Сондерс решил, что капитану вовсе не обязательно знать о помолвке Эрика и Луизы Фрис.

— Есть мужчины, которые не любят, когда так говорят о женщинах, хотя бы просто друзьях, — ответил он.

— Бросьте, док. не втирайте мне очки. Вам это совсем не идет. Коли девчонка покладистая, должен же парень знать об этом. Раз кто–нибудь у нее уже был, значит, и для него есть шанс. Разве не резонно?

— Знаете, шкипер, вы — один из самых грязных псов, каких я встречал в жизни, — сказал доктор в своей бесстрастной манере.

— Это вроде бы комплимент, не так ли, док? И что смешно, я вам оттого не меньше нравлюсь. Значит, и сами вы не святой. Не скрою, кое–где я слышал кое–что в этом роде.

В глазах доктора Сондерса зажегся огонек.

— Как пищеварение сегодня, шкипер?

— Мне не очень по себе, и я совру, коли скажу, что все в порядке. Я не говорю, что мне больно, нет, но все же — не по себе.

— Это дело долгое. Вы не можете ожидать, что переварите фунт свинца после одной недели лечения.

— Я вовсе не хочу переварить фунт свинца, док, у меня и мысли такой нет. Не думайте, я не жалуюсь. Я не спорю, вы помогли, док. Все так. Но мне ещё далеко до выздоровления.

— Ну, я уже говорил вам: надо удалить зубы. Пользы от них никакой, и, видит Бог, красоты они вам тоже не прибавляют.

— Удалю. Даю вам честное слово. Как только покончу *с* этим дельцем, в ту же минуту и вырву. Не понимаю, почему бы нам не двинуть прямиком в Сингапур. Уж там как пить дать найдется хороший американский дантист. А мальчишка теперь в Батавию идти задумал.

— Да?

— Он получил сегодня утром телеграмму. Что в ней, я не знаю, но он теперь спит и видит: поболтаться здесь немного, а потом идти в Батавию.

— Откуда вы знаете, что он получил телеграмму?

— Нашел в кармане его штанов. Он надел чистый костюм, когда собрался на берег, и бросил старые штаны в каюте, на койке. Вот уж безалаберный парень. Сразу видно, что не моряк.

Моряки — народ аккуратный. Хочешь не хочешь, а приходится. Только я там ничего не разобрал. Китайская грамота. Телеграмма–то зашифрованная.

— Вы, верно, не заметили, что она адресована мне?

— Вам? Нет, не заметил.

— Поглядите еще разок. Я дал се Фреду расшифровать. Доктору показалось забавным сбить Николса со следа.

— Тогда почему у него вчера одно, сегодня другое? Раньше он и близко не хотел подходить к большим портам. Естественно, я думал, что из–за полиции. Ну, он как хочет, а я намерен попасть в Сингапур или утопить этот чертов люггер. — Капитан Николе перегнулся через стол и прочувствованно поглядел доктору в глаза. — Вы знаете, док, что значит десять лет не брать в рот бифштекса или пудинга с почками? Что там девочки! Можете взять их себе всех до одной. Я любую из них променяю на пудинг с патокой, да еще чтоб сверху как следует был кремом полит. Вот как я представляю себе рай небесный, а золотые арфы нужны мне как собаке пятая нога.

Глава двадцать пятая

Эрик спустился к морю своей неторопливой походкой, отмеривая ногами землю, словно крокетное поле. Он был спокоен. Он выкинул из головы грязные намеки шкипера. От них остался лишь противный вкус во рту, и Эрик сплюнул, словно после касторки. Но он не был лишен чувства юмора и тихо засмеялся, подумав о нелепости этих намеков. Фред еще мальчик. Эрик и представить себе не мог, чтобы женщина взглянула на него дважды, а уж Луиза и подавно не станет думать о Фреде; Эрик знал ее достаточно хорошо.

Берег был пуст. Все спали. Эрик прошел вдоль пирса и окликнул «Фентон», который стоял на якоре в ста ярдах от берега. Фонарь на корме светился на глади моря, как неусыпный глазок. Эрик снова крикнул. Никакого ответа. Но тут внизу, под ним, раздался сонный глухой голос. Это был матрос в шлюпке, ждавший капитана Николса. Он все еще не совсем проснулся. Потянувшись, он громко зевнул.

— Это шлюпка с «Фентона»?

— Да. Чего надо?

Матрос подумал было, что его зовут шкипер или Фред Блейк, но увидел свою ошибку, и в голосе его прозвучали подозрительность и раздражение.

— Отвези меня на люггер. Я хочу видеть Фреда Блейка.

— Его там нет.

— Уверен?

— Если он не перебрался вплавь.

— Ладно. Спокойной ночи.

Матрос недовольно проворчал что–то в ответ и снова лег. Эрик пошел обратно по безлюдной дороге. Он решил, что Фред отправился в бунгало и Фрис задержал его разговорами. С улыбкой подумал, что вряд ли мальчик многое вынесет из его мистических рассуждений. Однако кое–что он поймет. Фред пришелся Эрику по душе. За всей его пустой болтовней о скачках и крикете, танцах и боксе, за его притязаниями на житейскую мудрость скрывался — нельзя было этого не видеть — милый и простодушный характер. Эрик не был совсем слеп, он видел, как Фред относится к нему самому. С обожанием. Что ж, в этом не было особой беды. Это пройдет. Он славный мальчик. Из него можно кое–что сделать, нужен только случай. Так приятно беседовать с ним. Пусть твои

слова странны и чужды ему, чувствуешь, что он старается тебя понять. Возможно, если удастся заронить зерно в эту благодатную почву, на ней произрастет прекрасный цветок. Эрик шагал все дальше, надеясь встретить по пути Фреда. Они пойдут обратно вместе, может быть, Фред зайдет к нему. и они разопьют бутылочку пива с бисквитами и сыром. Эрику совсем не хотелось спать. У него было так мало собеседников на острове; когда он бывал у старого Свона и Фриса, ему приходилось в основном слушать. Он был способен сейчас болтать до петухов.

— «Мы солнце болтовнею, — прочитал он сам себе вслух, — согнали с неба прочь»[46].

Эрик не любил касаться своих личных дел, но он решил рассказать Фреду о помолвке. Ему неудержимо хотелось поговорить о Луизе. Иногда любовь к ней охватывала его с такой силой, что ему казалось — если он не поговорит о ней с кем–нибудь, сердце его разорвется. Доктор стар, он не поймет, Фреду можно было сказать то. что неловко сказать немолодому человеку.

До плантации было три мили, но поглощенный своими мыслями Эрик не заметил, как прошел

---

[46] Примечания: 46

Строка 113 стихотворения «Гераклит» английского поэта Уильяма Джонсона Кори (1823–1892).

это расстояние, и был очень удивлен, оказавшись у ворот. Странно, что он не встретил Фреда. И тут ему пришло в голову, что Фред вполне мог зайти в гостиницу, в то время как сам он ходил на берег. Как глупо, что он раньше не подумал об этом! Ну, ничего не поделаешь. Раз уж он здесь, можно зайти посидеть. Конечно, в доме все спят, но он и не будет никого тревожить. Не в первый раз. Он часто приходил в бунгало после того, как все ложились, сидел в саду и думал. Там было одно кресло, у веранды, где старый Свон отдыхал вечерами, как раз напротив комнаты Луизы. У Эрика становилось удивительно легко на душе, когда он тихо сидел там, глядя на ее окно и думая о том, как мирно она спит под москитной сеткой. Ее прекрасные пепельные волосы разметались по подушке, она лежит на боку, юная грудь тихонько поднимается и опускается в глубоком сне. Чувства, наполнявшие его сердце, когда он рисовал себе эту картину, были чисты, как у ангела. Иногда его охватывала печаль при мысли, что эта девическая грация когда–нибудь исчезнет и прелестное стройное тело оцепенеет в последнем сне. Ужасно, что такое прекрасное создание тоже должно умереть. Порой Эрик сидел там до тех пор, пока свежесть душ истого воздуха, легкий

шелест голубей на ветвях не возвещали скорое наступление дня. Это были часы душевного покоя и пленительной безмятежности. Один раз он увидел, как тихо открылись ставни и Луиза вышла из комнаты. Возможно, ей стало слишком жарко или разбудил какой–нибудь сон, и она захотела глотнуть свежего воздуха. Она прошла босиком через веранду и остановилась у перил, глядя на звездное небо. Бедра ее окутывал саронг, но верхняя часть тела была обнажена. Она подняла руки и перебросила со спины свои светлые волосы. Ее тело серебристым силуэтом выделялось на фоне темного дома. Она была не похожа на женщину из плоти и крови, скорее напоминала наяду или дриаду, и Эрику, чья память была полна старинных датских сказаний, чудилось, что она вот–вот превратится в прелестную белую птичку и улетит в легендарную Страну восходящего солнца. Эрик сидел неподвижно, скрытый темнотой. Было так тихо, что когда Луиза чуть слышно вздохнула, он услышал вздох, словно держал ее в своих объятиях и ее грудь прижималась к его груди. Она повернулась и пошла обратно. Ставни закрылись.

Эрик прошел по грунтовой дороге, которая вела к дому, и сел в кресло напротив комнаты Луизы.

В доме было темно. Его окутывала такая тишина, что можно было подумать, будто его обитатели не спят, а умерли. Но в тишине этой не таилось страха. В ней было беспредельное умиротворение. Она вселяла покой. Она была приятной, как прикосновение нежной девичьей руки. Эрик вздохнул от полноты души. Им овладела грусть, но грусть, лишенная боли, оттого, что дорогой ему Кэтрин Фрис больше нет в живых. Никогда он не забудет той доброты, которую она выказала ему, когда робким зеленым юнцом он впервые приехал на остров. Он боготворил се. Ей было тогда сорок пять лет, но ни тяжелая работа, ни роды никак не отразились на ее великолепной стати. Она была высокая, с пышной грудью, роскошными золотистыми волосами и горделивой осанкой. Казалось, ей суждено дожить до ста лет. Она заняла место его матери, женщины с сильным характером и мужественным сердцем, которую он оставил на ферме в Дании, а Кэтрин любила в нем своих сыновей, рожденных ею много лет назад и отнятых смертью. Но Эрик чувствовал, что отношения между ними были глубже, чем могли бы быть между матерью и сыном. Никогда бы мать с сыном не могли так откровенно разговаривать, как они с Кэтрин.

Возможно, общество друг друга не доставляло бы им тогда такого безмятежного удовлетворения. Он любил ее, восхищался ею и был счастлив уверенностью, что Кэтрин ему платит тем же. Даже тогда у него было слабое подозрение, что любовь, которой он когда–нибудь полюбит девушку, не будет такой умиротворенной, как его чистая привязанность к Кэтрин Фрис. Она была не из тех, кто много читает, но обладала огромным запасом лежащих под спудом знаний, собранных, если можно так сказать, бесчисленными поколениями на основе опыта всей ее нации, так что она успешно могла разговаривать с кем угодно на равных и противостоять всей книжной учености. В ее присутствии людям приходили в голову мысли, на которые они не считали себя способными, собственные слова казались интересными им самим. Она была по–житейски мудра, обладала спокойным чувством юмора и сразу подмечала нелепости, но сердце у нее было доброе, и если даже она подсмеивалась над вами, вы любили ее за это еще сильней. Самой замечательной чертой Кэтрин Эрику казалась ее искренность, такая безграничная искренность, что она освещала все ее существо и бросала свой свет в души всех, кто с ней общался.

Сердце Эрика исполнилось теплого чувства благодарности при мысли, что жизнь ее была счастлива по заслугам. Ее брак с Джорджем Фрисом оказался идиллией. Когда Фрис впервые появился на этом далеком прекрасном острове, Кэтрин вдовела уже несколько лет. Первый ее муж, новозеландец, служил шкипером на торговой шхуне и утонул во время Великого урагана, разорившего ее отца. Свон, раненный в грудь и не способный ни к какой тяжелой работе, был разорен, почти все его сбережения пошли насмарку, и они с дочерью вместе перебрались на плантацию мускатного ореха, которую с присущей скандинавам трезвой расчетливостью он придерживал все эти годы на случай, если его постигнет крах. От первого мужа у нее был ребенок, сын, но еще в младенчестве он умер от дифтерии. Кэтрин никогда не встречала таких людей, как Джордж Фрис. Никогда не слышала, чтобы кто–нибудь говорил так. как он. Ему было тридцать шесть лет, растрепанная грива темных волос венчала изможденное романтическое чело. Она полюбила его. Казалось, ее практицизм, ее земные инстинкты стремятся уравновеситься союзом с таинственным бродягой, беспризорным ребенком, который так замечательно говорит

о таких возвышенных вещах. Она любила его иначе, чем любила своего грубоватого, прямого мужа–моряка, она испытывала к нему самое ее забавлявшую нежность, желание оградить его и защитить. Она чувствовала, что он неизмеримо выше ее. Ее преисполнял благоговейный страх перед его острым умом, стремившимся в высшие сферы духа. Она до конца своих дней верила в его гениальность и высокую нравственность. И пусть Фрис часто бывает утомительным, подумал Эрик, я всегда буду хорошо к нему относиться, потому что Кэтрин так преданно любила его, а он в течение стольких лет делал ее счастливой.

Кэтрин, и никто другой, первая сказала, что хотела бы видеть Эрика мужем Луизы. Та была тогда еще совсем ребенком.

— О, она никогда не будет так очаровательна, как вы, дорогая, — улыбнулся он.

— Гораздо очаровательнее. Ты этого еще не видишь. Я — да. Она будет похожа на меня и вместе с тем совсем другая, она будет гораздо красивее, чем я была в молодости.

— *Я* бы женился на ней, если бы она была в точности такая, как вы. Мне не надо другой.

— Подожди, пока она подрастет, тогда ты будешь очень доволен, что она не стара и не

толста.

Забавно было вспомнить сейчас этот разговор. Темный дом постепенно светлел, и на миг Эрик испуганно подумал, уж не наступает ли утро, но затем, оглянувшись, увидел, что над верхушками деревьев всплывает кривобокая луна, как пустая бочка, которую несет приливом, и се свет, хотя еще и тусклый, заливает спящее бунгало. Эрик дружески помахал луне рукой.

...Когда эту сильную, бодрую, энергичную женщину непостижимым образом поразила болезнь сердца и жестокие сердечные спазмы, причиняющие мучительную боль, предупредили ее, что в любую минуту смерть может оказаться сильнее ее, Кэтрин снова заговорила с Эриком о своем желании. Луизу, бывшую в то время в школе в Окленде, вызвали домой, но добраться сюда можно было только кружным путем, и на дорогу требовалось не меньше месяца.

— Через несколько дней ей минет семнадцать. У нее есть голова на плечах, но она будет слишком молода, чтобы взвалить на себя все заботы.

— Почему вы думаете, что она захочет выйти за меня? — спросил он.

— Ребенком она обожала тебя. Бегала за тобой следом как собачонка.

— Ну, это просто детское увлечение.

— Ты практически единственный мужчина, которого она знала в своей жизни.

— Но, Кэтрин, не хотите же вы, чтобы я женился на ней без любви.

Она одарила его своей прелестной чуть ироничной улыбкой.

— Нет, конечно, но мне почему–то кажется, что ты полюбишь ее. — С минуту она молчала, затем произнесла фразу. которую он не совсем понял: — Я, пожалуй, даже рада, что меня не будет здесь.

— Ну что вы такое говорите?! Почему?

Она не ответила. Просто погладила его по руке и тихонько рассмеялась.

Эрика охватывала сладкая грусть, когда он думал, как она оказалась права. Он был склонен объяснить ее пророчество тем необъяснимым прозрением, которое свойственно умирающим. Когда он увидел Луизу после возвращения из школы, он был потрясен. Она превратилась в прелестную девушку. Она избавилась от детского обожания, с которым глядела на него, но заодно и от робости и держалась теперь с ним вполне свободно. Конечно, она очень любила его, Эрик не сомневался в этом, она была с ним так мила, так дружественна, так нежна, но у него создалось

впечатление, что она… нет, не критикует, но хладнокровно оценивает его. Это не смущало Эрика, однако заставляло как бы смотреть на себя со стороны. У нее появился тот же, хорошо знакомый ему насмешливый иронический взгляд, что у матери, но если у Кэтрин он был полон любви и согревал ваше сердце, взгляд Луизы приводил в некоторое замешательство: никак нельзя было быть уверенным, что она не считает вас чуть–чуть смешным. Эрик обнаружил, что ему надо начинать с ней с самого начала, потому что она изменилась не только внешне, но и внутренне. Она была такой же компанейской, как раньше, такой же веселой, они по–прежнему уходили в дальние прогулки, купались, удили рыбу, они болтали и смеялись вместе так же свободно, как в те дни. когда ей было четырнадцать, а ему двадцать два, и все же он смутно ощущал в ней какую–то отчужденность. Раньше се душа была прозрачна как стекло, теперь ее окутала таинственная дымка, и он чувствовал, что в ее глубинах есть многое, неведомое ему.

Несмотря ни на что, смерть Кэтрин была для них неожиданностью. У нее случился приступ грудной жабы, и когда врач–полукровка добрался до бунгало, она уже не нуждалась в его помощи.

Для Луизы это был страшный удар. Как не бывало последних нескольких лет, принесших с собой раннюю зрелость, — она снова стала ребенком. Девочка не могла справиться со своим горем. Она была совершенно потрясена. Часами она лежала в слезах у него на коленях, рыдая как дитя, которое не может поверить, что его боль когда–нибудь пройдет, и не желает слушать утешений. То, что произошло, оказалось сильнее ее, она безропотно делала все, что говорил ей Эрик. Фрис совершенно вышел из строя, толку от него не было никакого. Целые дни он то пил виски с водой, то плакал. Старый Свон лишь толковал о своих бесчисленных детях и о том, как они умирают один за другим. Все они очень плохо по отношению к нему поступили — бросили его, некому и приглядеть за бедным стариком. Одни из них убежали, другие ограбили его, некоторые женились бог весть на ком, а остальные умерли. Ни у одного не достало совести остаться и позаботиться о старике отце, когда ему понадобилась забота.

Все, что требовалось, делал Эрик.

— Ты — ангел, — сказала ему Луиза.

Он увидел свет любви в ее глазах, но лишь похлопал ее по руке и велел не болтать глупостей

— он не хотел злоупотреблять ее благодарностью, чувством беспомощности, ощущением, что она осталась совсем одна, и просить выйти за него замуж. Она была так молода! Просто нечестно использовать это в своих интересах. Любил он ее безумно! Нет, тут же поправил он сам себя: он любит ее разумно. Он любит ее со всей энергией своего трезвого ума, со всей мощью своего богатырского тела, со всей решительностью своей честной натуры, любит не только за красоту непорочного девичьего тела, но и за ее твердый характер, вырисовывающийся все отчетливее с каждым днем, за чистоту ее непорочной души. Его любовь усиливала в нем чувство собственной силы. Казалось, нет на свете того, чего бы он не мог достичь. И все же когда Эрик думал о ее безупречности, об утонченной, чуткой душе, так удивительно соответствующей се прелестной оболочке, его охватывала робость.

А теперь все решено. Колебания Фриса — дело несерьезное, во всяком случае, если он не захочет внять доводам рассудка, его можно будет уговорить. Но Свон был очень стар. Он слабел на глазах. Возможно, им придется подождать с женитьбой до его смерти. Эрик хорошо знал свое дело. Компания не будет до бесконечности держать его

здесь. Рано или поздно его переведут в Рангун, Бангкок или Калькутту. А в дальнейшем его услуги могут понадобиться и в Копенгагене. Ему недостаточно, как Фрису, провести всю жизнь на плантации, зарабатывать лишь на самое необходимое продажей гвоздики и мускатного ореха. Да и у Луизы нет в характере той безмятежности, которая позволила се матери создать идиллию из жизни на этом прекрасном острове. Ничто так не восхищало его в Кэтрин, как ее способность из самых простых компонентов: повседневных домашних дел, вечных как мир, забот земледельца, привязанности к мужу, покоя, чувства юмора и удовлетворенного сердца — сложить житейский узор, исполненный такого совершенства и красоты. Луиза была куда более нервна и возбудима, чем мать. Пусть она спокойно принимала существующие обстоятельства, ее деятельный ум жаждал применения. Иногда, когда он и вместе сидели на бастионах старого португальского форта и смотрели на море, он чувствовал, что ее изменчивый дух блуждает где–то далеко.

Они часто обсуждали свое свадебное путешествие. Эрик хотел приехать в Данию весной, когда после долгой суровой зимы на деревьях распускаются почки. В зелени этой северной страны

есть неведомая тропикам нежная свежесть. Луга с черно–белыми коровами, фермы, укрывшиеся среди деревьев, ласкают глаз опрятной красотой, которая не поражает вас, но позволяет чувствовать себя как дома. Затем в Копенгагене его широкими оживленными улицами, чопорными горделивыми домами, где такое множество окон, что нельзя этому не удивляться, с церквями и красными дворцами, построенными королем Христианом, похожими на дворцы из волшебной сказки. Эрик хотел свозить Луизу в Эльсинор. Там, на зубчатом парапете с бойницами, явился датскому принцу призрак его отца. А как великолепно летом на Зунде, как красиво то серое, то молочно–синее спокойное морс, как приятна жизнь, украшенная музыкой, смехом и живой, веселой беседой в долгие северные сумерки! Они обязательно поедут в Англию, в Лондон. Национальная галерея и Британский музей. Ни Луиза, ни Эрик ни разу не были в Англии. Они посетят Стратфорд–на–Эйвоне и побывают на могиле Шекспира. Конечно, Париж, этот центр цивилизации. Луиза пойдет по магазинам в Лувре, они прокатятся по Буа–де–Булонь, прогуляются рука об руку по лесу Фонтенбло. Италия. Большой канал, лунные ночи, гондолы! Ради Фриса

надо заехать в Лиссабон. Разве не удивительно посмотреть своими глазами на страну, откуда отплывали все эти португальцы, чтобы основать империю, от которой — если не считать бессмертной поэзии и немеркнущей славы — не осталось ничего, кроме нескольких разрушенных фортов да кое–где отживающих свой век гарнизонов. Видеть все эти чудесные места вместе с тем, кто для тебя дороже всех на свете, — может ли быть что–нибудь прекраснее? Сейчас, в это мгновение, Эрик понял, что имел в виду Фрис, когда говорил: «Верховный дух, которого можно, если хочешь, называть Богом, находится не вне мира, а в нем. Этот великий дух есть в камне на склоне горы, в диком звере, в человеке и в громе, катящемся по небесному своду…»

Поздняя луна заливала дом ярким светом. Она придавала воздушность его строгим очертаниям, хрупкость и призрачность его солидной массе. Вдруг ставни на окне Луизы приоткрылись. Эрик затаил дыхание. Если бы у него спросили, чего он больше всего хочет, он бы ответил: хоть на мгновение увидеть Луизу. Она вышла на веранду. На ней не было ничего, кроме саронга, в котором она спала.

В лунном свете девушка была похожа на виде-

ние. Казалось, ночь вдруг задержала дыхание; ожила, прислушалась тишина. Луиза сделала несколько шагов, озираясь по сторонам. Хотела убедиться, что на веранде никого нет. Эрик ждал, что она, как и в прошлый раз, подойдет к перилам и постоит там немного. Было так светло, что ему казалось, будто он может различить цвет ее глаз. Она обернулась к окну своей комнаты и поманила кого–то. Оттуда вышел мужчина. Остановился на секунду, словно хотел взять ее за руку, но она качнула головой и указала на перила. Он подошел к ним и перелез наружу. Посмотрел на землю в шести футах под ним и легко соскочил вниз. Луиза бесшумно скользнула в комнату и закрыла ставни.

В первый миг Эрик был так изумлен и озадачен, что просто ничего не понял. Он не верил собственным глазам и продолжал сидеть неподвижно в кресле старого Свона, не отрывая взора от незнакомца. Мужчина приземлился на ноги, затем сел. По–видимому, он надевал туфли. Внезапно Эрик вновь овладел своим телом. Он прыгнул вперед — мужчина был от него всего в нескольких ярдах — и, схватив рукой за шиворот, поднял рывком вверх. Тот, напуганный, открыл было рот, чтобы закричать, но Эрик зажал его широкой тяжелой

ладонью. Затем ладонь медленно поползла вниз и сдавила шею мужчины. Тот был настолько поражен, что даже не сопротивлялся. Он стоял, оцепенело уставившись на Эрика, беспомощный в его железных тисках. И тут Эрик взглянул на него. Это был Фред Блейк.

Глава двадцать шестая

Часом позднее доктор Сондерс, который уже лег в постель, но еще не уснул, услышал в коридоре шаги и тихий стук в дверь. Он не ответил, снаружи повернули ручку. Дверь была заперта.

— Кто там? — крикнул доктор.

Ответ последовал немедленно, тихим, взволнованным голосом:

— Доктор, это я, Фред. Мне надо вас видеть.

После ухода капитана Николса на «Фентон» доктор выкурил с полдюжины трубок, а когда он курил, он терпеть не мог, чтобы его беспокоили. Мысли, четкие, как геометрические фигуры в детском альбоме для рисования — квадраты, треугольники, круги, — проплывали у него в уме в стройном порядке. Наслаждение, которое доставляла ему их ясность, было неотделимо от той неги, в которой купалось его тело. Доктор откинул москитную сетку и босиком пошлепал по голому полу к двери. Открыв ее, он увидел сторожа с фонарем в руке, закутанного в одеяло для зашиты от холодного ночного воздуха, а позади него Фреда Блейка.

— Пустите меня, доктор. Это ужасно важно.

— Погоди, пока я зажгу лампу.

При свете фонаря, который держал сторож, он нашел спички и зажег свет. А-Кай, спавший на веранде за дверью в комнату доктора, проснулся от шума и, сев, принялся тереть свои черные, похожие на плоды терна глаза. Фред дал сторожу монетку, и тот ушел.

— Спи, А-Кай, — сказал доктор, — ты мне не нужен.

— Скорее! Пошли скорее к Эрику, — вскричал Фред. — Произошел несчастный случай.

— Какой?

Доктор взглянул на Фреда и увидел, что тот белый как полотно и дрожит всем телом.

— Он застрелился.

— Господи! Откуда ты знаешь?

При первых словах Фреда доктор начал было собираться, но теперь остановился.

— Ты уверен?

— Вполне.

— Если он мертв, что толку мне туда идти?

— Нельзя его так оставить. Пойдите поглядите. О Боже, Боже… — Голос его дрогнул, словно он вот–вот заплачет. — Может быть, вы сумеете как–нибудь помочь.

— Кто там есть?

— Никого. Он лежит совсем один. Придумайте что–нибудь. Ради всего святого, пойдемте.

— Что это у тебя на руке?

Фред взглянул на руку. Она была выпачкана кровью. Он машинально хотел вытереть ее о свои полотняные штаны.

— Погоди! — вскричал доктор, хватая его за запястье. — Пойди смой кровь.

Все еще держа его, доктор взял в другую руку лампу и повел Фреда в умывальню. Это была маленькая темная квадратная комнатка с цементным полом; в углу стояла огромная бочка с водой, которую зачерпывали оттуда небольшим жестяным ковшиком. Доктор набрал полный ковшик воды, дал Фреду кусок мыла и велел ему помыться.

— На одежде у тебя ничего нет?

Он поднял лампу, чтобы посмотреть.

— Как будто нет…

Доктор вылил розовую от крови воду, и они вернулись в спальню. Вид крови напугал Фреда, и сейчас он пытался справиться со своим истерическим возбуждением. Он побледнел еще больше, и хотя крепко стискивал пальцы, доктор Сондерс видел, как отчаянно они дрожат.

— Лучше выпей чего–нибудь. А-Кай, дай джентльмену виски. Без воды.

А-Кай встал и, принеся стакан, налил туда неразбавленного виски. Фред залпом выпил его. Доктор внимательно за ним наблюдал.

— Послушай, мой мальчик, мы в чужой стране. Нам ни к чему иметь неприятности со здешними властями. Я не думаю, что с голландцами будет легко договориться.

— Мы не можем оставить его так, в луже крови.

— Я не ошибаюсь — в Сиднее произошло что–то, заставившее тебя спешно покинуть город? В полиции тебе станут задавать кучу вопросов. Ты хочешь, чтобы они телеграфировали в Сидней?

— Мне все равно. Я сыт всем этим по горло.

— Не валяй дурака. Если он уже мертв, ты ничем ему не поможешь, так же, как и я. Будем держаться в сторонке. Лучшее, что ты можешь сделать, это как можно скорее убраться отсюда. Тебя кто–нибудь там видел?

— Где?

— У дома Кристессена, — нетерпеливо сказал доктор.

— Нет, я пробыл там одну минуту. Я сразу бросился сюда.

— А его бои?

— Думаю, они спали. Они ведь живут в задней части дома.

— Я знаю. Значит, ночной сторож — единственный, кто тебя видел. Зачем ты его поднял?

— Я не мог сюда попасть. Дверь была заперта. Мне надо было как–то до вас добраться.

— Ну, не важно. Найдется куча причин, почему тебе понадобилось поднимать меня с постели посреди ночи. С чего тебе вздумалось пойти к Эрику?

— Мне надо было сказать ему кое–что. Я не мог ждать.

— По–видимому, он сам застрелился. Ты его не убивал, нет?

— Я?! — Юноша задохнулся от ужаса и удивления. — Да он… Да я не тронул бы и волоса на его голове. Я не мог бы любить и уважать его больше, будь он мне родной брат. Лучший друг, какого может желать парень.

Доктор слегка нахмурился. Ну и язык! Но чувства Фреда к Эрику были абсолютно ясны, и то, как поразил его вопрос доктора, было само по себе достаточным доказательством правдивости его слов.

— Тогда что все это значит?

— Понятия не имею. Он, верно, сошел с ума. Откуда мне было знать, что он выкинет такую штуку?

— Выкладывай все начистоту, сынок. не бойся, я тебя не выдам.

— Да все дело в этой девчонке у старого Свона. Луизе.

Взгляд доктора стал еще острей, но он промолчал.

— Я с ней немного позабавился сегодня ночью.

— Ты? Но ты же вчера только впервые увидел ее.

— Что с того? Я приглянулся ей с первого взгляда. Я это почувствовал. Она мне тоже приглянулась. У меня никого не было с тех пор, как мы ушли из Сиднея. Мне почему–то противны туземки. Когда я с ней танцевал, я увидел, что все будет в порядке. Я тогда же мог иметь ее. Мы вышли в сад, пока вы играли в бридж. Я ее поцеловал. Она до смерти этого хотела. Когда девчонка в таком настрое, ей не надо давать много времени на раздумья. У меня и самого голова закружилась. Все мои знакомые девушки и в подметки ей не годятся. Если бы она велела мне пойти и прыгнуть с утеса, я бы пошел и прыгнул. Когда она приехала сегодня в город с отцом, я спросил, не сможем

ли мы встретиться. Она сказала: нет. Я сказал: нельзя ли мне прийти, когда все в доме лягут спать, и мы вместе с ней искупаемся в пруду. Она сказала: нет. Но почему «нет», она не говорила. Я сказал, что с ума по ней схожу. Так оно и было. Господи, она — настоящая красотка. Я отвез ее на парусник и все ей там показал. Я поцеловал ее. Этот чертов Николс не оставлял нас и на минуту. Я сказал, что приду вечером на плантацию. Она сказала: нет. Но почему «нет», она не говорила. Я сказал, что хотела меня не меньше, чем я ее, и можете не сомневаться, когда я пришел, она уже ждала меня. Нам хорошо было там, в темноте, если бы только не москиты. Они кусались как сумасшедшие, этого ни один живой человек не вынес бы, и я спросил, нельзя ли пойти к ней в комнату. Она сказала, что боится, но я сказал ей, все будет в порядке, и наконец она согласилась.

Фред остановился. Доктор посмотрел на него из–под тяжелых век. Зрачки его сузились из–за выкуренного опиума. стали крошечные, как острия иголок. Он слушал и обдумывал то, что рассказывал Фред.

— Наконец она сказала, что мне, пожалуй, пора двигаться. Я оделся, только туфли не надел, чтобы не поднимать шума. Она вышла первая,

посмотреть, свободен ли путь. Иногда старого Свона одолевает бессонница, и он бродит взад–вперед по веранде, как по палубе корабля. Затем я выскользнул из комнаты и перемахнул через перила. Сел на землю и только принялся обуваться, как кто–то схватил меня за воротник и рванул вверх. Эрик! Он сильный как бык; поднял меня, словно ребенка, и зажал рот рукой, но я так перепугался — я бы не смог закричать, даже если бы захотел. Затем стиснул мне горло. Я подумал, он хочет меня задушить. Не знаю. Я был словно парализован, я бы не смог с ним бороться. Лица его я не видел, только слышал его дыхание. Клянусь Богом, я уж подумал, что моя песенка спета, и тут вдруг он меня отпустил. Он ударил меня сбоку по голове тыльной стороной руки, и я упал как подкошенный. Он постоял надо мной, но я не шевелился; я думал, стоит мне шевельнуться, и он убьет меня, и тут вдруг он повернулся и пошел прочь со скоростью сто миль в час. Через минуту я встал и посмотрел на дом. Луиза ничего не заметила. Я подумал: может, пойти и все ей рассказать, но не осмелился, побоялся, кто–нибудь услышит, как я стучу к ней в окно. Да и не хотел пугать ее. Я не знал, что мне делать. Я пошел было оттуда, но увидел, что так и не надел

туфель, пришлось вернуться за ними. Сперва я не мог их найти, меня аж пот прошиб; я только тогда и вздохнул, когда выбрался наконец на дорогу. Но я все думал, не подстерегает ли меня Эрик. Это не шуточки — идти ночью по пустынной дороге, когда кругом ни души, и знать, что в любую минуту из–за деревьев может выйти здоровенный парень и как следует тебя вздуть. Он мог свернуть мне шею как цыпленку. Что я против него! Я шел не очень быстро и глядел в оба. Я думал, если увижу его первым, пущусь наутек; я хочу сказать, что толку идти на драку, если у тебя нет никаких шансов победить, а бегаю я быстро. Нервы мои совсем сдали, но когда я прошагал так с милю, я успокоился. И тут, понимаете, я почувствовал, что должен увидеть его, чего бы мне это ни стоило. Будь на его месте кто–нибудь другой, мне было бы наплевать, но чтобы он считал меня последней свиньей — этого я вынести не мог. Я еще никогда в жизни не встречал таких людей, как он. Он такой честный. Мне было нестерпимо думать, что он перестанет считать честным меня. Большинство людей, которых знаешь… ну, они такие же, как ты, но Эрик был другой. Я хочу сказать, надо было быть круглым идиотом, чтобы не видеть — такие, как он, попадаются один на

тысячу. Понимаете, что я хочу сказать?

Доктор наградил его своей насмешливой улыбкой, губы растянулись, обнажились длинные желтые зубы, словно злобный оскал гориллы.

— Доброта. Я знаю, она потрясает. И в толк не возьмешь, что делать. Переворачивает отношения между людьми с ног на голову. Черт знает, что такое!

— Господи, почему вы не можете говорить, как все люди?

— Рассказывай дальше.

— Ну. я чувствовал, что должен выложить ему все начистоту. Я знал, что не успокоюсь, пока не оправдаю себя в его глазах. Когда я добрался до его дома, я там, верно, целую вечность простоял, собираясь с духом; мне было страшно входить к нему, но я все же заставил себя это сделать. Я подумал, что если он тогда меня не убил, теперь уж не убьет. Я помнил, что он не запирает двери. В первый раз, когда я у него был, он просто повернул ручку, и мы вошли. Но все равно сердце чуть не выскакивало у меня из груди, пока я пробирался по коридору. Темно там было, хоть глаза выколи. Я позвал его по имени, но он не ответил. Я добрался ощупью до его комнаты и постучал. Почему–то был уверен, что он не спит. Я снова

постучал, потом крикнул: «Эрик! Эрик!» Вернее, пытался крикнуть, в горле у меня пересохло, и я каркал как ворон. Почему он не отвечает? Может быть, ждет меня там, внутри, прислушивается Перетрусил я страшно, уже подумал было махнуть рукой на все это и убежать, но остался. Подергал задвижку, дверь была отперта. Я ничего не видел. Снова позвал его и сказал: «Ради всего святого, Эрик, ответь мне». Потом зажег спичку и тут я так и подскочил, прямо душа ушла в пятки. Он лежал на полу у моих ног, ступи я еще шаг, и я бы о него споткнулся. Я выронил спичку, и опять ничего не стало видно. Я кричал на него. Думал, он потерял сознание, или напился до смерти, или еще что–нибудь. Я попытался зажечь еще одну спичку, но проклятая штука не загоралась, а когда наконец загорелась, я приблизил ее к нему, и… о Боже!., выстрел разворотил ему полголовы. Спичка погасла, я зажег другую. Увидел лампу и зажег се. Стал на колени и пощупал его руку. Она была совсем теплая. В другой руке он сжимал револьвер. Я тронул его щеку, проверить, может, он еще жив. Все кругом было в крови. Господи, я в жизни не видел такой раны! А потом я со всех ног побежал сюда. До конца своих дней буду помнить эту картину.

Фред закрыл лицо и, терзаемый горем, стал качаться взад- вперед. Затем, не удержавшись, всхлипнул и, снова кинувшись в кресло, отвернулся от доктора, зарыдал. Доктор Сондерс дал ему выплакаться. Он потянулся за сигаретой, зажег ее и глубоко втянул дым.

— Ты потушил лампу? — спросил он немного погодя.

— При чем тут лампа?! — раздраженно вскричал Фред. — Дурацкий вопрос.

— Впрочем, не важно. Он мог с таким же успехом застрелиться при свете, как и в темноте. Странно, что никто из боев ничего не услышал. Верно, подумали: какой–нибудь китаец пускает фейерверк.

Фред не слушал доктора. Всё, что тот говорил, не имело никакого значения.

— Почему, ради всего святого, он это сделал? — с отчаянием вскричал он.

— Он был помолвлен с Луизой.

Слова доктора произвели поразительный эффект. Фред одним прыжком вскочил на ноги, лицо сделалось синевато-серым. Глаза чуть не вылезли из орбит.

— Эрик? Он ни словом не обмолвился…

— Наверное, полагал, что тебя это не касается.

— Она тоже ничего не сказала. Ни словечка. О Боже, если бы я знал, я бы и на милю к ней не подошел. Вы нарочно так говорите. Это неправда, неправда!

— Он сам мне сказал.

— Он очень ее любил?

— Очень.

— Почему же он убил не меня или ее, а себя?

Доктор Сондерс рассмеялся.

— Любопытно, правда?

— Не смейтесь, ради всего святого. Я так несчастен. Я думал, хуже того, что со мной было, быть не может. Но это… Она для меня ничто, правда. Если бы я знал, мне бы и в голову не пришло за ней ударять. Лучший друг, какого может желать парень! Я бы не причинил ему боли ни за что на свете. Ну и скотина я был в его глазах! Он так хорошо ко мне относился!

Слезы снова наполнили его глаза и медленно поползли по щекам. Он горько заплакал.

— Ну, не подлая ли штука жизнь? Делаешь что-нибудь и не задумываешься, а потом приходится платить за это втридорога. Надо мной, видно, висит проклятие.

Фред поглядел на доктора; губы его дрожали, красивые глаза налились скорбью. Доктор

Сондерс прислушался к собственным чувствам. Попенял себе за легкое удовольствие, которое доставляло ему горе Фреда. Он вполне заслужил свои страдания, так ему и надо. Вместе с тем вопреки рассудку доктору было его жаль. Мальчик выглядел таким юным и безутешным, что невольно трогал его сердце.

— Ты свыкнешься с этим, — сказал он. — Нет такой вещи на свете, с которой нельзя свыкнуться.

— Лучше бы я умер. Мой старик говорил, что я никчемный человек. Так оно и есть. Где бы я ни оказался, от меня один вред. Но тут, клянусь Богом, я не виноват. Чертова девка! Зачем она приставала ко мне? Можете вы поверить, чтобы девушка, помолвленная с таким парнем, как Эрик, легла в постель с первым встречным! Одно хоть хорошо — он от нее избавился.

— Что ты плетешь!

— Может, я и последняя шваль, все равно, она еще хуже. Я думал, что смогу начать сначала, а теперь все пошло в тартарары.

Он приостановился на мгновение.

— Помните ту телеграмму, что я получил сегодня утром? В ней мне сообщили одну новость. Это было так странно, я сперва ничего не понял. В Батавии меня ждет письмо. Мне теперь туда можно.

Сперва это меня потрясло. Я не знал, смеяться мне или плакать. В телеграмме сказано, что я умер от скарлатины в инфекционных бараках в пригороде Сиднея. Но потом до меня дошло, что это значит. Мой папаша — важная шишка в Новом Южном Уэльсе. У нас была сильная эпидемия. Они сунули в больницу под моим именем какого- то бедолагу, надо же было объяснить, почему я не хожу в контору и всякое такое, а когда тот умер, я умер тоже. Насколько я знаю своего старика, он был чертовски рад от меня избавиться. Что ж, теперь кто–то уютненько лежит в нашей усыпальнице. Папаша — удивительный организатор. Он, и никто другой, сумел удержать власть в руках нашей партии. Он не станет ставить себя под удар без надобности, а пока я гулял по земле, он. наверное, не чувствовал себя вполне спокойно. На последних выборах старое правительство опять прошло. Подавляющим большинством голосов. Вы читали в той газете? Так и представляю его с черным крепом на рукаве.

Фред безрадостно рассмеялся.

И тут доктор Сондерс внезапно спросил:

— Что ты натворил?

Фред отвернулся и ответил тихим, сдавленным голосом:

— Убил человека.

— Я бы на твоем месте об этом не болтал, — сказал доктор.

— Вы что–то больно спокойно на это смотрите. Часом сами не убили кого–нибудь?

— Только профессионально.

Фред быстро взглянул на него, и на его губах против воли появилась вымученная улыбка.

— Странный вы человек, док. Вас не разберешь. Когда с вами говоришь, кажется: ничто не имеет ровно никакого значения. Есть ли хоть что–нибудь, что было бы для вас важно? Есть ли хоть что–нибудь, во что вы верите?

— Почему ты его убил? Ради шутки?

— Хорошенькая шутка! Через что только я не прошел! Удивляюсь, как я не поседел. Понимаете, это все время висело надо мной. Я не мог забыть, не мог об этом не думать. Случалось, мне бывало хорошо, я чувствовал себя бодро и весело, и вдруг все снова всплывало в памяти. Порой я боялся ложиться спать. Ночь за ночью мне снилось, что меня связали по рукам и ногам и сейчас должны повесить. Сколько раз я готов был прыгнуть за борт и плыть, пока не лишусь сил и утону или попаду в пасть акуле. Если бы вы знали, какое я испытал облегчение, когда получил телеграмму

и додумался, что она означает! Вот уж истинно — гора с плеч! Наконец я в безопасности. Знаете, даже на люггере мне все время было тревожно, а уж когда мы приставали к берегу, я только и ждал, что меня схватят. В первый раз, когда я вас увидел, я решил, что вы — сыщик и напали на мой след. Знаете, какая была моя первая мысль сегодня утром? «Теперь я могу спать спокойно». Надо же было случиться такому! Говорю вам, на мне лежит проклятие.

— Не болтай ерунды.

— Как мне быть? Куда деваться? Ночью, когда мы с Луизой лежали в объятиях друг друга, я подумал: почему бы мне не жениться на ней и не остаться здесь? Парусник очень бы нам пригодился. А Николс мог бы вернуться на одном корабле с вами. Вы бы получили в Батавии письмо, которое меня там ждет. В нем наверняка кое–какие деньжата. Мать уж заставила старика хоть что–нибудь мне послать. Я думал, хорошо бы нам с Эриком стать компаньонами.

— Это теперь невозможно, а вот жениться на Луизе — да.

— Мне жениться на ней! — вскричал Фред. — После того, что случилось? Да я видеть ее не могу. Мне даже думать о ней противно. Я никогда се не

прошу. Никогда.

— Что же ты тогда собираешься делать?

— Одному Богу известно. Домой мне путь заказан. Я умер и похоронен в семейном склепе. Мне бы хотелось снова увидеть Сидней, Джордж–стрит и Мэнли–бей. У меня не осталось теперь никого на свете. Я очень хороший бухгалтер, без ложной скромности. Верно, могу получить место в какой- нибудь конторе. Ума не приложу, куда мне ехать. Я словно бездомный пес.

— На твоем месте я прежде всего вернулся бы на «Фентон» и попытался немного поспать. Ты совершенно измучен. Утром тебе будет легче во всем разобраться.

— Не могу я туда вернуться. Я ненавижу люггер. Если бы вы знали, сколько раз я просыпался в холодном поту, потому что мне снилось, как открывают дверь камеры, чтобы вести меня на виселицу! А теперь Эрик лежит с размозженным черепом. Господи, как будто я смогу уснуть!

— Ну, так приляг в этом кресле. Я иду спать.

— Спасибо. Ложитесь. Вам не помешает, если я закурю?

— Я тебе помогу. Что толку лежать без сна?

Доктор вынул шприц и впрыснул Фреду морфий. Затем погасил лампу и забрался под сетку

от москитов.

Глава двадцать седьмая

Доктор проснулся, когда А-Кай принес ему чашку чаю. А-Кай отдернул сетку и поднял жалюзи, чтобы впустить в комнату день. Окна выходили в запущенный, одичавший сад, где росло несколько пальм, банановые деревья, огромные широкие листья которых все еще блестели росой после ночи, и растрепанные, но все же великолепные коричные деревья. Комната наполнилась зеленоватым светом и прохладой. Доктор закурил сигарету. Фред лежал в шезлонге. Он все еще спал, и в его гладком мальчишеском лице, таком спокойном сейчас, была чистота, в которой доктор, не без язвительной насмешки над самим собой, нашел своеобразную прелесть.

— Разбудить его? — спросил А-Кай.

— Не надо.

Пока он спал, на душе у него был покой. Пробуждение принесет ему горе. Странный мальчик. Кто бы мог подумать, что он окажется так чуток к Доброте? Ведь хотя сам он этого не понимал, хотя он облекал свои чувства в неловкие, корявые слова, сомнений нет — потрясла его в Эрике, вызвала

самому ему непонятное восхищение, заставила увидеть, что тот не такой, как все, не что иное, как простая, бесхитростная Доброта, горевшая в датчанине ровным и ясным светом. Можно было считать Эрика нелепым, можно было спрашивать себя смущенно, не уступает ли чуть–чуть его ум сердцу, но одно не вызывало сомнений — он обладал, один Бог знает благодаря какому стечению обстоятельств, истинной добротой. Это было его главное отличительное свойство. Совершенное само в себе. Оно оказывало эстетическое воздействие, и Фред, этот заурядный паренек, не столь уж чувствительный к красоте в ее обычных формах, был приведен в экстаз, как мистик, сподобившийся лицезреть божество. Удивительная это была у Эрика черта.

— Ни к чему хорошему она не ведет, — сказал сам себе доктор с хмурой улыбкой, поднимаясь с постели.

Он подошел к зеркалу и уставился в него. Он глядел на свои седые волосы, растрепанные со сна, на седую щетину, выросшую после вчерашнего бритья. Раскрыл рот, чтобы поглядеть на длинные желтые зубы. Под глазами отвисали мешки. По щекам змеились багровые жилки. Доктора охватило отвращение. Почему из всех

живых существ время так чудовищно уродует только человека? Грустно было думать, что А-Кай, прекрасный, как изящная статуэтка из слоновой кости, превратится в высохшего и морщинистого китайца, а Фред Блейк, такой стройный, гибкий, широкоплечий, будет краснолицым, лысым стариком с головой, как колено, и толстым пузом. Доктор побрился и принял ванну. Затем разбудил Фреда.

— Хватит спать, молодой человек. А-Кай пошел готовить завтрак.

Фред сразу открыл глаза, готовый, как все мы в юности, приветствовать наступающий день, но, оглядевшись, тут же вспомнил, где он и все, что произошло. Лицо его сделалось хмурым.

— Ну же, встряхнись, — нетерпеливо проговорил доктор. — Пойди умойся.

Через десять минут они уже сидели за завтраком, и доктор заметил, отнюдь не удивляясь, что Фред ест с завидным аппетитом. Молча. И слава Богу. После тревожной ночи доктор Сондерс чувствовал себя неважно. Он сейчас довольно кисло смотрел на жизнь и предпочитал держать свои мысли при себе.

Когда они кончали завтракать, в комнату вошел управляющий и обратился к доктору Сон-

дерсу с пространной речью. Он знал, что доктор не понимает по–голландски, однако продолжал говорить, и его жесты и мимика были бы достаточно красноречивы, даже если бы взволнованный голос и расстроенный тон не сделали его слова еще более ясными. Доктор Сондерс пожал плечами, будто не имеет никакого понятия, о чем толкует ему управляющий, и вскоре, отчаявшись, тот их покинул.

— Все известно, — сказал доктор.

— Каким образом?

— Бог весть. Вероятно, бой, который прислуживал в доме, принес утром Кристессену чай.

— Неужели здесь нет никого, кто мог бы перевести?

— Мы все скоро узнаем. Не забудь: ни ты, ни я не в курсе дела.

Они погрузились в молчание. Несколько минут спустя управляющий вернулся вместе с голландским чиновником в белой форме с медными пуговицами; щелкнув каблуками, он назвал какое–то непроизносимое имя. По–английски он говорил с очень сильным акцентом.

— Должен вам с прискорбием сообщить, что датский торговый агент по имени Кристсссен застрелился.

— Кристессен? — воскликнул доктор. — Этот высокий парень?

Уголком глаза он следил за Фредом.

— Бои нашли его мертвым час тому назад. Мне поручено расследовать это дело. Нет никакого сомнения в том, что он покончил с собой. Мистер Ван–Рик, — он указал на управляющего, — говорит, что Кристессен заходил к вам вчера вечером.

— Совершенно верно,

— Сколько он у вас пробыл?

— Минут десять или пятнадцать.

— Он был трезв?

— Абсолютно.

— Я и сам никогда не видел его пьяным. Он не произносил чего–нибудь, указывающего на то, что он собирается лишить себя жизни?

— Нет. Он был очень весел. Я не был с ним близко знаком. Мы прибыли сюда всего три дня назад. Я жду «Принцессу Юлиану».

— Да, я знаю. Значит, вы никак не можете объяснить эту трагедию?

— Боюсь, что нет.

— Это все, что я хотел выяснить. Если мне понадобится от вас еще что–нибудь, я вам передам. Вы не возражаете против того, чтобы зайти ко

мне в контору? — Он взглянул на Фреда. — А этот джентльмен тоже ничего не может нам рассказать?

— Ничего, — ответил доктор. — Его здесь не было. Я играл в карты со шкипером люггера, который стоит в гавани.

— Я видел судно. Мне очень жаль бедного юношу. Он был такой тихий, не причинял нам никаких хлопот. Его здесь все любили. Боюсь, что это старая история. В таких местах нельзя жить одному. Начинаешь задумываться. Начинаешь тосковать по дому. Особенно убийственно действует жара. И наступает день, когда не можешь всего этого больше вынести и пускаешь себе пулю в лоб. Я видел это уже не раз. Куда лучше завести себе девушку; и тратиться на нее почти не надо. Ну, джентльмены, весьма вам обязан. Не буду больше отнимать у вас время. Вы еще, кажется, не были в «Gesellschaft»[47], нет? Будем очень рады вас там видеть. Вы найдете там все лучшее общество нашего острова с шести–семи вечера до девяти. Веселое местечко. Настоящий центр светской жизни. Всего хорошего, джентльмены.

Он щелкнул каблуками, пожал руки доктору и

---

[47] Примечания: 47
Общество, здесь: клуб (нем.).

Фреду и, тяжело ступая, вышел из комнаты.

Глава двадцать восьмая

В этих жарких краях между смертью человека и его погребением обычно проходит очень мало времени, но в данном случае тело должно было быть освидетельствовано, поэтому хоронили Эрика уже под вечер. Его провожали в последний путь несколько друзей–голландцев, Фрис, доктор Сондерс, Фред Блейк и капитан Николс. Такие церемонии были по душе шкиперу, для него не могло быть более приятного события. Он ухитрился занять черный костюм у кого–то, с кем познакомился на острове. Костюм был ему велик, так как принадлежал человеку гораздо выше и толще, чем капитан, и ему пришлось подогнуть штанины и завернуть рукава, но по контрасту со всеми прочими, одетыми самым не соответствующим образом, он имел весьма почтенный вид. Отпевание шло на голландском языке, что показалось капитану не совсем уместным, и он не смог принять в нем участия, но он сделал постную физиономию и, когда закончилась печальная процедура, пожал руку лютеранскому пастору и двум или трем присутствовавшим там

голландским чиновникам, так что те чуть было не подумали, уж не родственник ли он умершему. Фред плакал.

Четверо британцев ушли с похорон вместе. Они направились к гавани.

— Если вы, джентльмены, подниметесь на борт «Фентона», я открою для вас бутылку портвейна. Я случайно увидел ее сегодня в лавке, а я всегда считал, что портвейн — самая подходящая вещь после похорон. Я хочу сказать, это вам не пиво и не виски. В нем есть что–то солидное.

— Мне никогда это не приходило в голову, — сказал Фрис, — но я вполне понимаю, что вы имеете в виду.

— Я не пойду, — сказал Фред, — у меня погано на душе. Можно мне с вами, доктор?

— Если хочешь.

— У нас у всех погано на душе, — сказал капитан Николс, — вот потому я и предлагаю распить бутылку портвейна. На душе от этого лучше не станет никоим образом, уж если что и изменится, так в худшую сторону, говорю по личному опыту, но все же вы получите свое удовольствие, а раз так — коли вы следите за моей мыслью — вино не пропадет зря.

— К черту! — сказал Фред.

— Пошли, Фрис. Коли вы тот человек, за кого я вас принимаю, мы с вами выпьем вдвоем бутылку портвейна и не надорвемся.

— Мы живем в пору упадка, — сказал Фрис. — Люди, которые могут выпить бутылку на двоих, вымерли, как дронт[48].

— Австралийская птица, — пояснил капитан Николс.

Они сели в шлюпку, и матрос отвез их на «Фентон». Фред и доктор медленно двинулись дальше, к гостинице.

— Можно к вам? — спросил Фред.

Доктор налил себе виски с содовой и дал стакан виски Фреду.

— На рассвете мы отплываем, — сказал тот.

— Да? Ты видел Луизу?

— Нет.

— И не собираешься?

— Нет.

Доктор Сондерс пожал плечами. Ему–то что. Несколько минут они молча курили, прихлебывая виски.

— Я уже столько вам рассказал, — проговорил наконец Фред, — что могу с тем же успехом до-

---

[48] Примечания: 48

Птицы отряда голубей, жившие на некоторых островах Индийского океана; вымерли в XVII веке.

сказать до конца.

— Я не любопытен.

— Мне очень нужно кому–нибудь рассказать. Иногда я с трудом удерживаюсь, чтобы не выложить все Николсу. Слава Богу, этой глупости я не сделал. Лучшей возможности для шантажа ему было бы трудно найти.

— Да, он не из тех людей, кого я выбрал бы себе в наперсники.

Фред презрительно хмыкнул.

— Положа руку на сердце, я ни в чем не виноват. Просто мне жутко не повезло. Надо же, чтобы вся твоя жизнь полетела к чертям из–за чистого случая. Это дьявольски несправедливо. Мои родичи занимают очень хорошее положение. Я служил в одной из лучших фирм Сиднея. Через некоторое время отец собирался купить мне в ней пай, и я стал бы одним из совладельцев. Он очень влиятельный человек и мог бы подкидывать мне выгодные сделки. Я смог бы зарабатывать кучу денег, рано или поздно нашел бы себе жену и остепенился. Возможно, занялся бы политикой, как отец. Если у кого были все шансы сделать карьеру, так это у меня. А что я теперь? Без дома, без имени, без видов на будущее, две сотни фунтов в поясе да то, что родитель послал в Батавию. Ни

единого друга во всем мире.

— У тебя есть молодость. У тебя есть кое–какое образование. И ты не урод.

— Это самое смешное. Если бы я был косой и горбатый, все было бы в порядке. Я был бы сейчас в Сиднее. Вы не отличаетесь красотой, доктор.

— Это для меня не новость. Я давно смирился с этим.

— Смирились с этим! Благодарите за то свою счастливую звезду.

Доктор Сондерс улыбнулся.

— Ну, так далеко заходить я не стану.

Но глупый мальчишка говорил абсолютно всерьез.

— Я не хочу, чтобы вы считали меня тщеславным. Видит Бог, мне кичиться нечем. Но знаете, я всегда мог заполучить любую девчонку, которая мне приглянется. Еще с тех пор, как был совсем желторотым птенцом. Мне это нравилось. В конце концов, мы молоды один раз в жизни. Я не понимал, почему бы мне не позабавиться, если могу. Вы меня порицаете?

— Нет, тебя осудят лишь те, кто не имел твоих возможностей.

— Я никогда и пальцем не пошевелил, чтобы их заполучить. Они буквально вешались мне на

шею. Что же мне было — отказываться? Я был бы дураком, если бы не брал го, что само шло в руки. Мне иногда трудно было удержаться от смеха, до того они распалялись; я прикидывался, будто ничего не замечаю. Они готовы были меня разорвать. Девчонки странный народ, они просто бесятся, если парень не обращает на них внимания. Понятно, я не давал всему этому мешать моей работе. Я, знаете, не дурак, можете мне поверить, хотел добиться успеха.

— Ты у родителей единственный, да?

— Нет. У меня есть брат. Он младший компаньон отца. Женат. И есть еще замужняя сестра… Так вот. Однажды, в прошлом году, один тип привел к нам в воскресенье свою жену. Его звали Хадсон. Он был католик и пользовался большим влиянием среди ирландцев и итальянцев. Отец сказал, что от него во многом зависят результаты выборов, и велел матери оказать им соответствующий прием. Они пришли к обеду, еще пришел премьер–министр с женой, мать столько всего на стол выставила, хватило бы на целый полк. После обеда отец забрал мужчин к себе в кабинет поговорить о делах, а все остальные вышли в сад. Я хотел пойти удить, но отец сказал, чтобы я остался и был поучтивее. Мама и миссис Дарнс

учились вместе в школе…

— Кто это — миссис Дарнс?

— Мистер Дарнс — премьер–министр. Самый большой человек в Австралии.

— Прошу прощения. Не знал.

— Им всегда находилось о чем поболтать. Они старались быть любезны по отношению к миссис Хадсон, но я видел, что она им не симпатична. Она из кожи вон лезла, чтобы быть им приятной, восхищалась всем подряд и льстила без удержу, но чем больше она старалась, тем меньше это им нравилось. Наконец мать спросила, не покажу ли я нашей гостье сад. Только мы отошли от них, она говорит: «Ради Бога, дай мне сигарету». Когда я поднес ей спичку прикурить, она взглянула на меня и сказала: «А ты очень красивый мальчик». — «Вы считаете?» — спрашиваю я. «Наверное, тебе не раз уже говорили об этом?» — «Только мама, — отвечаю я, — и я думал, что, во «можно, она пристрастна». Она спросила меня, люблю ли я танцевать, и я ответил: да, а она сказала, что будет завтра пить чай в «Австралии», не хочу ли я прийти туда после работы потанцевать. Мне это не очень–то улыбалось, и я сказал, что не смогу; тогда она спрашивает: «А как насчет среды или вторника?» Не мог же я сказать, что занят оба дня,

и я ответил, что среда мне подойдет. Когда Хадсоны уехали, я рассказал об этом матери и отцу. Маме не очень–то это пришлось по вкусу, но отец был руками и ногами «за». Он сказал: его никак не устраивает, чтобы мы корчили из себя гордецов. «Мне не нравится, как она глядела на мальчика, — возразила мать, — глаз не спускала весь вечер», но отец велел ей не болтать глупостей. «Она ему в матери годится, — сказал он. — Сколько ей лет?» Мама сказала: «Да уж наверняка за сорок».

Красавицей ее назвать было нельзя, куда там, и глядеть было не на что. Тощая как щепка. Жилистая шея. Выше среднего роста. Лицо длинное, худое, с впалыми щеками, кожа смуглая, без румянца и довольно грубая. За волосами она не следила, всегда казалось, что они вот–вот рассыплются, вечно какая–нибудь прядь висела на лбу или виске. *Я* люблю, когда женщины аккуратно причесаны. А вы? Волосы у нее были черные, как у цыганки, и огромные черные глаза. Они и были ее лицо. Когда ты с ней разговаривал, ты не видел ничего, кроме глаз. Она совсем не похожа была на англичанку, скорее на мадьярку или что–нибудь вроде этого. В ней не было ничего привлекательного.

Ну, в среду я пошел в клуб. Танцевать она уме-

ла, ничего не скажешь. Знаете, я очень люблю танцевать. Я получил больше удовольствия, чем ожидал. У нее были свои достоинства. Я неплохо провел бы время, если бы туда не пришел кое–кто из моих дружков. Я знал, что они до смерти меня засмеют за то, что я целый вечер протанцевал со старухой. Ну, танцевать можно по–разному. Я сразу увидел, к чему она ведет. И чуть не рассмеялся. Бедная старая корова, подумал я, если это доставит ей удовольствие, что ж, мне не жалко. Как–то она пригласила меня вечерком в кино, когда ее муж должен был уйти на собрание. Я сказал, что не возражаю, и мы условились встретиться. В кино я держал ее за руку, думал, ей будет приятно, а мне от этого никакого вреда. После кино она сказала: «А не прогуляться ли нам пешком?» Мы к тому времени были уже друзьями, она интересовалась моей работой, расспрашивала о доме, о семье. Мы говорили о скачках. Я сказал, что больше всего на свете хочу сам участвовать в больших скачках. В темноте она выглядела совсем неплохо, и я ее поцеловал. Ну, кончилось все тем, что мы отправились в одно известное мне местечко и устроили небольшую схватку. Я пошел на это больше из вежливости, не из чего другого. Думал — будет конец. Как бы не так! Она была от меня

без ума. Сказала, что влюбилась с первого взгляда. Не скрою, сперва мне это польстило. В ней что–то было. Эти огромные сверкающие глаза! Порой они вызывали во мне какое–то странное чувство. И весь ее вид, как у цыганки. Я не знаю, все это было так необычно, казалось, ты где–то в далеких краях, а не в добром старом Сиднее; словно попал на страницы книги о бунтовщиках и великих князьях и не знаю еще о чем. Я полагал, я в этой забаве кое- что понимаю, но когда она взяла меня в свои руки, оказалось, что я — сущий младенец. Я не так уж разборчив, но, право, иногда она вызывала во мне просто отвращение. А она собой гордилась. Говорила, что после нее все женщины покажутся безвкусными, как холодная баранина.

Ну, в каком–то смысле мне это нравилось, но было, знаете, как–то не по себе. Не очень это приятно, когда женщина совершенно бесстыдна. И удержу на нее не было. Она заставляла меня встречаться с ней каждый день, звонила мне в контору, звонила домой. Я просил ее быть поосторожнее. В конце концов, она должна помнить о муже, а у меня есть отец и мать; отцу ничего не стоило отправить меня на овечье пастбище, если он заподозрит неладное, но она говорила, что ей все равно и если меня отправят пасти овец, она

поедет со мной. Она ничего не боялась, и если бы не я, о нас уже через неделю болтали бы по всему Сиднею. Она звонила матери и спрашивала, не могу ли я прийти к ней поужинать и составить партию в бридж — ей не хватает четвертого игрока. А когда я приходил, занималась со мной любовью под носом у мужа. Когда она видела, что я боюсь, она смеялась до упаду. Ее это возбуждало. Пат Хадсон относился ко мне как к мальчишке; особого внимания он на меня не обращал. Мнил, что хорошо играет в бридж, и очень любил учить меня, как надо играть. Мне он даже нравился. Он вышел из самых низов и был не дурак выпить, но глупым его никто бы не назвал. Он был честолюбив, и ему льстило, что я у них бываю, из–за того, что я — сын своего отца. Он был не прочь стакнуться с отцом, но хотел выгадать на этом для себя что–нибудь существенное.

Мне все это стало надоедать, я был сыт по горло. Я сам себе не принадлежал. А ревнивая! Если мы были с ней где–нибудь и я случайно бросал взгляд на девушку, она тут же начинала: «А это кто? А почему ты так на нее смотришь? Ты с ней спал?» А когда я говорил, что в жизни словечком не перемолвился, она называла меня проклятым лгуном. Я решил, что надо спускать это дело на

тормозах. Я не хотел рвать с ней разом, боялся, как бы она не взбесилась. Она из Хадсона веревки вила, и я знал, отец не будет в восторге, если тот подложит нам на выборах свинью. Я стал говорить, что занят в конторе или должен остаться дома, когда она хотела куда–нибудь со мной пойти. Я говорил, что мама что–то подозревает и надо быть поосторожнее. Но она видела меня насквозь. Не верила ни одному слову. Устраивала мне ужасные сцены. Сказать по правде, я начал побаиваться ее. Я еще не встречал таких людей. Девчонки, с которыми я раньше развлекался… ну, они, как и я, знали, что это просто так, забава, и все кончалось само собой, без шума и хлопот. Другая бы давно догадалась, что с меня хватит, и хотя бы из гордости перестала липнуть ко мне. Черта с два! Как раз наоборот. Вы знаете, она хотела, чтобы мы с ней сбежали в Америку или еще куда–нибудь и там поженились. Ей, видно, и в голову не приходило, что она на двадцать лет старше меня. Всё это было так нелепо. Я говорил, что об этом и думать нечего из–за выборов и потому, что нам не на что будет жить. Она не слушала никаких резонов. Говорила, что нам за дело до выборов, а заработать себе на хлеб в Америке всякий может. Говорила, будто играла раньше на сцене и

уверена, что сумеет получить роль. Казалось, она все еще считает себя молодой. Спросила, женился бы я на ней, если бы она не была замужем, и я вынужден был сказать: «Да». Сцены, которые она мне закатывала, довели меня до такого состояния, что я был готов сказать что угодно. Вы не представляете, какую она мне устроила собачью жизнь. И надо же было мне с ней познакомиться! Меня все это так тревожило, я просто не знал, что и придумать. Хотел было рассказать обо всем матери, но знал, что это ее ужасно расстроит. А она не оставляла меня в покое ни на минуту. Один раз даже пришла в контору. Я должен был держаться любезно, делать вид, будто все в порядке, потому что знал: она способна устроить сцену у всех на глазах, но потом я ей сказал — если это еще раз повторится, между нами все кончено. Тогда она стала поджидать меня на улице у двери. Господи, я готов был свернуть ей шею. Отец возвращался домой в машине, и обычно я заходил за ним в контору, чтобы ехать вместе, так она непременно хотела идти со мной. Наконец дошло до того, что я просто не мог больше терпеть. Решил: будь что будет, скажу ей, что все это мне до смерти надоело и надо ставить точку.

Я твердо решил, что скажу ей это, и сказал. Гос-

поди, это было ужасно! Я пошел к ней. У них был небольшой домик, окнами на гавань, довольно далеко от города, на крутом обрыве. и я специально отпросился из конторы днем, чтобы с ней поговорить. Она рыдала, кричала, она говорила, что любит меня и не может без меня жить, и еще кучу всяких вещей. Сказала, сделает все, что я хочу, и не будет мне больше надоедать, станет совсем другой. Обещала мне все на свете. Чего она только не говорила! А потом она пришла в ярость, стала проклинать меня, называла самыми последними словами.

Кинулась на меня, пришлось схватить ее за руки, чтобы она глаза не выцарапала. Она совсем обезумела. Потом она сказала, что покончит с собой, и попыталась выбежать из дому. Я подумал, как бы она не бросилась с обрыва или еще что–нибудь, и стал силой удерживать се. Она вырывалась изо всей мочи. Затем кинулась на колени и принялась целовать мне руки, а когда я оттолкнул ее, упала на пол и зарыдала. Я воспользовался случаем и улизнул.

Не успел я добраться до дому, как она мне звонит. *Я* не захотел с ней разговаривать и дал отбой. Она звонила раз за разом. К счастью, матери не было дома, и я не снимал трубку. На следующее

утро в конторе меня ждало письмо, ни много ни мало страниц десять, знаете, как это бывает. Я и читать не стал, отвечать я, естественно, не собирался. Когда в час дня я вышел, чтобы съесть свой ленч, она ждала меня на пороге, но я быстро прошел мимо и смешался с толпой. Я подумал, что она будет там, когда я пойду обратно, поэтому пошел вместе с одним парнем из нашей конторы, который завтракал там же. где я. Я не ошибся, она не уходила, но я притворился, будто не заметил ее, а она побоялась заговорить со мной. Вечером я вышел опять не один. Она была там. Я думаю, она прождала весь день, чтобы не дать мне ускользнуть. Представляете, у нее хватило наглости подойти прямо ко мне. Она заговорила таким светским тоном!

— Как поживаете, Фред? — сказала она. — Мне повезло, что я вас встретила. Мне надо передать кое–что вашему отцу.

Парень, с которым я шел, двинулся дальше, я не мог его остановить и оказался вдовушке.

— Чего тебе надо? — спросил я.

Я был вне себя от ярости.

— О Боже, не говори со мной так, — сказала она. — Пожалей меня. Я так несчастна! У меня в глазах мутится.

— Сочувствую, — сказал я, — но помочь не могу.

Тогда она принялась плакать прямо на улице, на виду у прохожих. Я был готов убить ее.

— Фред, это немыслимо, — сказала она. — Ты не можешь вот так бросить меня. Ты для меня все на свете.

— Не болтай глупости, — сказал я. — Ты старая женщина, а я еще мальчишка. Постыдилась бы.

— Какое все это имеет значение? — сказала она. — Я люблю тебя до безумия.

— Ну, а я тебя не люблю, — сказал я. — Мне глядеть на тебя тошно. Говорю тебе: между нами все кончено. Оставь меня в покое, ради Бога.

— Неужели я ничем не могу вызвать твою любовь?

— Нет, — сказал я. — Я сыт тобой по горло.

— Тогда я покончу с собой.

— Как знаешь, — ответил я и рванулся с места, прежде чем она успела меня остановить.

Но хоть я и говорил так, будто мне на все наплевать, у меня было очень неспокойно на душе. Говорят, кто грозится наложить на себя руки, никогда этого не сделает, но она была не похожа на других. По правде сказать, она была сумасшедшая. Она была способна на все. Могла пустить

себе пулю в лоб в саду под нашими окнами. Могла наглотаться яду и оставить какое–нибудь ужасное письмо. Могла обвинить меня в чем угодно. Понимаете, дело было не только во мне, я должен был и об отце подумать. Если я оказался бы в чем–нибудь замешан, это причинило бы ему огромный вред, особенно тогда, перед выборами. А он не из тех, кто прощает, если ты сваляешь дурака. Даром это тебе не пройдет. Поверьте мне, я в ту ночь почти не сомкнул глаз. Я места себе не находил. Я бы разозлился, если бы увидел утром, что она болтается на улице возле конторы, но в каком–то смысле у меня отлегло бы от сердца. Ее там не было. И письма мне тоже не было. Меня все сильнее разбирал страх, и я с трудом удерживался, чтобы не позвонить ей и выяснить, все ли в порядке. Когда принесли вечернюю газету, я так и кинулся за ней. Пат Хадсон был известной фигурой, и если бы с ней что–нибудь случилось, об этом напечатали бы во всех газетах. Но нет, ни одной строчки. В тот день я ничего о ней не узнал, она не показывалась, не звонила, не писала; то же самое — и на второй день, и на третий. Я уже начал думать, что все обошлось и я наконец от нее избавился. Решил, что она хотела поймать меня на пушку. Господи, как я был счастлив. Но я

получил хороший урок. Я решил, что в дальнейшем буду сама осторожность. Никаких пожилых женщин. Я весь издергался, у меня нервы стали никуда. Вы не представляете, какое я испытывал облегчение. Я не хочу изображать себя лучше, чем я есть, но, право, я все же чувствую, что пристойно, что нет, а эта женщина переходила все границы. Вам это покажется глупым, но иногда она просто пугала меня. Я не прочь позабавиться, но, черт побери, я не хочу вести себя по–скотски.

Доктор Сондерс слушал молча. Он прекрасно понимал, что Фред имел в виду. Беспечный и пылкий, он с бессердечием юности где мог срывал цветы удовольствия, но юность не только бессердечна, она и чиста, и разнузданная страсть опытной женщины оскорбляла его естественные чувства.

— А затем, дней десять спустя, я получил от нее письмо. Адрес был напечатан на машинке, не то я бы не вскрыл конверт. Но звучало оно вполне разумно. «Дорогой Фред», — начиналось оно. Она писала, как ей стыдно за все ужасные сцены, которые она устраивала мне, она думает, что просто была тогда не в себе, но теперь она успокоилась и больше не будет мне докучать. Она писала — дело в ее нервах, она отнеслась ко

мне слишком всерьез. Теперь все в порядке, и она не таит против меня зла. Писала, что я не должен винить во всем только ее, в какой–то мере я сам виноват, зачем я так немыслимо красив. Затем писала, что уезжает завтра в Новую Зеландию и пробудет там месяца три. Она заставила доктора сказать, что ей необходима полная перемена обстановки. И добавляла, что Пат отправляется на эту ночь в Ньюкасл, так не зайду ли я к ней на несколько минут попрощаться. Она дает честное слово, что не будет назойливой, со всем этим покончено, все осталось позади, но до Пата дошли кое–какие слухи, ничего важного, однако же лучше, если мы с ней будем говорить одно и то же, если он вдруг случайно станет меня о чем–нибудь расспрашивать. Она надеется, что я приду; конечно, для меня это не так уж важно, я в полной безопасности, но она может оказаться в довольно затруднительном положении, и ей, понятно, не хотелось бы попасть в беду, если можно этого избежать.

Я знал, что о поездке Хадсона она не солгала, мой старик говорил про нее за завтраком. Письмо выглядело совершенно нормальным. Иногда она писала так быстро и небрежно, что ничего нельзя было разобрать, но вообще–то почерк у

нее был хороший, и я видел, что когда она писала это письмо, она была совершенно спокойна. Меня немного встревожили слова насчет Пата. Она часто ужасно рисковала, хотя я каждый раз предостерегал ее. Но она и слышать ничего не хотела. Если он действительно о чем–нибудь дознался, лучше нам держаться одинаковой версии, и — «кто предостережен, тот вооружен», не правда ли? Поэтому я позвонил ей и сказал, что буду у нее около шести. Говорила она таким небрежным тоном, что я даже удивился. Казалось, ее не очень–то волнует, приду я или нет.

Когда я пришел, она пожала мне руку, словно мы просто друзья. Спросила, не хочу ли я чаю, я сказал, что уже пил чай перед приходом сюда. Она заметила, что не задержит меня надолго, так как идет в кино. Она была принаряжена для выхода. Я спросил ее, в чем там дело с Патом, и она ответила — ничего серьезного, просто ему сказали, что нас с ней видели вместе в кино, и ему это не очень понравилось. Она объяснила ему, что это чистая случайность. Один раз я увидел ее в зале одну, подошел и сел рядом, а другой раз мы встретились в фойе и, так как она была без спутника, заплатил за ее билет, и мы заняли соседние места. Она считала, что Пат вряд ли станет об

этом упоминать, но если вдруг он меня спросит, надо, чтобы я подтвердил ее слова. Я сказал — конечно. Она назвала те числа, про которые он спрашивал, чтобы я знал, и принялась говорить о своей поездке в Зеландию. Она хорошо знала эту страну и стала мне о ней рассказывать. *Я* никогда там не бывал. По ее рассказам, там было чудесно. Она собиралась остановиться у друзей и так забавно рассказывала о них, что я не мог удержаться от смеха. Она бывала очень славной, когда хотела. С ней было весело, когда она была в хорошем настроении, этого у нее не отнимешь, я и не заметил, как время прошло. Она была такой, как тогда, когда мы впервые встретились. Наконец она встала и объявила, что ей пора идти. Я пробыл там с полчаса, может быть, минут сорок пять. Она протянула мне руку и, посмеиваясь, взглянула на меня.

— От тебя не убудет, если ты поцелуешь меня на прощание, правда ведь? — сказала она.

Она говорила это, поддразнивая меня, и я рассмеялся.

— Думаю, что нет.

Я наклонился и поцеловал ее. Вернее, она поцеловала меня. Она обвила мою шею руками, и когда я попробовал высвободиться, не отпустила

меня. Она вцепилась в меня мертвой хваткой. А потом прошептала, раз уж она уезжает надолго завтра утром, не можем ли мы побыть вместе еще раз. Я сказал, что она обещала не приставать ко мне, а она ответила, что и не хотела приставать, но когда увидела меня, ничего не смогла с собой поделать, и клянется — это последний раз. В конце концов, ведь она уезжает, ну какое значение имеет, если это будет еще один разок. И все время она, не переставая, целовала меня и гладила мое лицо. Она твердила, что ни в чем меня не винит, она просто глупая женщина, неужели я не могу быть ласков с ней. Ну, понимаете, все сошло так хорошо, у меня стало так легко на сердце от того, что она, казалось, примирилась с нашим разрывом, что я не хотел быть жесток с ней. Если бы она оставалась в Сиднее, я не пошел бы на это ни за какие коврижки, но она уезжала, и я подумал: пусть уж она уедет счастливой.

— Хорошо, — сказал я, — пошли наверх.

Дом у них двухэтажный, спальня и комната для гостей находятся на втором этаже. За последнее время понастроили кучу таких домов вокруг Сиднея.

— Нет, — сказала она. — Там страшный беспорядок.

Она потянула меня к дивану. Диван у них большой и мягкий, есть где расположиться.

— Я тебя люблю, я тебя люблю, — повторяла она.

Вдруг дверь распахнулась. Я вскочил на ноги. Передо мной стоял Хадсон. Какой–то миг он был так же растерян, как я. Затем он закричал — я уж не помню что — и прыгнул. Он замахнулся кулаком, но я увернулся, я ловкий и занимался немного боксом; и тут он всем телом обрушился на меня. Мы сцепились. Он — крупный, сильный мужчина, больше меня, но я здорово крепкий. Он пытался сбить меня с ног, но я не намерен был ему поддаваться. Мы сцепились. Иногда он наносил мне удар, иногда я ему. Один раз мне удалось вырваться от него, но он кинулся на меня, как бык, и я пошатнулся. Мы перевернули все столы и стулья. Ну и драка это была! Я попробовал снова уйти от него, но не смог. Он подставил мне подножку, я еле удержался на ногах. Довольно скоро я понял, что он гораздо сильней. Но я более подвижный. Он был в пальто, а на мне оставалось только нижнее белье. Затем я оказался на полу, уж не знаю, сам я споткнулся или он силой меня свалил, и мы катались, как сумасшедшие. Он оказался сверху и стал бить меня по лицу, я ничего

не мог сделать и только старался закрыть лицо рукой. И тут я подумал, что мне пришел конец. Господи, ну и напугался же я! Я собрал все силы и вырвался от него, но он тут же снова насел. Я чувствовал, что начинаю сдавать; он наступил коленом мне на горло, и я понял, что вот–вот задохнусь. Я попробовал закричать и не смог. Я откинул в сторону правую руку и вдруг ощутил, что в нее кладут револьвер. Клянусь, я сам не понимал, что делаю, все это произошло в одну секунду. Я согнул руку и выстрелил. Он вскрикнул и отпрянул назад. Я снова нажал курок.

Он громко застонал и свалился на пол. Я перевернулся и вскочил на ноги. Я дрожал как лист.

Фред откинулся в кресле и закрыл глаза; доктор Сондерс подумал, что он сейчас потеряет сознание. Юноша побелел как полотно, на лбу выступили крупные капли пота. Он тяжело перевел дух.

— Меня словно оглушило. Я видел, что Флорри стала на колени, и хотите — верьте, хотите — нет, заметил, что она старается не испачкаться кровью. Она пощупала ему пульс и закрыла глаза. Встала.

— Я думаю, все в порядке, — сказала она. — Он мертв. — Она как–то странно взглянула на меня.

— Не очень–то было бы приятно, если бы пришлось его добивать.

Меня охватил ужас. Видно, я все еще был сам не свой, иначе я не ляпнул бы такую глупость:

— Я думал, он в Ньюкасле.

— Он не поехал туда, — сказала она. — Он получил телефонограмму.

— Какую телефонограмму? — спросил я. Я не понимал, о чем она говорит. — Кто ее послал?

— Я.

— Зачем? — спросил я. И тут меня вдруг осенило. — Ты хочешь сказать, ты все это заранее подстроила?

— Не будь дурачком, — сказала она. — Тебе теперь одно надо: не терять головы. Иди домой и спокойно ужинай вместе со всеми. А я пойду в кино, как и собиралась.

— Ты — сумасшедшая.

— Вовсе нет, — сказала она. — Я знаю, что делаю. Все будет в порядке, если станешь меня слушаться. Веди себя так, словно ничего не произошло, и предоставь все мне. Не забудь: если это выплывет наружу, тебя повесят.

Я так и подскочил, когда она это произнесла, потому что говорила она со смехом. Господи, этой женщине все как с гуся вода.

— Тебе нечего бояться, — продолжала она. — Я не дам и волоску упасть с твоей головы. Ты — моя собственность, а я умею присмотреть за тем, что мне принадлежит. Я тебя люблю. Я тебя хочу. И когда все пройдет и быльем порастет, мы с тобой поженимся. Глупенький, ты думал, я когда–нибудь от тебя откажусь?!

Клянусь, я почувствовал, как кровь леденеет у меня в жилах. Я был в ловушке и не видел никакого выхода. Я глядел на нее во все глаза. Язык прилип у меня к гортани. Никогда не забуду выражения ее лица. Внезапно она взглянула на мою рубашку; на мне не было ничего, кроме нее и кальсон.

— Ой, посмотри, — сказала она.

Я посмотрел на себя и увидел, что с одной стороны вся рубашка промокла от крови. Только я хотел притронуться к ней, сам не знаю — зачем, как она схватила меня за руку.

— Не трогай, — сказала она. — Погоди минуту.

Она взяла газету и принялась тереть пятна.

— Опусти голову, — сказала она.

Я наклонил голову, и она стянула с меня рубашку.

— Больше нигде нет крови? — спросила она. — Чертовски повезло, что ты был без брюк.

На кальсонах крови не было. Я быстро оделся. Она взяла рубашку.

— Я ее сожгу. И газету, — сказала она. — На кухне разведен огонь. У меня сегодня стирка.

Я посмотрел на Хадсона. Он был мертв, сомневаться не приходилось. Мне чуть худо не стало, когда я на него взглянул. На ковре была большая лужа крови.

— Ты готов? — спросила она.

— Да, — сказал я.

Она вышла со мной в коридор и, прежде чем открыть дверь, обвила мне шею руками и поцеловала так, словно готова была проглотить.

— Любимый, — сказала она. — Мой любимый!

Она приоткрыла дверь, и я выскользнул наружу. Было очень темно.

Я шел словно во сне. Шел я быстро. По правде говоря, еле удерживался, чтобы не побежать. Я натянул шляпу на нос и поднял воротник, но прохожих почти не было, и никто бы меня не узнал. Я сделал большой крюк, как она велела мне, и сел на трамвай в противоположном конце города, поблизости от Честер–авеню.

Когда я вернулся, у нас как раз собирались обедать. Мы всегда обедали поздно. Я взбежал наверх вымыть руки и переодеться. Посмотрел в зеркало

и, знаете, прямо поразился — я выглядел так, Как обычно. Но когда, увидев меня, мать спросила: «Устал, Фред? Ты очень бледен», — я покраснел как индюк. Еда не лезла мне в горло. К счастью, мне не надо было говорить, мы не очень–то много разговаривали, когда бывали одни, а после обеда отец принялся читать какие–то донесения, а мама просматривала вечернюю газету. Чувствовал я себя ужасно.

— Одну минутку, — прервал его доктор. — Ты сказал, что внезапно почувствовал у себя в руке револьвер. Я не вполне понял.

— Флорри вложила его мне в руку.

— Где она его взяла?

— Почем мне знать? Вынула у Пата из кармана, когда он навалился на меня, или припасла заранее. Я выстрелил, защищая свою жизнь.

— Продолжай.

— Вдруг мама сказала: «В чем дело, Фред?» Это было так неожиданно, и голос се был такой… такой мягкий, что я не выдержал. Попытался взять себя в руки и не смог — разрыдался. «Это еще что?» — сказал отец. Мать обняла меня и стала укачивать, словно младенца. Она все спрашивала и спрашивала меня, что случилось, но я не отвечал. Однако выхода не было. Я собрал-

ся с духом и чистосердечно во всем признался. Мама впала в панику и принялась плакать, но отец велел ей прекратить. Когда она стала меня упрекать, он на нее прикрикнул. «Все это теперь несущественно», — сказал он. Лицо у него было мрачнее тучи. Гели бы по его велению земля могла разверзнуться и поглотить меня, он бы отдал такой приказ. Я рассказал им все, до мелочей. Отец всегда говорил: единственный шанс, который есть у преступника, — это быть совершенно откровенным со своим адвокатом. Тот ничем не сможет ему помочь, если не будет знать все факты до одного.

Я кончил. Мы с матерью глядели на отца. Он не спускал с меня глаз все то время, что я говорил, но теперь смотрел в пол. Видно было, что он сосредоточенно обдумывает мои слова. Знаете, в каких–то отношениях отец — удивительный человек. Всегда очень высоко ставил культуру. Он один из попечителей Художественной галереи входит в комитет, который устраивает симфонические концерты и всякое такое. Он благовоспитанный и спокойный. Мама всегда говорила, что у него очень аристократический вид. Всегда мягкий, благожелательный и любезный. Кажется, и мухи не обидит. Все это так, но,

кроме этого, в нем есть много чего еще. У него в Сиднее самая большая адвокатская практика, людей он видит насквозь. Его, конечно, все очень уважают и знают, что никакая мошенническая проделка с ним не пройдет, лучше и не пробовать. То же самое в политике. Всем в партии заправляет он, старый Дарнс и шагу не ступит, с ним не посоветовавшись. Отец бы мог и сам быть премьер–министром, если бы захотел, но он не хочет, его вполне устраивает просто входить в правительство и дирижировать всем спектаклем из- за кулис.

— Не надо очень винить мальчика, Джим, — сказала мама.

Отец нетерпеливо дернул рукой. Казалось, он думает вовсе не обо мне. У меня мурашки поползли по спине. Наконец он заговорил.

— Похоже, что эта парочка заранее все подстроила, — сказал он. — Хадсон последнее время стал очень несговорчив. Я бы не удивился, если бы за всем этим скрывался шантаж. А она его перехитрила.

— Но что делать Фреду? — сказала мать.

Отец посмотрел на меня. Знаете, у него был такой же кроткий вид, как всегда, и голос звучал так же приятно. «Если его поймают, его ждет

петля», — сказал он. Мама вскрикнула, и отец слегка нахмурился. «О, я не позволю надеть на него петлю, — сказал он. — Не бойся. Фред может этого избежать, если сейчас пойдет и пустит себе пулю в лоб». — «Джим, ты хочешь меня убить», — сказала мама. «К сожалению, и это не очень бы нам помогло», — сказал отец. «Что?» — спросил я. «Если бы ты пустил себе пулю в лоб, — сказал он. — Всю эту историю необходимо замять. Мы не можем допустить публичного скандала. Нас ждет жестокая борьба во время выборов, а если все это выплывет наружу и я выйду из игры, у нас будет мало шансов на победу». — «Отец, мне ужасно жаль, что так случилось», — сказал я. «Не сомневаюсь, — ответил он. — Дураки и негодяи обычно сожалеют о своих поступках, когда приходит пора за них расплачиваться».

Мы немного помолчали, затем я сказал: «Может, все же лучше мне застрелиться?» — «Не болтай чепухи, — сказал отец. — Ты еще больше все испортишь. Думаешь, в газетах сидят круглые идиоты, не поймут, что к чему? Помолчи. Дай мне подумать». Мы с мамой сидели как воды в рот набрав. Она держала меня за руку. «К тому же нам придется иметь дело с этой женщиной, — сказал он наконец. — Мы в ее власти. Приятно

иметь такую невестку». Мама не осмеливалась и слова сказать. Отец откинулся в кресле, положил ногу на ногу. В его глазах появилась улыбка. «К счастью, мы живем в самой демократической стране в мире, — сказал он. — Всё и всех можно купить». Он с удовольствием произнес эти слова. Минуты две он глядел на нас. У него была привычка выставлять вперед нижнюю челюсть, когда он задумает что–нибудь и намерен любым путем добиться своего; мы с матерью ее прекрасно знали. «Вероятно, завтра все это уже появится в газетах, — сказал он. — Я повидаюсь с миссис Хадсон. Я знаю, что она станет говорить. Если она будет твердо стоять на своем, то не думаю, чтобы кто–нибудь что–нибудь мог доказать. Разве что произойдет особый случай. Похоже, она все как следует продумала. Полиция, конечно, будет ее допрашивать, но я прослежу, чтобы это было в моем присутствии». — «Ну а с Фредом как?» — спросила мама. Отец снова улыбнулся. «Фред ляжет в постель и останется там, — сказал он. — Благодаря милосердному вмешательству провидения сейчас в городе очень много случаев скарлатины. В сущности, настоящая эпидемия. Завтра или послезавтра мы переправим его в инфекционные бараки». — «Зачем? — спросила

мать. — Какой в этом толк?» — «Моя дорогая, — ответил отец, — это лучший из известных мне способов убрать человека на некоторое время». — «Ну, а если он заразится?» — спросила мама. «Что ж, это будет вполне естественно», — сказал он.

Утром отец позвонил в контору моему боссу и сказал, что у меня температура и ему все это очень не нравится. Меня уложили в постель и вызвали доктора. Доктор пришел; все, как положено. Это был мой дядя, мамин брат, он лечил меня с рождения. Он сказал, что не может пока утверждать наверняка, похоже на скарлатину, но он не стал бы отправлять меня в больницу, пока симптомы болезни не станут яснее. Мама велела кухарке и горничной не подходить ко мне, она сама будет за мной ухаживать.

В вечерней газете только и разговору было, что об убийстве Хадсона. Миссис Хадсон пошла одна в кино, а когда вернулась домой и вошла в гостиную, нашла там тело своего мужа. Служанки у них не было. Вы не знаете Сиднея, их дом — что–то вроде небольшой виллы в новом районе города; вокруг дома есть участок, и следующая вилла — ярдах в тридцати от них. Флорри была незнакома с соседями, но она кинулась к ним и до тех пор барабанила в дверь, пока ей не открыли. Там уже

спали. Она сказала, что ее муж убит, и попросила побыстрей пойти с ней. Когда они прибежали, увидели, что Хадсон безжизненной грудой лежит на полу. Через некоторое время сосед вспомнил, что надо скорее вызвать полицию.

Миссис Хадсон была в истерике. Она кричала и плакала, кидалась на тело мужа, соседи с трудом оттащили ее.

Затем следовали все подробности, которые сумели подобрать репортеры. Полицейский доктор полагал, что Хадсон был убит часа за два–три до того. Как ни странно, его застрелили из собственного револьвера; версию самоубийства сразу же отвергли. Когда миссис Хадсон немного пришла в себя, она сказала полиции, что провела вечер в кинематографе. У нее все еще был билет в сумочке, и она встретила там двух знакомых и разговаривала с ними. Она объяснила, что решила пойти в кино, так как муж должен был уехать в Ньюкасл. Он пришел домой незадолго до шести и сказал, что не едет. Она решила остаться дома и приготовить ему ужин, но он сказал, чтобы она шла, как и собиралась. К нему должен был кто–то прийти по важному делу, и он хотел быть один. Миссис Хадсон ушла, и это был последний раз, когда она видела его в живых. В комнате были

следы отчаянной драки. Очевидно, Хадсон дорого продал свою жизнь. Украдено ничего не было, и полиция и репортеры тут же пришли к заключению, что убийство совершено на политической почве. В то время в Сиднее политические страсти были в самом разгаре, а Пат Хадсон якшался с весьма сомнительными субъектами. У него была куча врагов. Полиция начала расследовать это дело, и граждан просили сообщить, не заметили ли они по соседству с домом или в едущем оттуда трамвае какого–нибудь подозрительного субъекта, возможно, итальянца, вид которого свидетельствовал бы о том, что он участвовал в драке… Через два дня вечером к нам пришла карета «скорой помощи», и меня увезли в больницу. Там меня продержали три или четыре дня, а затем тайком вывели оттуда и привезли на побережье, где меня ждал «Фентон».

— Но эта телеграмма, — сказал доктор. — Как им удалось достать свидетельство о смерти?

— Я знаю столько же, сколько вы. Я уже и так себе голову над этим ломал. В больницу меня положили под чужим именем. Мне велели называться Блейком. Может быть, кого–нибудь другого поместили под моим. Газеты делали все, что могли, чтобы скрыть эпидемию, но больни-

цы были переполнены. Сестры с ног сбивались, и было сколько угодно неразберихи. Ясно одно — кто–то умер и похоронен вместо меня. Отец человек умный, он ни перед чем не остановится.

— Хотелось бы мне с ним познакомиться, — сказал доктор Сондерс.

— Возможно, люди стали кое о чем догадываться. В конце концов, ведь нас с ней видели вместе; естественно, стали задавать вопросы. Полиция, видно, пыталась докопаться до правды. Отец решил, что будет безопасней, если я умру. Разумеется, все кругом ему соболезновали.

— Может быть, потому она и повесилась, — сказал доктор. Фред так и подпрыгнул.

— Откуда вы знаете?

— Прочитал в газете, которую Эрик Кристессен принес позавчера от Фриса.

— Вы знали, что это имеет отношение ко мне?

— Нет, покаты не начал мне рассказывать. Тогда я вспомнил имя.

— Меня это страшно потрясло.

— Как ты думаешь, почему она это сделала?

— В газете написано, что ее донимали злыми толками. Я думаю, отец не успокоился бы, пока не сквитался с ней. Он и разъярился главным образом оттого, что Флорри хотела через меня

проникнуть в семью. Должно быть, с большим удовольствием сообщил ей о моей смерти. Флорри была странная женщина, и я ненавидел се, но как же она любила меня, если пошла на такое дело! — Фред на минуту задумался. — Отец знал все. Ему ничего не стоило сказать ей, будто я перед смертью во всем признался и ей грозит арест.

Доктор Сондерс медленно наклонил голову. Да, это был бы неглупый ход. Его удивляло только, что женщина выбрала такой неприятный способ отправиться на тот свет. Похоже, она очень торопилась исполнить свое намерение. Предположение Фреда казалось весьма вероятным.

— Как бы там ни было, для нес все позади, — сказал Фред. — А мне надо жить дальше.

— Тебе ее нисколько не жаль?

— Жаль? Она погубила мне жизнь. И что самое ужасное — все произошло по чистой случайности. Я совсем не хотел заводить с ней роман. Я бы и близко к ней не подошел, если бы думал, что она примет это всерьез. Отпусти меня отец в то воскресенье удить рыбу, и я бы ее никогда не встретил. Уму непостижимо. И на этот проклятый остров никогда бы не попал. Я приношу несчастье всюду, где бы я ни оказался.

— Тебе бы следовало облить свое смазливое

личико серной кислотой. Ты — социально опасный элемент.

— Ах, не смейтесь надо мной, доктор. Я так несчастен. Я никого еще не любил так, как Эрика. И никогда не прощу себе его смерти.

— Не воображай, что Кристессен покончил с собой из–за тебя. Ты к этому имел самое косвенное отношение. Если я не ошибаюсь — а я думаю, что нет, — он покончил с собой, так как не мог пережить открытия, что существо, которое он наделил всеми лучшими человеческими качествами, всеми добродетелями, оказалось в конечном итоге обыкновенным человеком с обыкновенными человеческими слабостями. Это было безумием с его стороны. В этом самое уязвимое место идеалистов — не умеют принимать людей такими, каковы они есть. Кажется, еще Христос сказал: «Прости их, ибо не ведают, что творят».

Фред глядел на него недоумевающими, измученными глазами.

— Вы разве верующий?

— Все разумные люди исповедуют одну веру. Какую? Этого разумные люди вам не скажут.

— Одну? Мой отец не согласился бы с вами. Он бы сказал, что разумные люди просто стараются

никого не обидеть. Он бы сказал, что ходить в церковь — благопристойно и надо уважать предрассудки своих ближних. Он бы сказал: зачем раньше времени поднимать паруса, надо сперва посмотреть, куда ветер дует. Мы с Николсом обо всем этом толковали: представляете, капитан может часами говорить о религии. Смешно. Я не встречал еще такого подлеца и мошенника — ведь он даже не представляет, что такое порядочность, — и при этом всей душой верит в Бога. И в ад. Но ему и в голову не приходит, что он может туда попасть. Другие — да, другие должны расплачиваться за свои грехи, и поделом им, но сам он бравый малый, с ним все в порядке, и когда он совершает подлость, это не имеет никакого значения. Бог не поставит этого ему в вину. Сперва я думал, что Николс лицемер. Но нет, это не так. Вот что самое странное.

— Тут не на что сердиться. Люди говорят одно, а делают другое — это один из самых забавных спектаклей, которые предлагает нам жизнь.

— Вы смотрите со стороны, вам легко смеяться. А я — в самой середке, я как корабль, сбившийся с курса. Что все это значит? Почему мы здесь? Куда мы идем? Что нам делать?

— Милый мой мальчик, ты ведь не ждешь от

меня ответа? С тех самых пор, как в первобытные времена в мозгу человека зажегся крохотный огонек разума, он задавал себе эти вопросы.

— А вы во что верите?

— Ты действительно хочешь это знать? Ни во что, кроме самого себя и моего личного опыта. Мир состоит из меня, моих мыслей, моих чувств; все остальное — мираж, чистое воображение. Жизнь — сон, где я сам создаю образы, которые проходят передо мной. Все познаваемое, каждый объект моего опыта — лишь представление моего ума и без меня не существует. Нет ни возможности, ни необходимости доказывать существование чего бы то ни было вне меня. Сон и реальность едины. Жизнь — это связный и последовательный сон, и когда он перестанет мне сниться, весь мир с его красотой и болью, с его печалями, сего невообразимым разнообразием перестанет существовать.

— Но это совершенно немыслимо! — вскричал Фред.

— Я не вижу никаких причин сомневаться в этом, — улыбнулся доктор.

— Ну, а я не желаю, чтобы из меня делали дурака. Если жизнь не осуществит те надежды, которые я на нее возлагаю, зачем она мне? Это

скучная и глупая пьеса, и сидеть на ней до конца — только время терять.

Глаза доктора заблестели, улыбка покрыла морщинами безобразное лицо.

— Мой дорогой мальчик, ты несешь чепуху. Молодость! Молодость! Ты еще чужестранец на этом свете. Скоро, как человек, попавший на необитаемый остров, ты научишься обходиться без того, чего нет, и использовать наилучшим образом то, что есть. Немного здравого смысла, немного терпимости, немного чувства юмора, и можно очень уютно устроиться на этой планете.

— Да, отказавшись от всего, ради чего стоит жить. Как вы. Я хочу, чтобы жизнь была честной. Хочу, чтобы жизнь была доблестной и прекрасной. Хочу, чтобы люди были порядочными и все, что совершается, приходило к хорошему концу. Разве я прошу слишком много?

— Не знаю. Больше, чем жизнь может тебе дать.

— И вас это не волнует?

— Не очень.

— Вас устраивает валяться в грязной канаве?

— Я развлекаюсь, наблюдая номера, которые выкидывают другие существа, в ней обитающие.

— Вы ни во что не верите. Вы никого не ува-

жаете. Вы ждете от людей одной подлости. Вы — калека, прикованный к инвалидному креслу, и вам кажется вздором, что другие хотят ходить и бегать.

— Боюсь, ты не очень меня одобряешь, — кротко предположил доктор Сондерс.

— Вы потеряли сердце, надежду, веру и страх перед Богом. Что, ради всего святого, у вас осталось?

— Смирение.

Юноша вскочил на ноги.

— Смирение? Это прибежище побежденных. Можете довольствоваться им. Я его не хочу. Я не согласен смиренно принимать зло, уродство и несправедливость. Я не согласен стоять в стороне, когда добро карается, а зло торжествует. Если в этой жизни добродетель попирают, над честностью смеются, красоту забрасывают грязью, к черту такую жизнь!

— Мой мальчик, нужно принимать жизнь такой, какая она есть.

— Я по горло сыт такой жизнью. Она внушает мне ужас. Она устраивает меня на моих условиях, или мне ее совсем не надо.

Бравада. Мальчик взволнован и расстроен. Чему тут удивляться? Доктор Сондерс не сомне-

вался, что через день–два он придет в себя и станет рассуждать более здраво. Надо его немного утихомирить.

— Ты читал когда–нибудь, что единственный дар богов, который человек не делит со зверьми, это смех? — спросил он.

— Ну и что с того? — хмуро бросил Фред.

— Я достиг смирения при помощи чувства юмора. Оно никогда мне не изменяло.

— Ну, так смейтесь. Хоть лопните со смеху.

— И буду, пока я в силах, — отвечал доктор, глядя на него со снисходительной улыбкой. — Боги могут уничтожить меня, но не покорить.

Бравада? Возможно.

Разговор тянулся бы до бесконечности, если бы в этот момент не раздался стук в дверь.

— Кого еще несет? — раздраженно воскликнул Фред.

Вошел бой, немного говоривший по–английски, и сказал, что кто–то хочет видеть Фреда, но они не поняли кто. Фред, пожав плечами, уже пошел было из комнаты, но тут его осенила догадка, и он остановился.

— Это мужчина или женщина?

Ему пришлось несколько раз по–разному повторить вопрос, пока бой догадался, о чем его

спрашивают. Тогда с улыбкой восхищения собственной сообразительностью он ответил, что Фреда ждет женщина.

— Луиза. — Фред решительно покачал головой. — Скажи: туан болен, не мочь выходить.

Это бой понял и удалился.

— Ты бы лучше повидался с ней, — сказал доктор.

— Ни за что. Эрик стоил десятка таких, как она. Он мне был дороже всего на свете. И думать о ней не могу. Я хочу одного — уехать отсюда. Хочу забыть. Как можно было втоптать в грязь это благородное сердце?!

Доктор Сондерс поднял брови. Такой язык расхолаживал всякое сочувствие.

— Возможно, она несчастлива, — мягко предположил он.

— Я думал, вы циник. А вы — сентиментальный старик.

— А ты только сейчас это обнаружил?

Дверь медленно и бесшумно приоткрылась, затем распахнулась настежь; на пороге стояла Луиза. Она не вошла в комнату. Не заговорила. Она глядела на Фреда со слабой, боязливой, умоляющей улыбкой. Видно было, что она волнуется. Вся ее поза выражала робость и неуверенность. В

ней, как и в ее лице, была мольба. Фред пристально смотрел на девушку.

Он не шевельнулся. не предложил ей войти. Лицо его было хмурым, в глазах светилась холодная, неумолимая ненависть. Улыбка застыла на ее губах, раздался не то вздох, не то стон, словно сердце ее пронзила жестокая боль. Она стояла так минуты две или три, глядя на него в упор. Ни он, ни она не опускали глаз. Затем очень медленно и так же бесшумно Луиза потянула дверь на себя и закрыла ее. Мужчины снова остались одни. Доктору вся сцена показалась странной, страшной, патетической.

Глава двадцать девятая

«Фентон» отплыл на рассвете. Корабль, который должен был отвезти доктора Сондерса в Бали, ожидали днем. Останавливался он ненадолго, только чтобы взять груз, поэтому около одиннадцати утра, наняв извозчика, доктор отправился на плантацию старого Свона. Он считал, что невежливо уехать не простившись.

Доктор нашел Свона в саду. Старик сидел в том самом кресле, в котором сидел Эрик Кристессен, когда увидел Фреда, выходящего из комнаты Луизы. Доктор обменялся с ним приветствием. Свон не вспомнил его, но был довольно бодр и задал доктору множество вопросов, не обращая внимания на ответы. Вскоре из дома спустилась Луиза. Поздоровалась с доктором. По ней не было заметно, что она пережила эмоциональный кризис; улыбка, которой она приветствовала его, была такой же сдержанной и привлекательной, как и в тот раз, когда он впервые увидел ее по пути с купанья. На ней был коричневый саронг из батика и короткий жакет местного покроя. Светлые волосы, заплетенные в косы, короной

венчали голову.

— Вы не зайдете в дом? — спросила она. — Папа работает. Он скоро выйдет.

Доктор последовал за ней в большую комнату, служившую им гостиной. Жалюзи были спущены, приглушенный свет не резал глаза. Комната не отличалась особенным уютом, но в ней было прохладно, а большой букет желтых канн в вазе, пламенеющих, как только что взошедшее солнце, придавал ей какое–то особое экзотическое своеобразие.

— Мы не сообщили дедушке об Эрике. Он очень его любил, вы же знаете, оба они из Скандинавии. Мы боялись, что это его расстроит. Но возможно, он знает; трудно сказать. Иногда, через много недель, он вдруг отпустит какое–нибудь замечание, и окажется, он все время знал то, что мы решили от него скрыть.

Она говорила, лениво растягивая слова, мягким, звучным голосом, словно разговор шел о безразличных ей вещах.

— Старость таинственна. В ней есть какая–то отрешенность. Она столько уже утратила, что в ней и человеческого почти не осталось. Но порой возникает чувство, что старики обладают каким–то особым чутьем, говорящим им о вещах, о

которых нам никогда ничего не будет известно.

— Ваш дедушка был очень весел позавчера. Хотел бы я быть таким же бодрым в его годы.

— Он был возбужден. Он любит, когда появляются новые люди, с которыми можно поболтать. Но он — все равно что заведенный граммофон. Машина. И вместе с тем в нем будто сидит маленький зверек — мышка, роющая ход, белка, бегающая в колесе, — у которого своя, неведомая нам жизнь. Я ощущаю его присутствие, но понять, что это, не могу.

Доктору нечего было сказать ей в ответ, и на несколько минут воцарилось молчание.

— Хотите выпить? — спросила она.

— Спасибо, нет.

Они сидели друг против друга в креслах. В большой комнате было что–то странное, словно в ней повисло ожидание.

— «Фентон» отплыл сегодня утром, — сказал доктор.

— Знаю.

Он задумчиво посмотрел на нее, она безмятежно вернула ему взгляд.

— Боюсь, смерть Кристессена явилась для вас большим ударом.

— Я очень была к нему привязана.

— Он много говорил мне о вас вечером накануне смерти. Он очень вас любил. Он сказал, вы собираетесь пожениться.

— Да? — Она мельком взглянула на него. — Почему он покончил с собой?

— Он видел, как Фред выходил из вашей комнаты.

Она опустила глаза. Слегка покраснела.

— Это невозможно.

— Мне сказал сам Фред. Эрик был в саду, когда он спрыгнул с веранды.

— Кто сказал Фреду, что я была помолвлена с Эриком?

— Я.

— Я так и подумала вчера, когда он не захотел ко мне выйти. А когда вошла и он так на меня посмотрел, я поняла, что надежды нет.

В ее голосе не было отчаяния, лишь спокойное приятие того, что неизбежно. Казалось, она мысленно пожимает плечами.

— Значит, вы не любили Эрика?

Она подперла подбородок рукой и застыла, точно старалась заглянуть себе в сердце.

— Все это довольно сложно, — сказала она.

— Другими словами, это не мое дело.

— О, я совсем не против того, чтобы вам расска-

зать. Мне все равно, что вы обо мне думаете.

— Естественно.

— Фред очень красив. Помните тот вечер, когда я встретила вас на плантации? Я не могла от него глаз отвести. И потом, за ужином, и когда мы с ним танцевали. Наверное, это и есть любовь с первого взгляда.

— Я не уверен, что так бы это назвал.

— Да? — Она удивленно посмотрела на него, затем взгляд ее стал внимательным, изучающим, словно она впервые по- настоящему его увидела. — *Я* знала, что понравилась ему. А у меня самой еще никогда в жизни не было такого чувства. Меня до смерти тянуло к нему. Обычно я сплю как убитая. Всю ту ночь я и глаз не сомкнула. Папа хотел передать вам свой перевод. Я предложила отвезти его в город. Я знала, что вы пробудете здесь день или два. Возможно, если бы Фред оставался надолго, на месяц, всего этого не случилось бы. У меня было бы время, и, быть может, если бы я видела его каждый день в течение недели, он перестал бы меня волновать. Но потом я ни в чем не раскаивалась. Я получила то, что хотела, и стала свободной. Я лежала без сна после того, как он меня оставил. Я была счастлива, но, знаете, я бы не очень огорчилась, если бы никогда

больше его не увидела. Так приятно быть одной. Вы, наверное, не поймете, что я хочу сказать: у меня было такое чувство, будто у моей души кружится голова.

— А последствий вы не опасались? — спросил доктор.

— Чего? — Луиза поняла и улыбнулась. — А-а, этого… Да ведь я прожила здесь, на острове, чуть ли не всю жизнь, играла с местными детьми. Моя близкая подруга, дочь надсмотрщика, мне ровесница, а она уже четыре года замужем, у нее трое детей. Не воображайте, что в отношениях между мужчиной и женщиной есть много секретов для малайских детей. Я знаю об этом все лет с семи.

— Зачем вы вчера приходили в гостиницу?

— Я была встревожена. Я очень любила Эрика. Не поверила, когда мне сказали, что он застрелился. Я испугалась, что в этом моя вина. Я хотела выяснить, не узнал ли он вдруг про Фреда.

— Это и была ваша вина.

— Мне ужасно жаль, что он умер. Я очень многим ему обязана. В детстве я боготворила его. Он был для меня викингом из дедушкиных сказок. Он мне всегда ужасно нравился. Но я ни в чем не виновата.

— Почему вы так думаете?

— Он и сам не догадывался, но любил он не меня, любил он маму. Она это видела и, вероятно, под конец тоже полюбила его. Забавно, если подумать. Он годился ей в сыновья. И во мне он любил только ее. Но и этого он не знал.

— А вы его не любили?

— О, даже очень. Душой, но не сердцем или, возможно, сердцем, но не нутром. Он был очень хороший. Очень надежный. Он был не способен на жестокость. Он был очень искренний. Он был настоящий святой.

Она вынула платок и приложила к глазам, потому что, говоря об Эрике, она заплакала.

— Если вы не были в него влюблены, зачем обещали за него выйти?

— Я обещала это маме перед ее смертью. Я думаю, ей казалось, что через меня она утолит свою любовь к нему. И я была очень к нему привязана. Я так хорошо его знала! Мне с ним было так легко! Я думаю, если бы он женился на мне сразу после маминой смерти, когда я была так несчастна, я бы полюбила его. Но он считал, что я еще слишком молода. Не желал воспользоваться моими тогдашними чувствами.

— А потом?

— Папа не очень хотел, чтобы я за него выходи-

ла. Он всегда ждал волшебного принца, который приедет и увезет меня в заколдованный замок. Вам, верно, папа кажется ленивым и непрактичным. Конечно, сама я не верила в волшебного принца, но обычно за папиными фантазиями что–то есть. Он наделен каким–то внутренним чутьем. Он витает в облаках, но очень часто на этих облаках божественный свет. О, я думаю, если бы ничего не случилось, мы с Эриком поженились бы в конце концов и были бы очень счастливы. С ним невозможно быть несчастной. Было бы так приятно поездить по всем тем местам, о которых он рассказывал мне. Мне бы хотелось побывать в Швеции, там, где родился дедушка, и в Венеции.

— Очень жаль, что мы зашли на ваш остров. Мы с таким же успехом могли зайти и в Амбоину.

— Вы полагаете? Я думаю, самой судьбой было предначертано, чтобы вы оказались здесь.

— По–вашему, наши судьбы так важны, что парки будут устраивать из–за нас вселенский кавардак? — улыбнулся доктор.

Она не ответила, и некоторое время они сидели молча.

— Мне очень грустно, — наконец промолвила Луиза.

— Постарайтесь не слишком горевать.

— О, я не горюю.

Она произнесла это так решительно, что доктор удивленно посмотрел на нее.

— Вы вините меня. Любой бы обвинил. А я себя не виню. Эрик застрелился потому, что я не оправдала его надежд, не смогла соответствовать придуманному им идеалу.

— А-а…

Доктор Сондерс увидел, что интуиция привела ее к тому же выводу, какого сам он достиг путем рассуждения.

— Если бы он любил меня, он бы убил меня или простил. Вам не кажется глупым то значение, которое мужчины, во всяком случае — белые мужчины, придают физиологическому акту? Это же только плоть. Знаете, когда я училась в Окленде, у меня был приступ религиозности — у девочек такого возраста это часто случается, — и в Великий пост я дала обет, что не буду есть ничего сладкого. Прошло две недели, и мне так захотелось сладкого, что я просто не могла больше терпеть. Как–то раз я проходила мимо кондитерской лавки и увидела на витрине шоколадные конфеты; у меня внутри все перевернулось. *Я* зашла туда, купила полфунта конфет и съела их тут же, на улице, все до одной, пока в кулечке не

стало пусто. Потом вернулась в школу и с полной легкостью отказывалась от сладкого до конца поста. Я рассказала об этом Эрику, и он очень смеялся. Он считал, что это вполне естественно. Он был так терпим. Вам не кажется, что, если бы он меня любил, он бы и на этот раз проявил терпимость?

— На этот предмет у мужчин свои особые взгляды.

— Но не у Эрика. Он был такой мудрый, такой милосердный. Говорю вам: он не любил меня. Он любил созданный им идеал. Красоту и прочие мамины достоинства, которые он видел во мне, и всех этих шекспировских героинь, и принцесс из сказок Андерсена. Какое право имеют люди лепить *у* себя в уме и навязывать вам тот образ, который им по вкусу, а потом сердиться, если вы не совпадаете с ним! Он хотел запереть меня в свой идеал. До меня ему не было дела. Он не принимал меня такой, какая я есть. Он хотел владеть моей душой, и, так как чувствовал, что во мне кроется что–то, ускользающее от него, он пытался заменить эту искорку, которая и есть я, фантомом, плодом собственного воображения. Мне грустно, но, говорю вам, я не горюю. И Фред по–своему такой же. Когда он лежал рядом со

мной в ту ночь, он сказал, что хотел бы навсегда остаться на острове, жениться на мне и заниматься плантацией и не знаю чем еще. Он представил себе свою будущую жизнь, и я должна была приспособиться к ней. Он тоже хотел запереть меня в свою мечту. Это была иная мечта, но все равно — его мечта. А я — это я. Я не хочу быть частью чьей–то мечты. Я хочу сама мечтать о своей будущей жизни. Все, что случилось, ужасно, и на сердце у меня тяжело, но я знаю, что это дало мне свободу.

Луиза не волновалась, говорила медленно и размеренно, в той сдержанной манере, которая с самого начала поразила доктора. Он внимательно слушал. Его пронизывала легкая внутренняя дрожь, ибо вид обнаженной человеческой души всегда вызывал в нем ужас. Он видел в ней те же голые безжалостные инстинкты, которые помогали бесформенным существам, возникшим при сотворении мира, прокладывать себе путь вперед вопреки слепому и враждебному случаю. Интересно, что получится из этой девушки…

— У вас есть какие–нибудь планы на будущее? — спросил он.

Она покачала головой.

— Я могу ждать. *Я* молода. Когда дедушка умрет,

все это будет мое. Возможно, я продам плантацию. Папа хочет поехать в Индию. Мир велик.

— Мне пора идти, — сказал доктор Сондерс. — Могу я увидеть вашего отца и попрощаться с ним?

— Я провожу вас к нему в кабинет.

Она отвела его по коридору в небольшую комнатку в боковой части дома. Фрис сидел за столом, заваленным листами рукописи и книгами. Он печати на машинке, и от пота, струившегося по его толстому красному лицу, очки соскальзывали на кончик носа.

— Это последняя перепечатка девятой песни, — сказал он. — Вы уезжаете, да? Боюсь, я не успею ее вам показать.

Фрис забыл, что доктор Сондерс заснул, когда он читал ему вслух, а может быть, и помнил, но это его не обескуражило.

— Я приближаюсь к концу. Это была трудная задача, и я вряд ли сумел бы довести ее до благополучного конца, если бы не поддержка и одобрение моей девочки. Будет справедливо, если она пожнет плоды моих трудов.

— Ты не должен переутомляться, папа.

— «Tempus fugit»[49], — проговорил он вполголоса. — «Ars longa, vita brevis»[50].

Она ласково положила руку ему на плечо и с улыбкой поглядела на лист бумаги в каретке машинки.

Доктора снова поразила та нежная заботливость, с которой Луиза обращалась с отцом. С ее трезвым умом она не могла не понимать истинной цены его пустых трудов.

— Мы пришли не для того, чтобы мешать тебе, милый. Доктор Сондерс хочет попрощаться с тобой.

— А, да… разумеется, — сказал Фрис и встал со стула. — Мы были очень рады познакомиться с вами. В этом захолустье нас не так часто посещают гости. С вашей стороны было очень любезно прийти на похороны Кристессена. Мы, британцы, должны держаться вместе в подобных случаях. Это производит соответствующее впечатление на голландцев. Конечно, Кристессен не был англичанином. Но мы часто встречались с ним с тех пор, как он приехал на остров, и, в конце

---

[49] Примечания: 49

«Время бежит» (лат.) — из «Георгии» Вергилия (70–18 до н. э.).

[50] Примечания: 50

«Искусство вечно, жизнь коротка» (лат.) — афоризм Гиппократа (460–377 до н. э.).

концов, он — выходец из той же страны, что и королева Александра. Стаканчик хереса, прежде чем вы уйдете?

— Нет, благодарю вас. Мне пора возвращаться.

— Я был очень расстроен, когда услышал. Controleur[51] сказал мне, что, без сомнения, все дело в жаре. Кристессен хотел жениться на Луизе. Я теперь очень рад, что не дал согласия. Неуравновешенность. Англичане — единственные люди, которые могут переселиться в чуждую им обстановку и сохранить душевное равновесие. Это для нас большая потеря. Конечно, он был иностранцем, но все равно это удар. На меня это сильно подействовало.

Однако не оставалось сомнений, что для него смерть датчанина куда менее серьезное событие, чем смерть британца. Фрис настоял на том, чтобы проводить доктора до ворот. Обернувшись помахать им рукой, когда он отъезжал, доктор увидел, что Фрис стоит, обняв дочь за талию. Солнечный луч, пробравшийся сквозь густую листву миндальных деревьев, зажег золотом светлый пепел ее волос.

---

[51] Примечания: 51
Инспектор (фр.).

Глава тридцатая

Месяц спустя, под вечер, доктор Сондерс сидел на небольшой пыльной веранде в гостинице Ван–Дайка в Сингапуре. Отсюда ему была видна улица внизу. Проносились автомобили и наемные экипажи, которые с еле слышным топотом тянула пара крепких пони; быстро перебирая ногами, спешили рикши. Время от времени неторопливо проходили тамилы[52], высокие и худые, и в их крадущейся, бесшумной походке таился мрак далекого прошлого. Улицу затеняли деревья, и солнце пестрило землю неровными пятнами. Китаянки, в штанах, с золотыми булавками в прическах, переходили из тени в свет, как марионетки, пересекающие сцену. Время от времени появлялся молодой плантатор, загорелый до черноты, в пробковом шлеме, в полотняных шортах цвета хаки; он шел размашистым шагом, которому научился у себя на каучуковой плантации. Полные сознания собственной важности, прошли, выпятив грудь, два темнокожих солдата в нарядных чистеньких мундирах. Дневная жара

[52] Примечания: 52
Уроженцы южной Индии и северного Цейлона.

спала, солнечный свет стал золотым, в свежем бодрящем воздухе чувствовалась беззаботность, словно жизнь в этот момент предлагала не принимать ее всерьез. Проехала цистерна для поливки улиц, орошая пыльную дорогу струей воды.

Доктор Сондерс провел две недели на Яве. Сейчас он поджидал корабль, который направлялся бы в Гонконг, а оттуда намеревался проехать каботажным судном до Фучжоу. Доктор был рад, что предпринял эту поездку. Она внесла приятное разнообразие в его жизнь, которая так долго текла без всяких перемен, избавила от ненужных привычек, и, сбросив все земные оковы, он наслаждался, как никогда раньше, божественным чувством своей духовной свободы. Доктор получал утонченное удовольствие от сознания, что на всем белом свете нет никого, кто мог бы нарушить его внутренний покой. Он достиг, хотя и иным путем, того безразличия ко всем земным тяготам, которое является целью аскетов. В то время как, подобно Будде, созерцающему собственный пуп, он сидел, погруженный в сладостное чувство довольства собой, кто–то тронул его за плечо. Доктор поднял глаза: перед ним стоял капитан Николс.

— Проходил мимо и увидел вас. Поднялся сказать «здрасьте».

— Садитесь и пропустите глоток.

— Что ж, я не прочь.

Шкипер был в своем береговом наряде. Костюм, хотя и не старый, выглядел на редкость потрепанным. На худом лице — двухдневная щетина, под ногтями — траурная кайма. Вид у него был удивительно неприглядный.

— Я занимаюсь зубами, — сказал он. — Вы были правы. Дантист говорит, их надо вырвать все до одного. Говорит, ничего удивительного, что у меня диспепсия. По его словам, чудо, как я до сих пор ноги не протянул.

Доктор взглянул на него и увидел, что передние верхние зубы Николса уже были удалены. Его заискивающая улыбка выглядела от этого еще более зловещей.

— Где Фред Блейк? — спросил доктор.

Улыбка угасла на губах шкипера, но задержалась, став еще более глумливой, в его глазах.

— Он плохо кончил, бедняга, — ответил Николс.

— Что вы хотите сказать?

— Упал за борт однажды ночью или кинулся сам. Кто знает? Утром увидели, что его нет. .

— Во время бури?

Доктор не верил своим ушам.

— Нет. Море было гладкое, как мельничная запруда. Он был совсем пришибленный после Канды. Мы отправились в Батавию, как и собирались. Я подозревал, что его ждет там письмо. Но получил он его или нет, не знаю, и спрашивать без толку.

— Но как никто не заметил, что он упал за борт? А рулевой?

— Мы легли в дрейф па ночь. Фред здорово напился. Оно, конечно, не мое дело, но я сказал ему, чтобы он был поосторожней. Велел мне не совать мой чертов нос, куда не просят. Ладно, поступай как знаешь. Я от этого хуже спать не стану.

— Когда это случилось?

— Неделю назад, в прошлую среду.

Доктор откинулся в кресле. Сообщение Николса его потрясло. Еще совсем недавно они сидели с мальчиком и разговаривали о жизни. Ему виделось тогда во Фреде что–то наивное, какое–то стремление ввысь, не лишенное очарования. Не очень–то приятно было представлять, как он плавает сейчас, страшный, раздувшийся, по воле волн. Он был совсем еще юнец. Несмотря на все свои философствования, доктор не мог не

чувствовать боли, когда умирал такой молодой человек.

— А уж для меня это совсем вышло боком, — продолжал шкипер. — Он выиграл в крибидж почти все мои деньги. Мы много играли, когда остались одни. Ну и везло ему, трудно поверить! Я знал, что играю лучше, стал бы я иначе связываться с ним, я был так уверен в этом, как в том, что сижу сейчас здесь, и удвоил ставки. И представляете, опять проиграл. Я уж было подумал, не жулит ли он, но я на этом деле собаку съел, и коли он что–нибудь и махлевал, я, значит, этого не увидел. Нет, просто ему везло, а мне нет. Короче говоря, к тому времени, как мы добрались до Батавии, все денежки, что я получил, перешли к нему.

Ну, после того, как он утонул, я взломал его сундучок. Мы купили себе по сундучку, когда были в Мерауке. Надо же было мне поглядеть, нет ли там адреса или еще чего, чтобы сообщить безутешным родственникам. Я в таких делах человек щепетильный. И знаете, там и шиллинга не оказалось. Пусто, хоть шаром покати. Чертов щенок носил все свои деньги в поясе и кувыркнулся за борт вместе с ними.

— Неприятный сюрприз для вас, да?

— Мне он никогда не нравился, с самого начала. Мошенник он, больше никто. И главное, деньги–то почти все мои.

Не говорите, что он мог бы так выигрывать, кабы не жульничал. Не знаю, что бы я и делал, да тут удалось продать парусник одному желтокожему в Пенанге. С мальчишки теперь взятки гладки, а в убытке — я.

Доктор пристально на него посмотрел. Странная история, интересно, насколько она соответствует истине? Капитан Николс вызывал в нем отвращение.

— Вы, случайно, не помогли ему упасть за борт, когда он был пьян? — спросил он ледяным тоном.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы же не знали, что деньги в поясе. Для такого бродяги, как вы, это был изрядный куш. Пожалуй, вы бы не задумались сыграть с несчастным мальчиком эту злую шутку.

Капитан Николс позеленел. Челюсть его отвисла, глаза остекленели. Доктор улыбнулся. Выстрел, сделанный наугад, попал прямо в цель. Ну и негодяй! Но тут он заметил, что шкипер глядит вовсе не на него, а на что–то за его спиною. Доктор обернулся и увидел женщину, которая

медленно поднималась на веранду. Низенькая, полная, с плоским бледным одутловатым лицом и глазами навыкате, круглыми и блестящими, как пуговицы. На ней было тесноватое платье из черного сукна, на голове красовалась черная соломенная шляпа, похожая на мужскую. На редкость неподходящий наряд для тропиков. У нее был очень грозный вид.

— Господи! — сдавленно прошептал капитан Николс. — Моя благоверная…

Она неторопливо подошла к их столу. С неприязнью поглядела на злосчастного шкипера — тот смотрел на нее беспомощно, как кролик на удава.

— Что у вас с зубами, капитан? — спросила она.

Он подобострастно улыбнулся.

— Кто бы мог ожидать вас тут увидеть, моя драгоценная, — сказал он. — Какой приятный сюрприз.

— Мы пойдем сейчас пить чай, капитан.

— Как вам будет угодно, моя драгоценная.

Он встал. Она повернулась и пошла обратно тем *же* путем. Капитан Николс поплелся следом. Его лицо было серьезно. Доктор подумал, что теперь он никогда уже не выяснит правды насчет

бедного Фреда Блейка. Он мрачно улыбнулся, увидев, как капитан молча идет по улице рядом с женой.

Легкий ветерок зашелестел вдруг листьями деревьев. Пронизавший их солнечный луч заплясал у его ног. Доктор вспомнил о Луизе, ее пепельных волосах. Она была похожа на колдунью из страшной сказки, колдунью, в которую мужчины влюблялись себе на погибель. Загадочная женщина, с непоколебимым спокойствием и безмятежностью занимающаяся своими повседневными делами, дожидаясь уготованной ей судьбы. Интересно, подумал он, что ее ждет? Доктор неслышно вздохнул: что бы ее ни ждало, даже если сбудутся ее самые необузданные мечты, под конец все это окажется лишь иллюзией.